

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ»

На правах рукописи

Абдрахманова Лилия Набиулловна

**СПЕЦИАЛИСТ В СУДЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Зайнуллин Руслан Ильдарович

Уфа 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СПЕЦИАЛИСТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	17
1.1. Сведущие лица в истории уголовного судопроизводства	17
1.2. Специалист в ретроспективе и современном уголовном судопроизводстве: сравнительная характеристика и правовая регламентация.....	33
1.3. Процессуальная регламентация института специалиста как самостоятельной правовой формы участия сведущих лиц в судебном разбирательстве по уголовным делам (1864–1966): проблемы и решения.....	48
1.4. Исторические перспективы развития института специалиста в уголовном судопроизводстве России	59
ГЛАВА 2. СПЕЦИАЛИСТ КАК УЧАСТНИК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ.....	77
2.1. Эксперт и специалист как носители специальных знаний: проблемы сходства и отличий источников их специальной осведомленности	77
2.2. Участники судебного разбирательства по уголовным делам, наделенные правом обращаться к специалисту за содействием в решении вопросов, требующих специальных знаний.....	89
2.3. Статус специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам	105
ГЛАВА 3. ПРОЦЕССУАЛЬНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ.....	123
3.1. Правовые формы использования знаний специалиста в суде и проблемы их реализации участниками судебного разбирательства	123
3.2. Процессуальные и криминалистические основания принятия решения о привлечении специалиста к судебному разбирательству по уголовным делам....	145
3.3. Проблемы участия специалиста в процессуальных действиях на стадии судебного следствия: характеристика процессуальных действий как сферы применения знаний специалиста	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	177
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	192

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Многовековой опыт раскрытия и расследования преступлений показывает, что ни один субъект процессуального познания – ни следователь, ни орган дознания, ни суд – в своем стремлении выяснить обстоятельства криминального события не могут ограничиваться лишь собственными знаниями и навыками. Так или иначе, они вынуждены обращаться к специалистам за разъяснением вопросов, выходящих за рамки их собственной профессиональной осведомленности. Таких вопросов в уголовном судопроизводстве возникает немало, а их круг настолько широк, что ни один человек не в состоянии ответить на них.

О том, что человек не в состоянии обладать всеми возможными знаниями, А. Шопенгауэр писал так: «Человеческое знание неизмеримо во все стороны, и из того, что достойно знания, никто в одиночку не может знать даже тысячной доли»¹.

Обращение к сведущим лицам за разъяснением специальных вопросов всегда воспринималось как вполне естественное. Без их участия зачастую было невозможно полное, объективное и всестороннее выяснение обстоятельств события преступления. Субъекты процессуального доказывания, руководствуясь лишь собственными знаниями, не могут ответить, например, на вопрос о причине смерти человека, особенно когда на трупе нет признаков насилия. Без специальных медицинских знаний нельзя установить ни давность причинения телесных повреждений, ни степень их опасности для жизни и здоровья человека. Специальные знания в области, например, химии позволяют распознать вещество, которым был отравлен потерпевший, а помощь лиц, осведомленных в оружейведении и знающих методику идентификации холодного оружия по оставленным им следам, просто необходима, когда возникает вопрос, является ли найденный на месте преступления нож тем самым орудием, которым совершено убийство.

¹ Шопенгауэр А. Афоризмы и истины. – М. : Эксмо-Пресс, 1999. – С. 711.

Значимость участия специалиста при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел была очевидна всем, кому приходилось когда-либо выяснять обстоятельства преступлений, понимая ограниченность своих познавательных возможностей в силу многообразия решаемых задач и наличия широкого спектра предлагаемых наукой методов и средств для их решения. «Наука и практика так богаты, так многообразны, – отмечал в начале XX в. профессор Л.Е. Владимиров, – что нет людей, способных вместить в себе знание всех знаний. Умственная жизнь человечества уже настолько глубока и широка, что отношение к ней отдельного человека может быть основано только на начале специализации знаний... Знание даже одной только науки в полном ее объеме делается все более и более трудным делом... Человек, нуждающийся в чуждых его специальности (научной или практической) сведениях, должен обратиться к специалисту»².

Вся история уголовного судопроизводства показывает, что значительная часть вопросов, возникающих в ходе раскрытия и расследования преступлений, не может и не должна была решаться силами одних только юристов, представленных в уголовном процессе органами расследования, прокуратурой и судом. Вряд ли такие представления об их познавательных возможностях существенно изменились за истекшие после сказанного выдающимся ученым-юристом сто с лишним лет.

Роль сведущих лиц, привлекаемых в уголовное судопроизводство, всегда оставалась не только весьма значительной, но нередко и решающей для установления истины по делу. «Без сомнения, – писал основоположник криминалистики Г. Гросс, – важнейшим вспомогательным средством, имеющимся в распоряжении судебного следователя, являются лица сведущие, заключения которых часто оказывают решающее влияние на дело»³.

Распространение сферы влияния криминальной среды на жизнь общества, применение при совершении преступлений новейших методов, способов и

² Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула : Автограф, 2000. – С. 308.

³ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – 4-е изд. – СПб., 1908. – С. 188.

средств достижения преступной цели, в том числе с использованием ИТ-технологий, искусственного интеллекта, сложного механизма экономических и иных финансовых процедур предполагает привлечение к их раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению сведущих лиц, обладающих специальной подготовкой и опытом в самых разных отраслях науки, техники, искусства, ремесла. Для этого в законе регламентированы основания и разнообразные формы привлечения сведущих лиц к решению возникающих в уголовном судопроизводстве вопросов. Но, несмотря на то, что проблемам их участия в раскрытии, расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел внимание ученых уделялось и раньше, многие из этих проблем и сегодня остаются нерешенными. При том, что значительная часть проведенных научных исследований зачастую носит ограниченный, локальный характер, затрагивает узкий круг вопросов, связанных с той или иной правовой формой использования специальных познаний. В большинстве своём эти исследования были посвящены проблемам судебной экспертизы и участия судебного эксперта в раскрытии, расследовании и разрешении уголовных дел. Что касается специалистов, то вопросы их привлечения в уголовное судопроизводство как правило ограничивались проблемами повышения качества предварительного расследования.

Комплексных исследований проблем, связанных с привлечением специалиста к судебному разбирательству по уголовным делам, до настоящего времени фактически не проводилось, несмотря на очевидную актуальность данной темы. Неудивительно, что специалисты привлекаются к расследованию преступлений на порядок чаще, чем к участию в судебном заседании. Так, по результатам изучения материалов следственно-судебной практики выяснилось, что следователи обращались к специалистам за решением возникающих специальных вопросов по 82 % расследованных ими уголовных дел, в то время как суды инициировали участие специалистов в своих заседаниях только в 12 % из общего числа изученных нами уголовных дел.

О серьезных пробелах в использовании судьями знаний и навыков специалистов можно судить и по постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 21

декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (с изменениями и дополнениями, внесенными в 2021 г.)⁴, в котором специалист как самостоятельный носитель специальных знаний лишь упоминается, и то весьма поверхностно. В частности, в аспекте разграничения его полномочий с полномочиями эксперта, дающего заключение. При этом попытку Верховного Суда РФ сформулировать критерии разграничения специалиста и эксперта по признаку допустимости проведения исследований вещественных доказательств при сохранении такого права только за экспертом вряд ли можно признать удачной. В результате многие проблемы участия специалиста в судебных разбирательствах по уголовным делам даже не поднимались и, разумеется, не обсуждались высшей судебной инстанцией.

Между тем многоаспектность, многоплановость и большое разнообразие направлений возможного их исследования дают основания утверждать, что значительная часть таких проблем, среди которых следует назвать четкое определение правового статуса специалиста в суде, его функций, порядка привлечения к судебному разбирательству сторонами и установление ответственности специалиста за уклонение от выполнения возложенных на него обязанностей, а также ряда других актуальных проблем и сегодня остаются малоисследованными, а некоторые из них и вообще оказались вне поля зрения ученых-криминалистов и процессуалистов. Так, ждёт своего решения проблема привлечения специалистов для оказания суду и сторонам содействия в оценке собранных доказательств, которая зачастую оказывается невозможной для тех участников судебных разбирательств, кто не обладает необходимыми специальными знаниями. К примеру, такая необходимость может возникнуть у потерпевшего, участвующего в судебном разбирательстве по уголовному делу, но неспособного оценить собранные по делу доказательства с точки зрения их достоверности, допустимости или достаточности.

⁴ О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сказанное детерминирует потребность дальнейшего исследования роли специалиста в суде по уголовным делам.

Степень научной разработанности проблемы. Теоретические и практические проблемы участия специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам с давних времен являются предметом обсуждений учеными и практическими работниками. Одним из первых, кто поднял вопросы участия специалистов в уголовном судопроизводстве, был Г. Гросс, описавший научные методы, используемые сведущими лицами, привлекаемыми к расследованию преступлений. И только сравнительно недавно ученые приступили к исследованию общетеоретических проблем развития института специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Этим проблемам, в частности, посвятили свои работы Ф.Г. Аминев, Л.Е. Ароцкер, Т.В. Аверьянова, А.И. Винберг, Р.С. Белкин, Л.Е. Владимиров, Т.С. Волчецкая, О.Г. Дьяконова, Е.А. Зайцева, А.М. Зинин, Е.П. Ищенко, Ю.Г. Корухов, И.Ф. Крылов, А.В. Кудрявцева, Л.В. Лазарева, Н.П. Майлис, Т.Ф. Моисеева, В.Н. Махов, Е.Р. Россинская, И.Н. Сорокотягин, А.А. Тарасов, Л.Г. Шапиро, А.А. Эйсман, А.А. Эксархопуло, Н.П. Яблоков и др.

Вопросам, непосредственно связанным с привлечением специалистов к участию в уголовном судопроизводстве, посвятили свои работы А.Е. Галинская, А.Э. Денисов, В.В. Захарова, О.А. Исаева, Я.В. Комиссарова, В.С. Латыпов, А.А. Новиков, Т.Д. Телегина, И.И. Трапезникова, А.И. Усов и др.

Признавая большой вклад перечисленных авторов в развитие теоретических основ использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, отметим, что исследователи рассматриваемого направления заложили необходимые основы для применения знаний и навыков специалистов, причем не только в уголовном судопроизводстве. Ряд интересных идей, высказанных перечисленными авторами, несмотря на их дискуссионность, открывают перед современными учеными-криминалистами и процессуалистами широкие возможности для дальнейшего развития и совершенствования теории и практики привлечения специалистов к отправлению правосудия в нашей стране.

Объектом диссертационного исследования является одна из предусмотренных российским законом форм использования специальных знаний в уголовном процессе, а именно, участие специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам.

Предметом исследования стали объективные закономерности познания преступления, осуществляемого судом с использованием знаний и навыков специалистов, в целях решения возникающих в ходе судебного разбирательства специальных вопросов, а также основанные на познании этих закономерностей средства и методы повышения эффективности уголовного судопроизводства путем совершенствования законодательства, регулирующего институт специальных знаний, выявления и решения проблем, возникающих в связи с обращением участников судебного заседания к специалистам.

Цель диссертационного исследования состоит в выработке научных рекомендаций, основанных на анализе современных проблем участия специалиста в судебных разбирательствах по уголовным делам, изучении путей их решения с учётом исторического опыта, способствующих дальнейшему прогрессивному развитию теории и практики реализации института специалиста в российском уголовном судопроизводстве и повышению качества судебной деятельности в целом.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие **задачи**:

- проанализировать историю развития института специалиста в отечественном и зарубежном праве с целью, прежде всего, выявления проблем российского уголовного процесса, средства и методы решения которых, предложенные ранее, могут быть использованы в современной законодательной и судебной практике Российской Федерации;
- выявить недостатки правовой регламентации привлечения специалиста к судебному разбирательству уголовных дел и предложить способы их устранения;
- обосновать возможности прогрессивного развития института специалиста в уголовном судопроизводстве России с учётом исторического опыта;

- описать актуальные проблемы установления статуса и ограничения функций специалиста и эксперта в целях выработки критериев их разграничения, в том числе по субъектам, наделенным правом обращаться к носителям специальных знаний;
- конкретизировать и предложить более обоснованный перечень правовых форм использования знаний и навыков специалиста в суде, выработав предложения по их реализации участниками судебных разбирательств по уголовным делам;
- выработать научные основы принятия оптимальных решений о привлечении специалистов к судебному разбирательству по уголовным делам;
- обосновать с точки зрения действующего законодательства идею легализации «правовой экспертизы» и привлечения специалистов-юристов к решению возникающих вопросов на основе признания юридических знаний в качестве специальных для участников уголовного судопроизводства, не имеющих юридического образования, но наделенных правом обращаться к специалистам;
- выявить проблемы участия специалиста в судебных действиях и выработать пути их решения.

Методология и методика исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составили общенаучный диалектический метод познания, позволивший проследить закономерности формирования института специалиста с древних времен и до настоящего времени, а также комплекс частнонаучных методов, среди которых следует назвать исторический, использованный для изучения процесса становления и исторического развития института сведущих лиц в уголовном судопроизводстве; формально-логический, который был применён при выработке базовых понятий учения о специальных знаниях в уголовном процессе; сравнительно-правовой, необходимый для изучения проблем участия специалиста в правоприменительном процессе за рамками уголовного судопроизводства; системно-структурный, использованный в процессе исследования правовых форм привлечения сведущих лиц к раскрытию преступлений, начиная с 1715 г., и по настоящее время, а также при изучении механизма правового регулирования института специалистов в судебном разбирательстве по уголов-

ным делам и при анализе содержания нормативно-правовых актов, регламентировавших данный институт в Российской Империи, и в современном УПК РФ; статистический – для обобщения материалов следственной, экспертной и судебной практики, опроса практических работников и др.

Нормативную основу исследования составили: Воинский устав Петра Великого 1715 г., Свод законов Российской Империи, Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг., Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, постановления Пленума Верховного Суда РСФСР и Верховного Суда РФ и др.

Теоретическая основа исследования представлена работами Т.С. Аверьяновой, Ф.Г. Аминова, Л.Е. Ароцкера, А.И. Винберга, Р.С. Белкина, Л.Е. Владимировой, Т.С. Волчецкой, О.Г. Дьяконовой, Е.А. Зайцевой, В.В. Захаровой, А.М. Зинина, О.А. Исаевой, Е.П. Ищенко, И.Ф. Крылова, А.В. Кудрявцевой, Л.В. Лазаревой, Н.П. Майлис, В.Н. Махова, Е.Р. Россинской, И.Н. Сорокотягина, Т.Д. Телегиной, И.И. Трапезниковой, Л.Г. Шапиро, А.А. Эйсмана, А.А. Эксархопуло и других ученых.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составляют материалы 200 уголовных дел, находящихся в архивах районных судов г. Уфы, результаты опроса 80 судей Верховного Суда Республики Башкортостан и районных судов г. Уфы, результаты эмпирического анализа, полученные иными исследователями по аналогичной или смежной проблематике.

Научная новизна исследования. Представленная диссертация является комплексным монографическим исследованием криминалистических и процессуальных проблем участия специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам. Ранее опубликованные или защищенные научные работы касались в основном либо общих вопросов использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, либо привлечения специалистов к участию на предварительном следствии.

В настоящей работе на основе изучения истории формирования института специалиста в российском уголовном процессе и по результатам авторского ана-

лиза его современного состояния были предложены новые решения известных проблем и выявлены новые проблемы, нуждающиеся в решениях. В частности, по-новому раскрыта сущность специальных знаний. Согласно авторской концепции, специальный характер востребованных в суде знаний и навыков должен определяться не их отраслевым разнообразием, а уровнем осведомленности участников уголовного судопроизводства, наделенных правом обращаться к сведущим лицам, в специальных вопросах, то есть субъективным критерием.

Наряду с констатацией в целом позитивного развития института специалиста в современном уголовном процессе в диссертации критически оцениваются многие законодательные нововведения. Высказано мнение, что целый ряд таких новшеств породил новые проблемы участия специалиста в суде, ранее не обсуждавшиеся в науке. Среди них проблемы источников специальных знаний, от перечисления которых в УПК законодатель отказался. Такое решение можно было бы признать обоснованным, если бы в законе был легализован предлагаемый нами субъективный критерий определения сущности специальных знаний.

По мере выявления новых проблем, связанных с привлечением сведущих лиц к рассмотрению уголовных дел, в диссертации вносятся и новые предложения по совершенствованию нормативного регулирования участия сведущих лиц в судебном заседании, даются обоснованные научные рекомендации, направленные на эффективное использование судом знаний и навыков специалистов для выяснения неизвестных обстоятельств рассматриваемых им уголовных дел.

На защиту выносятся следующие положения:

1. К числу специальных знаний следует относить не только знания, воспринимающиеся как специальные судом, органами дознания или следствием, ранее обладавшими исключительным правом обращаться к сведущим лицам, но и являющиеся таковыми для обвиняемого, потерпевшего или их представителей — любые сведения специального характера, в том числе из области права, знаниями которых представители сторон уголовного процесса не обладают, но имеют законное право обращаться за разъяснениями к сведущим лицам, привлекаемым ими в статусе специалистов. Критерием разграничения специальных и неспеци-

альных знаний должен стать не характер самих знаний, подпадающих под установленный законом перечень, а субъективное отношение любого участника судопроизводства к тем или иным знаниям как для него специальным. Предлагаемый субъективный критерий вводится только для того, чтобы решение о привлечении специалиста стороной, не обладающей какими-либо познаниями или навыками, было юридически обоснованным.

2. Сформулированы критерии отграничения знаний специальных от общеизвестных. Предлагается к специальным знаниям эксперта относить любые знания, кроме тех, которыми обладают следователи, дознаватели или судьи в силу своей должности, своих профессиональных обязанностей и функций, наделенные исключительным правом назначать судебную экспертизу. К специальным знаниям и навыкам специалиста – любые знания, которые необходимы не только субъектам процессуального доказывания, но и неопределенному кругу лиц, именуемых в законе сторонами.

3. Предложено вернуться к сложившейся в Российской империи традиции, придав нормативный характер вполне себя оправдавшим мерам морально-этического воздействия на экспертов, дающих заключения и показания. Поэтому, кроме угроз привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложные показания и заключение (ст. 307 УК РФ), судебных экспертов и специалистов, призываемых оказывать сторонам и суду содействие в решении возникающих специальных вопросов, следует приводить к присяге. Считаем необходимым ввести принятие присяги при поступлении эксперта на службу (приложение 3), которая должна будет приниматься сведущим лицом как обязательное условие получения статуса эксперта или специалиста по уголовному делу.

4. Чтобы уравнивать участников производства по делу в правах и, соответственно, придать вызову специалиста стороной директивный характер, предложено предусмотреть в законе или ведомственных нормативных актах соответствующую процедуру и обеспечить выполнение специалистом обязанности явиться по вызову. Обоснована целесообразность предоставления сторонам права заявлять

органам расследования и суду соответствующее ходатайство, одновременно обязав этот орган данное ходатайство удовлетворить.

5. В целях обособления правовых форм использования знаний и навыков специалиста в суде и их отграничения от всего разнообразия форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве в целом предлагается определить понятие правовых форм, которые характерны для участия специалиста именно в судебном разбирательстве по уголовным делам: правовые формы использования знаний и навыков специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам представляют собой легализованные законом направления деятельности сведущего лица, имеющего правовой статус специалиста, в процессе осуществления которых специалист реализует свои специальные знания и навыки, участвуя в процессуальных действиях и решая задачи, поставленные перед ним сторонами или судом.

6. Предложено придать исследованию материалов уголовного дела статус самостоятельного процессуального действия. Это целесообразно сделать по двум причинам. Во-первых, действующий УПК предусматривает множество вариантов ознакомления участников производства по делу – сторон обвинения и защиты – с отдельными его материалами и делом в целом, зачастую содержащим сведения специального характера, требующие разъяснений. Во-вторых, законодатель сам признал правомерным привлечение специалиста к исследованию материалов уголовного дела (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), хотя и ограничил его познавательные возможности использованием только технических средств. Эти возможности, несомненно, следует расширить.

7. Обоснована целесообразность установления общего круга полномочий для всех специалистов и допуск их к участию в любом следственном или судебном действии, исключив выборочное упоминание о нем в УПК как об участнике ограниченного круга процессуальных действий, как это имеет место сегодня.

8. Разработан перечень задач, потребность решения которых в наибольшей степени мотивирует обращение сторон и суда за содействием к специалистам, яв-

ляясь в то же время правовым основанием и обязательным условием такого к ним обращения:

1) обнаружение сторонами или судом проблем, вызванных неполнотой, необъективностью или односторонностью исследования обстоятельств события преступления;

2) постановка конкретных вопросов, вытекающих из обнаруженной проблемы, ответы на которые могут быть получены не иначе как путем обращения к специальным знаниям сведущих лиц, способных помочь в выяснении еще неустановленных обстоятельств познаваемого события;

3) оценка знаний, требуемых для решения поставленных вопросов, как знаний специальных, привлечение которых позволит сократить пробелы предварительного расследования и устранить противоречия в собранных доказательствах;

4) признание сторонами и судом целесообразности обращения к специалисту, поскольку собственных знаний либо недостаточно для ответов на имеющиеся вопросы, либо такими знаниями они не обладают;

5) выбор правовой формы привлечения специалиста для решения поставленных вопросов, среди которых закон выделяет: а) оказание помощи при производстве судебных действий или для участия в исследовании материалов уголовного дела; б) получение устной консультации (в том числе в форме допроса специалиста); в) дача заключения и др.

9. Важным ресурсом для преодоления пробелов в понимании сущности института сведущих лиц, их функций в судопроизводстве и возможностей для оказания помощи при расследовании уголовных дел и постановлении приговора является знание истории становления и развития института сведущих лиц, а также накопленный исторический опыт нормативно-правового регулирования их участия в уголовном судопроизводстве. Историко-правовые знания об указанном институте целесообразно системно внедрять в образовательный процесс, включая в учебные программы вузов при подготовке будущих следователей, судей и судебных экспертов, а также активно использовать в программах повышения квалифи-

кации работающих правоприменителей и сведущих лиц, которые могут быть привлечены в уголовный процесс в качестве экспертов или специалистов. Такой подход будет способствовать формированию у обучающихся и повышающих квалификацию комплексного понимания эволюции института сведущих лиц, что позволит эффективнее применять исторический опыт при решении профессиональных задач в рамках современного уголовного судопроизводства, грамотно оценивать необходимость привлечения сведущих лиц в процесс, корректно формулировать задачи для экспертов и специалистов, а также выстраивать взаимодействие с ними. В долгосрочной перспективе это способно повысить качество доказывания и обоснованность принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве.

Достоверность результатов исследования обеспечивается анализом большого количества теоретических источников, репрезентативностью эмпирического материала, достаточной апробацией результатов исследования.

Теоретическая значимость исследования. Исследование развивает одно из направлений в юриспруденции – применение специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Обобщения, выводы, рекомендации и суждения, имеющиеся в работе, направлены на дальнейшее развитие указанного направления и могут успешно применяться для подготовки диссертационных, монографических работ, научных статей по исследуемой теме.

Практическая значимость заключается в том, что авторские выводы и результаты представленного в диссертации анализа исторического аспекта привлечения сведущих лиц могут быть учтены и использованы законодателем с целью совершенствования норм российского уголовно-процессуального законодательства, а также могут применяться в учебном процессе юридических вузов и для повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Апробация результатов исследования. Некоторые аспекты диссертационного исследования были отражены в выступлениях на научно-практических конференциях в Краснодаре «Хмыровские криминалистические чтения» (16 января 2025 г.), в Нижнем Новгороде «Национальные и международные тенденции и

перспективы развития судебной экспертизы» (14–15 мая 2025 г.), в Уфе «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства современной России: теория и практика» (1 апреля 2026 г.).

Основные положения диссертационного исследования отражены в 7 научных статьях, 4 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России. Материалы диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих 10 параграфов, заключения, списка использованных источников, приложений.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СПЕЦИАЛИСТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

1.1. Сведущие лица в истории уголовного судопроизводства

Проблемы использования знаний сведущих лиц в уголовном судопроизводстве как раньше, так и сегодня отличаются не только многоаспектностью, но и разнообразием подходов к их решению. К таким проблемам относятся и поиск оптимальных способов законодательной регламентации участия сведущих лиц в раскрытии, расследовании и разрешении уголовных дел, и придание результатам их работы доказательственного значения, и трудности криминалистической разработки наиболее рациональных форм взаимодействия участников уголовного процесса со специалистами и экспертами, и выработка оптимальной для конкретных условий расследования и рассмотрения уголовных дел тактики проведения процессуальных действий с участием специалистов и многое другое. Без их решения трудно рассчитывать на высокую эффективность процессуального познания в ходе раскрытия, расследования и разрешения уголовных дел, достигаемого посредством обращения к сведущим лицам.

Одним из перспективных направлений научных исследований, осуществляемых в целях совершенствования практики применения знаний сведущих лиц при производстве по уголовным делам, является прогнозирование возможных направлений развития института специальных знаний, основанное на изучении его истории как источника совершенствования мер борьбы с преступностью. Современные исследователи чаще всего анализируют и ссылаются на мнения современников, отраженные в их публикациях, и редко заглядывают в первоисточники. Более того, традиционно оппоненты обращают внимание на недопустимость использования якобы устаревших источников. Но история развивается по спирали, и выводы, к которым мы приходим в настоящее время, чаще всего сформулированы уже давно. Некоторые же идеи, высказанные много лет назад, и по сей день остаются актуальными, но так и не внедренными в практику. В этой связи мы поста-

рались, насколько это было возможно, проанализировать первоисточники по рассматриваемой нами теме, сравнить основные положения с действующими правилами, отметив внедрение позитивного опыта и указав на некоторые моменты, которые полезно использовать в настоящее время.

Историческим аспектам развития института сведущих лиц в уголовном процессе посвятили свои исследования многие ученые. Криминалистам хорошо известно имя Ю. Торвальда, в работах которого описаны достижения криминалистической науки в период ее зарождения, в том числе на примерах расследования громких уголовных дел того времени⁵. Большой вклад в изучение истории криминалистики внесли и отечественные исследователи – И.Ф. Крылов, А.И. Винберг, Р.С. Белкин, Н.П. Яблоков и др.⁶ Значительное внимание истории становления криминалистической науки, историческим аспектам развития института специальных знаний в уголовном процессе уделено в работах Е.Р. Россинской⁷, А.М. Зинина и Н.П. Майлис⁸, Д.А. Сорокотягиной и И.Н. Сорокотягина⁹. О формировании и развитии института судебной экспертизы в России и за рубежом пишет в своей монографии Ф.Г. Аминев¹⁰; Я.В. Комиссарова в одном из своих исследований изложила некоторые вопросы развития института судебной экспертизы¹¹; А.А. Эксархопуло уделил особое внимание истории развития института специ-

⁵ Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. – М. : Прогресс, 1974 ; Он же. Криминалистика сегодня. Развитие судебной серологии. – М. : Юрид. лит., 1980 и др.

⁶ Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии : дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1966 ; Он же. Были и легенды криминалистики. – Л. : ЛГУ, 1987 ; Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. – М. : Норма, 1999; Белкин Р.С., Винберг А.И. История советской криминалистики. – М., 1982 ; Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2019 и др.

⁷ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы : учебник. – М. : Норма, 2009. – С. 20–37.

⁸ Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза : учебник. – М. : Право и закон ; Юрайт-Издат, 2002. – С. 6–18.

⁹ Сорокотягина Д.А., Сорокотягин И.Н. Теория судебной экспертизы : учебное пособие. – Ростов н/Д. : Феникс, 2009. – С. 31–69.

¹⁰ Аминев Ф.Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения : монография. – М. : Юрлитинформ, 2019. – С. 5–46.

¹¹ Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. – М. : Юрлитинформ, 2014. – С. 90–102.

альных знаний в уголовном судопроизводстве России¹²; заметным вкладом в науку стали исторические исследования криминалистов из Башкортостана¹³ и работы некоторых других ученых¹⁴.

Несмотря на достаточно обширное и интересное освещение многих исторических фактов, начиная с донаучного периода и заканчивая современным состоянием криминалистики, большая часть этих работ отличается стремлением авторов дать лишь общее представление о достижениях криминалистической науки в разные исторические периоды ее развития. В меньшей степени они стремились выяснить перспективы развития криминалистики, включая институт специальных знаний, руководствуясь историческим опытом. И поэтому мало кто из современных исследователей искал в исторических источниках пути решения современных проблем криминалистики.

Обнаруженные учеными в процессе исторических изысканий факты свидетельствуют лишь о достижениях науки и практики в тот или иной исторический период, о создании более совершенных средств и методов борьбы с преступностью на том или ином отрезке времени. Систематизация таких фактов позволяла представить хронологию становления криминалистики в целом, как это, собственно, и было принято в исторических повествованиях, акцентирующих внимание на наиболее значимых открытиях ученых, решавших актуальные проблемы науки и

¹² Эксархопуло А.А., Петров В.В. Исторический опыт и современные перспективы развития судебно-экспертных учреждений в условиях проведения правовой реформы // Правоведение. – 2004. – № 4 ; Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб : СПбГУ, 2005. – С. 9–49 ; Он же. Криминалистика: уроки истории и современное развитие // Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития : сборник докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию кафедры криминалистики Института права БашГУ / под общ. ред. И.А. Макаренко. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – С. 45–54 и др.

¹³ Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития : монография. – М. : Юрайт, 2019.

¹⁴ Ищенко Е.П. Новый век криминалистики : в 2 ч. – М. : Проспект, 2017 ; Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений. – М. : Юрлитинформ, 2011. – С. 7–16 ; Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Владимир, 2011 ; Махов В.Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993. – С. 15–20 ; Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – С. 88–123 и др.

правоохранительной практики в определенный период времени. Например, на достижениях антропометрии во второй половине XIX в., на открытиях дактилоскопии, на формировании научных методов судебной фотографии и разработке новейших научно-технических методов и средств исследования вещественных доказательств, в частности трасологических, баллистических, технико-криминалистических методов исследования документов и т. д.¹⁵ И хотя познавательное значение обнаруженных историками криминалистики фактов было, несомненно, велико, изучение ее истории не должно ограничиваться поисками лишь наиболее показательных и удачных примеров прогрессивного развития этой науки. История формирования научного знания не раз подсказывала, как, в каком направлении следует развивать криминалистическую науку, какие ее проблемы могут быть решены сегодня с использованием исторического опыта, какие уроки можно из этого опыта извлечь.

Один из первых, кто такие задачи поставил перед собой и попытался их решить – А.А. Эксархопуло. Им не только описан позитивный опыт заимствования современной криминалистикой прошлых ее достижений, но и указаны некоторые нерешенные проблемы науки, определены тенденции позитивного развития криминалистических институтов и учений, в том числе пути решения проблем, связанных с использованием специальных знаний. Основываясь на прошлых достижениях криминалистики и уголовно-процессуального права, автор убедительно показал, что история развития науки о средствах и методах раскрытия и расследования преступлений и может стать источником сведений о возможном перспективном развитии современной криминалистической науки. «История криминалистики, – пишет А.А. Эксархопуло в одной из статей, – как и любой науки, представляет интерес прежде всего как система фактов, позволяющая проследить закономерности становления криминалистического научного знания и наметить пути дальнейшего

¹⁵ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М. : ЛексЭст, 2002. – С. 184–336 ; Крылов И.Ф. В мире криминалистики. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1989 ; Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. – М. : Норма, 1999. – С. 19–25, 168–183, 332–346 ; Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития. – М. : Юрайт, 2019. – С. 97–121 и др.

его развития»¹⁶. Руководствуясь сказанным, ученый пришел к обоснованному выводу, что изучение любой проблемы, возникающей в науке, «следует начинать с ее исторического анализа»¹⁷, ибо «...знать свою историю, значит понимать, почему так было и к чему неизбежно приведет будущее...»¹⁸.

В подтверждение своих выводов А.А. Эксархопуло приводит ряд примеров того, как современные разработки криминалистики, представляемые в виде позитивных результатов новейших криминалистических исследований, в реальности оказывались повторением благополучно забытых истин, хорошо известных в прошлом и получивших отражение в теории и в практике борьбы с преступностью. Остановимся на некоторых из них.

В современной криминалистической учебной и методической литературе примерно одинаково описываются тактические приемы проведения очной ставки. Среди них авторы обязательно называют такие базовые приемы, как выбор оптимальной очередности допроса участников данного следственного действия, чьи показания существенно расходятся. Согласно современным рекомендациям очную ставку следует начинать с допроса того участника, кто, по обоснованному предположению следователя (суда), дает правдивые показания¹⁹. Исключение составляют «случаи, когда в отношении одного из участников очной ставки, сообщającego ложные сведения, имеются неопровержимые улики. В таких случаях начинать допрос

¹⁶ Эксархопуло А.А. Криминалистика: уроки истории и современное развитие // Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития : сборник докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию кафедры криминалистики Института права БашГУ / под общ. ред. И.А. Макаренко. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – С. 45.

¹⁷ Эксархопуло А.А. Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития : монография. – М. : Юрайт, 2019. – С. 47.

¹⁸ Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. – М., 1989. – Т. VII. – С. 6.

¹⁹ Курс криминалистики : в 3 т. / под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – Т. 1. – С. 618–619 ; Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов. – 3-е изд. – М. : Норма, 2008. – С. 596 ; Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник. – СПб. : Лема, 2009. – С. 622 и др.

рекомендуется с участника очной ставки, лживость показаний которого может быть разоблачена имеющимися в распоряжении следователя доказательствами»²⁰.

Кроме того, определяя очередность допроса на очной ставке, необходимо учитывать влияние, которое один из ее участников может оказать на другого, внушив ему необходимость изменения своих показаний²¹.

Предполагать зависимость одного участника очной ставки от другого можно и в зависимости от их процессуального положения. Если очная ставка проводится между обвиняемым и свидетелем, то первым лучше допросить свидетеля, если между мужчиной и женщиной, то допрос правильнее начинать с женщины²².

Обоснованность таких тактических рекомендаций подтверждена многовековой практикой их применения при расследовании преступлений. Нельзя, однако, не заметить, что ни один из авторов рекомендаций не сослался на то, что все они были хорошо известны еще 300 лет назад и описаны в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб», опубликованном в апреле 1715 года в качестве части воинского устава Петра Первого²³. Правда, выработаны эти правила были не для очной ставки в современном ее понимании, а для выбора очередности допроса под пыткой лиц, заподозренных в совершении одного и того же преступления и представших перед судом. В этом первом российском «уголовно-процессуальном законе» говорится, что «если приводили несколько обвиненных по одному преступлению, то судья должен был начинать с того, от которого он надеется скорее узнать истину. Если же сего с достоверностью предположить нельзя будет судье, то он должен начинать с того, кто находится в самом большом подозрении, если

²⁰ Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова и В.А. Снеткова. – М. : Инфра-М, 1997. – С. 338 ; Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов. – С. 596 и др.

²¹ Порубов Н.И., Порубов А.Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты. – М. : Юрлитинформ, 2013. – С. 201–202 ; Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова и В.А. Снеткова. – С. 337 ; Следственные действия. Криминалистические рекомендации и образцы документов / под ред. В.А.Образцова. – М. : Юрист, 1999. – С. 165 ; Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. – М. : Юрист, 1997. – С. 126.

²² Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития. – С. 61–63.

²³ См.: Маньков А.Г. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юридическая литература, 1986. С. 422.

же все обвиненные находились в одинаковом подозрении и если между ними находились отец с сыном или муж с женою, тогда велено было пытаться сына прежде, чем отца, жену прежде, чем мужа»²⁴.

И еще на один важный аспект изучения истории криминалистики обратил внимание А.А. Эксархопуло – на то, что знание истории позволяет оградить современных исследователей от искушения делать давно сделанные открытия.

Но не только в повторении прошлых достижений науки и практики без ссылок на их первоисточник можно было обнаружить издержки криминалистических разработок средств и методов познания события преступления, предложенных современными учеными. Проблема состоит еще и в том, что такое «заимствование» исторического опыта иногда сопровождается лишь частичным его использованием, что влечет досадную утрату важных решений проблемы, не замеченных современными разработчиками «хорошо забытого старого».

Так, заимствуя тактику очной ставки из законодательных правил допроса соучастников преступлений под пыткой, выработанных в начале XVIII в., современные интерпретаторы не заметили, что, восприняв сами тактические приемы оптимального выбора последовательности допроса на очной ставке, упустили из вида один важный аспект проблемы: в законе начала XVIII в. отражены не только правила, описанные выше, но и предложены критерии, по которым надлежало выбирать очередность допроса соучастников преступления²⁵. Этот пробел в тактике проведения данного следственного действия не устранен ни современной криминалистикой, ни уголовно-процессуальной наукой, ни законодателем, хотя мог бы стать перспективным направлением научных исследований в области совершенствования и тактики очной ставки, ее законодательной регламентации.

Помимо сказанного, можно привести немало примеров и вполне удачных заимствований криминалистической наукой достижений уголовного процесса в период исторического формирования его законодательной базы, в том числе и в

²⁴ Цит. по: Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. – М. : ЛексЭст, 2001. – С. 91.

²⁵ Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития. – С. 47–69.

сфере использования специальных знаний. Например, правила распознавания подлогов в документах (ст. 698 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.)²⁶, которые в современной криминалистике почти в том же объеме представлены тактико-техническими правилами осмотра документов²⁷.

Тем не менее в арсенале «хорошо забытого» криминалистической наукой и сегодня остается немало полезных, сформировавшихся в далеком прошлом, но нереализованных идей, которые были оформлены в виде практических рекомендаций или нашли отражение в законодательстве средневековой России, а позднее и Российской империи XVII–XIX вв. Среди них, в частности, идея состязательной экспертизы²⁸.

Факты обращения к сведущим лицам за разъяснением вопросов, появляющихся при расследовании преступлений, были известны задолго до законодательного урегулирования процедуры их привлечения в уголовный процесс, впрочем, как и до возникновения самой криминалистической науки. О таких фактах писали многие исследователи истории уголовного судопроизводства, криминалистики и тенденций формирования ее познавательных методов, включая институт специалиста²⁹. И хотя исследователи истории криминалистики уделяли внимание в основном историческому развитию судебной экспертизы и методам экспертных исследований, первые упоминания о привлечении сведущих лиц в сферу борьбы с преступностью касались не экспертных исследований, а участия сведущих людей в розыске преступников по оставленным ими на месте преступления следам.

²⁶ Эти правила были рекомендованы к применению сведущими лицами: «Сличение подписи и почерка на актах может быть поручено сведущим людям, которые избираются и дают свое заключение на общем основании» – говорилось в ст. 553 Устава гражданского судопроизводства в дополнение к правилам распознавания подлогов документов (ст. 547, 549–553 УГС). Ими предлагал руководствоваться УУС.

²⁷ Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник. – СПб. : Лема, 2009. – С. 320–324.

²⁸ Даневский В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа (Москва 1895). – Киев, 2003. – С. 47.

²⁹ Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. – М., 2001 ; Крылов И.Ф. В мире криминалистики. – 2-е изд. перераб. и доп. – Л., 1989. – С. 155–156 ; Он же. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1966 ; Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах. – Л., 1976. – С. 3–43 ; Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. – М., 1999.

О таких «специалистах» в области сыска, известных в истории под именем «следопытов», чьи общности (касты) формировались в основном в среде потомственных охотников, писали многие известные ученые. О кастах следопытов Древней Индии напомнил читателям основоположник криминалистики Г. Гросс³⁰, об отечественных следопытах прошлого, способных распознавать следы и находить по ним преступников, рассказывали И.Ф. Крылов, Р.С. Белкин и другие известные отечественные ученые.

Но не только сыскная работа, даже в далеком прошлом, требовала обращения к сведущим лицам. Не меньший интерес для познания истины с использованием специальных знаний в уголовных делах представляли и другие направления деятельности органов, на которые возлагалась обязанность раскрывать преступления. Руководствуясь результатами исторических исследований, проведенных указанными авторами, можно предположить, что формирование института специалистов, привлекаемых к исследованию обстоятельств совершенных преступлений, как и использование знаний следопытов в розыскных целях, началось еще в глубокой древности.

Институт специалиста, участвующего в уголовном судопроизводстве, в том виде, в каком он существует сегодня, начал формироваться одновременно с институтом специальных знаний. Как специалисты в современном их представлении воспринимаются сегодня и «следопыты», помогавшие древним сыщикам искать преступника, скрывшегося после совершения злодеяния, и врачи, осматривавшие раны на теле жертв с целью распознавания совершенного над человеком насилия, и присяжные мастера – «письмоведы», специализировавшиеся на распознавании подлогов в рукописных текстах. Эти последние в середине XVI в. во Франции даже создали свои корпорации³¹.

³⁰ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – С. 623–625. Об американских индейцах из числа воинов и охотников, обязанных владеть искусством «читать следы», писала и проф. Е.Р. Россинская. См., например: Россинская Е.Р. Профессия – эксперт. (Введение в юридическую специальность). – М. : Юрист, 1999. – С. 18.

³¹ Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. – С. 1 ; Россинская Е.Р. Указ. соч. – С. 17.

Формирование института специалистов в уголовном процессе во многом было обусловлено потребностями практики борьбы с преступлениями, точнее, теми их разновидностями, которые с глубокой древности были наиболее распространены и в России, и в мире – посягательствами на жизнь человека и его имущество. Чтобы изобличить преступников в совершении таких деяний, необходимо знать, что стало причиной смерти, каким орудием она причинена, как преступник завладел чужой собственностью – путем обмана, подлога документов или тайно похитил чужое имущество. И если выяснение обстоятельств смерти человека или причинения ему телесных повреждений требовало медицинских знаний, то способы хищений, совершенных, например, с использованием документальных подлогов, трудно разоблачить без привлечения лиц, сведущих в правописании, то есть владеющих грамотным письмом. Неудивительно поэтому, что именно с этих двух разновидностей известных с древности профессий начиналось формирование и самого института специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

По признанию известного историка криминалистики профессора И.Ф. Крылова, возникновение судебной экспертизы связано прежде всего с медициной³² и исследованиями подложных документов, проводимыми в средневековой Руси на основании Указа от 9 декабря 1699 г. «О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора или сомнения»³³. Уже тогда лица, на которых возлагалась обязанность раскрывать и расследовать преступления, связанные с посягательствами на жизнь и имущество людей, понимали, что медицинскими или лингвистическими (грамматическими, текстологическими) знаниями ни они, ни судьи не обладали. Естественно, что первыми примерами использования знаний и навыков сведущих лиц в практике борьбы с преступностью стали обращения к представителям медицинских профессий, прежде всего для решения вопросов, связанных с посягательствами на жизнь и здоровье, в том числе с причинением телесных повреждений.

³² Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1966.

³³ Там же.

Именно с медицинских знаний, привлекаемых в отечественное уголовное судопроизводство, и начинал формироваться институт специальных знаний, востребованных правосудием. Это подтверждается и более ранними историческими исследованиями, посвященными становлению данного института, нежели те, которые проводил профессор И.Ф. Крылов. Так, в своей работе 1832 г. один из основоположников отечественной судебно-медицинской науки выдающийся профессор С.А. Громов приводит пример медицинского освидетельствования в 1537 г. князя Андрея Иоанновича, уклонившегося от прибытия к царскому двору под надуманным предлогом, то есть сославшись на болезнь, которая была «по освидетельствовании врачом Феофилом найдена маловажной»³⁴. Этот врач и считается «первым судебным медиком в России»³⁵, но не первым из сведущих лиц, которых в мировой практике стали привлекать к выяснению обстоятельств преступлений, требовавших специальных медицинских знаний.

«В некоторых сочинениях Гиппократы, – писал С.А. Громов в "Кратком изложении судебной медицины", – равно как и у Аристотеля, находим мы также несколько принадлежащих сюда материй». И далее: «В Юстиниановом собрании Римских законов, известном под названием дигестов или пандектов, равно как и в его новеллах, ясные находятся предписания о свидетельстве в некоторых случаях беременных женщин, которое и производимо было повивальными бабками»³⁶. Повивальные бабки времен Древнего Рима, надо полагать, и стали прообразом сведущих лиц, привлекаемых для выяснения обстоятельств, связанных с беременностью женщин.

Основываясь на историческом опыте Древней Греции и Рима, С.А. Громов первый из отечественных ученых обратил внимание на существенные отличия специальных медицинских знаний от знаний правовых, которыми должны обладать судьи. Эти отличия, надо полагать, и побудили древних служителей Фемиды

³⁴ Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления (1832 г.) // Пленк И.-Я. Наставление по судебной медицине. – СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2004. – С. 148.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. – С.137.

обращаться к сведущим в медицине лицам за решением специальных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства дел о насильственных преступлениях. Профессор С.А. Громов подчеркивал, что именно своими профессиональными знаниями врач отличается от судьи, который «обращал собственно свое внимание не на следствие насилия или тот вред, который причинен оным... но только на намерение преступника или побудительные причины к насилию, о коих врач редко бывает в состоянии судить надлежащим образом»³⁷.

С еще большей ясностью в вопросе о необходимости обращаться к врачам с целью выяснения характера телесных повреждений говорилось в германском законодательстве начала и середины первого тысячелетия нашей эры. «Закон Алеманов, – продолжал С.А. Громов свой экскурс в историю судебной медицины, – определенно говорил, что при суждении о повреждениях надлежит требовать мнения врача; Гофтское уложение повелевало осматривать раны в отношении их смертельности...»³⁸.

Врачи привлекались и для ответа на возникавшие медицинские, то есть специальные, вопросы путем производства осмотров и освидетельствований живых лиц и трупов. Со временем такая потребность была осознана и законодателем. «Необходимость в сомнительных судебных случаях требовать мнения врачей, – писал С.А. Громов, – дабы соблюсти при решении оных надлежащее правосудие, признана ныне всеми просвещенными правительствами. Не менее того много должно было пройти времени, пока законодатели и правители народов почувствовали необходимость сию»³⁹.

Фактически до конца XVI в. именно наружным осмотром трупа ограничивалось применение врачами своих специальных знаний в уголовном судопроизводстве, тогда как исследования мертвых тел проводились в те годы в очень ограниченных пределах. «Конечно, исследования сии, – писал С.А. Громов, – были в начале своем весьма еще поверхностны и недостаточны, и у мертвых людей дол-

³⁷ Громов С.А. Указ. соч. – С. 138.

³⁸ Там же. – С. 139.

³⁹ Там же. – С. 136.

гое время ограничивались одним только наружным осмотром оных»⁴⁰. Это еще одно свидетельство того, что институт специалиста, приглашаемого для оказания помощи следствию и суду в проведении процессуальных действий, начал формироваться раньше института судебных экспертов.

Важность производства такого рода процессуальных действий с участием сведущего лица для установления истины по уголовным делам особо подчеркивалась в одном из германских законов, провозглашавших, что без осмотра врачом тела убитого невозможно было привлечь убийцу к ответственности. Так, по Норманнскому уложению, названному С.А. Громовым одним из старинных Уложений германских народов⁴¹, «признаваемо было необходимым делать осмотр и самим трупам прежде, нежели определена будет степень наказания, законами положенного; если же тело убитого погребено было без осмотра, то и наказание не имело уже места...»⁴².

Неслучайно С.А. Громов замечает в своей работе по судебной медицине, что именно средневековая Германия стала первой среди стран Европы, поставившей практику судебных осмотров живых лиц и трупов с участием врачей на научную основу. Тем самым, резюмирует автор, было положено «твердое и прочное основание судебной медицины, которая после того, соразмерно успехам правоведения... и приращению физико-врачебных знаний, более и более расширялась в пределах своих и усовершеншалась; так что мало-помалу сделались предметами оной не одни только сомнительные случаи, по уголовному суду встречающиеся, но также и по всем другим отраслям правоведения, т. е. по суду гражданскому, духовному и проч.»⁴³.

Как видим, профессор С.А. Громов рассуждает о практике использования специальных медицинских знаний в судебных разбирательствах, история которых насчитывает уже свыше пяти столетий, причем не только о судебном рассмотрении криминальных деяний, но и о практике ведения гражданских дел. То есть о

⁴⁰ Там же. – С. 140.

⁴¹ Своды Законов ранних германских народов («Законы варварства») были приняты в середине первого тысячелетия после Рождества Христова.

⁴² Громов С.А. Указ. соч. – С. 139.

⁴³ Там же.

том, о чем так оживленно спорят современные ученые, настаивающие на расширении предмета криминалистики за счет включения в него проблем криминалистического обеспечения гражданского, арбитражного, административного процесса и права⁴⁴.

В отличие от судебных медиков первые упоминания о сведущих лицах иных профессий, привлекаемых к решению специальных вопросов в судебных делах, прежде всего, как уже говорилось, для распознавания подлогов в документах, можно встретить, по свидетельству И.Ф. Крылова, в литературных и законодательных источниках Русского государства, относящихся к началу XVI в.⁴⁵ При неоднозначности статуса сведущих лиц, специализирующихся на распознавании подлогов в документах, и отсутствии достаточного количества источников исторической информации трудно говорить, в каких правовых формах использовались их специальные знания в области грамматики, текстологии, владения грамотным письмом и т. д.

Между тем о таких формах можно судить по разнообразию функций врачей, осуществлявших в уголовном судопроизводстве XVI в. «свидетельства» живых лиц и трупов. Как отмечалось, эти функции заключались, с одной стороны, в их наружном осмотре, с другой – в исследовании ран и установлении причин смерти путем вскрытия трупов. В современном уголовном судопроизводстве эти функции выполняют специалисты и эксперты.

Тем не менее общего законодательного или терминологического разделения сведущих лиц на экспертов и специалистов в то время еще не проводилось ни в Европе, ни в России. Не был на законодательном уровне четко определен и правовой статус носителей специальных знаний как участников уголовного процесса. Только с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав, УУС) сведущие лица стали самостоятельными участниками расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, а по выполняемым ими функциям раздели-

⁴⁴ Дискуссии о предмете современной криминалистики, тенденциях его расширения и ограничения подробно описаны в работе : Криминалистика. Теоретический курс / А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин и др.. – Уфа : НИИ ППГ, 2022. – С. 58–104.

⁴⁵ Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1966. – С. 5.

лись на тех, кто оказывал «техническое» (в широком смысле слова) содействие судебному следователю и суду, и тех, кто проводил экспертные исследования с использованием своих специальных знаний. Устав, правда, обозначал их одинаково – сведущими людьми. Тем не менее их различие вполне осознавалось учеными того времени. Так, известный процессуалист XIX – начала XX в. профессор Л.Е. Владимиров разделил сведущих людей на две группы: «справочных свидетелей» (аналог современного специалиста) и «научных судей» (аналог эксперта)⁴⁶. Такое деление было вполне обоснованным как с точки зрения практики привлечения сведущих лиц в уголовное судопроизводство, так и с точки зрения нормативного регулирования их участия в расследовании и судебном рассмотрении по уголовным делам.

Так, во втором отделении третьей главы УУС, установившем порядок разбирательства таких дел в мировом суде, регламентировалось производство осмотров, освидетельствований и обысков (ст. 105–114). Обязанность их проводить возлагалась ст. 105 на мировых судей или по их поручению на полицию, но при этом ст. 112 прямо допускалась возможность привлекать при проведении этих следственных действий сведущих людей. В частности, в случаях, когда «для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» (ст. 112)⁴⁷. Это и был перечень источников специальных знаний, которые могли быть востребованы для выяснения обстоятельств правонарушения, рассматриваемого мировым судьей. Таким образом, сведущие люди законом признавались полноправными участниками этих следственных действий и как участники наделялись правом знакомиться с протоколами, которые обязаны были подписывать (ст. 144).

⁴⁶ Подробно о научных судьях и справочных свидетелях, а также о разграничении их функций см.: Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула : Автограф, 2000. – С. 238–320.

⁴⁷ См.: Устав уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальный кодекс России. Ч. 1. Официальные тексты / отв. ред. В.А. Панюшкин. – Воронеж, 1998.

То же самое, но уже с дополнением функций сведущих людей, благодаря которым формы использования специальных познаний оказались существенно расширены, Устав предусматривал для предварительного следствия по делам, подведомственным окружным судам. В нём, помимо привлечения сведущих людей к производству следственных действий, закон на тех же основаниях допускал самостоятельное проведение осмотров и освидетельствований непосредственно самими сведущими людьми (ст. 315–335 УУС). Такими основаниями, как и по делам, подведомственным мировым судьям, признавались случаи, «когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» (ст. 325 УУС). Уставом на судебного следователя возлагалась также обязанность «предложить сведущим людям словесно или письменно вопросы, подлежащие их разрешению» (ст. 332 УУС). Таким образом, освидетельствование через сведущих людей стало как бы прообразом будущей судебной экспертизы.

Таким образом, установив круг источников специальных знаний (наука, искусство, ремесло и т. д.), а также определив общий юридический статус сведущих лиц как участников уголовного судопроизводства, УУС впервые определил и две базовые процессуальные формы использования их знаний и навыков для решения задач правосудия. Не обособляя их терминологически, как это было позднее сделано в отечественных уголовно-процессуальных законах (УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ), разделивших сведущих лиц на специалистов и экспертов, Устав тем не менее уже различал сведущих лиц в зависимости от их функций. А значит, определил и разнообразие правовых форм применения специальных знаний и навыков в уголовном судопроизводстве середины XIX в. Соответственно, одни сведущие лица призывались оказывать судебному следователю и суду помощь при производстве процессуальных действий (осмотров, освидетельствований, обысков – ст. 104, 112, 114 УУС), другие – для самостоятельного проведения исследования живых лиц, трупов или предметов по заданиям судебного следователя и суда (ст. 325–352 УУС).

До принятия Устава в российской практике раскрытия и расследования преступлений преимущественно использовалась первая правовая форма, а именно

участие сведущих лиц в личных осмотрах, проводимых следователем⁴⁸. И только с введением в действие УПК РСФСР 1960 г., и особенно после его дополнения в 1966 г. отдельной ст. 133-1, сведущее лицо, получившее свое легитимное название «специалист», приобрело статус самостоятельного участника уголовного процесса – носителя специальных знаний.

1.2. Специалист в ретроспективе и современном уголовном судопроизводстве: сравнительная характеристика и правовая регламентация

Именно специалист в современном его восприятии, а не эксперт стал в истории уголовного судопроизводства первым легитимным носителем специальных знаний и навыков, привлекавшимся для оказания содействия в раскрытии и расследовании преступлений. По крайней мере, именно в качестве обладателей особых навыков и специальных знаний выступали и древнеиндийские следопыты «кхои», помогавшие разыскивать преступников, и средневековые врачи, использовавшие свои медицинские знания при производстве наружного осмотра мертвых тел с признаками насилия. Такой осмотр еще в начале XVI в. германскими законами признавался обязательным по делам об убийствах, без его проведения нельзя было привлечь преступника к ответственности⁴⁹.

Интересно отметить, что УПК РФ не только повторил положение законодательства Российской империи об «обязательном участии врача при осмотрах трупов»⁵⁰, но и существенно развил его. Так, согласно ч. 1 ст. 178 УПК РФ «следователь производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача. При необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты».

⁴⁸ Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – С. 7.

⁴⁹ Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления (1832 г.) // Пленк И.-Я. Наставление по судебной медицине. – СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2004. – С. 139.

⁵⁰ Артикул воинский от 26 апреля 1715 г.

Право привлечения к осмотру трупа иных, помимо врача, специалистов стало, надо полагать, вполне осознанным дополнением к положениям средневекового законодательства, обусловленным потребностями практики. Ибо уже тогда органы правосудия ясно понимали, что при осмотре трупа требуется решать не только вопросы о причинах смерти или иные сугубо медицинские вопросы, но и, к примеру, вопросы об орудиях, которыми были причинены смертельные ранения.

Что касается обязательности проведения врачом наружного осмотра трупа, без которого «древние германские законы» запрещали привлекать убийцу к ответственности, то здесь опыт средневекового правосудия, заимствованный лишь отчасти, спустя полтысячелетия получил определенное развитие. Не сохранив обязательность производства самого наружного осмотра трупа, возложенную законами XVI в. на судебного врача, современное уголовно-процессуальное законодательство все же решило, причем, на наш взгляд, более удачно, проблему привлечения сведущих лиц к выяснению обстоятельств предполагаемого убийства, призвав не ограничиваться лишь наружным осмотром трупа, а проводить его экспертизу. То есть решать вопросы, связанные со смертью человека, в более надежной с точки зрения достоверности результатов правовой форме. Соответственно, уголовно-процессуальный закон России признал обязательным и участие врача в его осмотре (ч. 1 ст. 178 УПК РФ), и производство судебно-медицинской экспертизы трупа, назначаемой в целях установления причин смерти (п. 1 ч. 1 ст. 196 УПК РФ).

При этом современный УПК существенно расширил круг обязательно решаемых судебными медиками вопросов, включив в него, помимо установления причин смерти, еще и ряд других, связанных с характером и степенью тяжести причиненного здоровью человека вреда, а также диагностику психического или физического состояния подозреваемого (обвиняемого) или потерпевшего (п. 2–5 ч. 1 ст. 196). Соответственно, расширился и круг исследуемых в обязательном порядке объектов, дополненный живыми людьми. Справедливости ради надо сказать, что подобное дополнение было введено еще УПК РСФСР 1922 г.: «Вызов

экспертов, – говорилось в примечании к ст. 67, – обязателен для установления причин смерти и характера телесных повреждений, а также для определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у суда или следователя по этому поводу возникают сомнения».

Между тем становление и второй, более поздней правовой формы участия сведущих лиц в судопроизводстве, представленной сегодня судебной экспертизой, также имело исторические основания и корни. По мере развития судебно-медицинской науки европейские врачи уже к концу XVI в. смогли производить вскрытие трупов для установления причин смерти, то есть, как бы мы назвали сегодня, судебно-медицинскую экспертизу. Первое такое исследование, по свидетельству С.А. Громова, было проведено французским хирургом А. Паре в 1582 г.⁵¹

Такая же по разнообразию форм использования специальных знаний практика формировалась и в отечественном уголовном судопроизводстве. Мы уже приводили в первом параграфе пример освидетельствования князя Андрея Иоанновича врачом Феофилом. И хотя данное исследование проводилось не по криминальному событию, а в связи с уклонением князя от прибытия ко двору по призыву царя и великого князя Иоанна Васильевича, врач, который его освидетельствовал, считается первым в России судебным медиком⁵².

Этот пример конца XVI в. говорит о том, что институт экспертизы, так же как и в Европе, начал формироваться позднее, чем институт специалиста, поскольку на первых этапах развития данного института врач вынужден был ограничиваться лишь наружным осмотром живых лиц и мертвых тел. Такая задержка объяснялась несовершенством медицинских знаний того времени.

В России производство осмотра и вскрытия мертвых тел с целью установления причин смерти человека, как известно, впервые получило нормативное закрепление в Артикуле 154 Краткого изображения процессов или судебных тя-

⁵¹ Громов С.А. Указ. соч. – С. 141.

⁵² Там же. – С. 148.

жеб⁵³. В разделе «Толкование» данного Артикула сказано: «Того ради зело потребно есть, чтоб сколь скоро кто умрет, который в драке был и бит, поколот, или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали, и подлинно розыскали, что какая притчина к смерти ево была, и о том имеют свидетельство в суде на писме подать, и оное присягою своею подтвердить»⁵⁴.

Так в законодательстве появились обязательные для исполнения правила использования специальных знаний, и в первую очередь, производство судебно-медицинского исследования трупа с целью установления причин смерти (п. 1 ч. 1 ст. 196 УПК РФ).

Интересно отметить, что отечественные авторы, ссылаясь на Артикул 154 "Краткого изображения процессов или судебных тяжб" как на первое упоминание в российском законе начала XVII в. о проведении судебно-медицинского исследования трупа, не обратили внимание на продолжение текста данного Артикула, где, между прочим, перечислены признаки смертельных телесных повреждений, которые «лекари», при достаточности владения медицинскими знаниями, могли распознать по внешним признакам, не прибегая к вскрытию трупа. Такое упущение современных исследователей тем более удивительно, что на возможность использовать знания врача как специалиста, а не как эксперта, производящего вскрытие трупов, указал в свое время еще С.А. Громов: «Но Петр Великий в случаях смертоубийства не довольствовался... повелением делать один только наружный осмотр трупам убитых людей, но вменил врачам в неперемнную обязанность» определять «сверх того с надлежащей точностью повреждения тела, которые надлежало почитать смертельными»⁵⁵.

Этот перечень смертельных повреждений, признаваемых таковыми в соответствии с «тогдашним состоянием врачебной науки»⁵⁶, говорил скорее о том, что

⁵³ См.: Маньков А.Г. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. - М.: Юридическая литература, 1986. - С. 355.

⁵⁴ Там же. - С. 355.

⁵⁵ Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления. – С. 148.

⁵⁶ Там же.

для выяснения причин смерти врачу иногда достаточно внимательно осмотреть саму рану в рамках наружного осмотра трупа. То есть, выражаясь современным языком, выступить в качестве специалиста, участвующего в данном следственном действии. Для иллюстрации приведем этот перечень смертельных повреждений, предложенный законодателем при толковании Артикула 154:

«(1) Раны мозговые, когда главная жила повреждена будет, или когда кровь или иная какая мокрота вход в главную жилу запрет, или по исхождении некоторых скорых дней и по запечении крови лихорадка, безумие и от того смерть приключитца. Крови запеченной надлежит между тонкою и толстою мозговою кожицею лежать, или между тонкою и мозгом; понеже оное, что между толстою и черепом лежит, можно снять препаном и болной излечен быть.

(2) Раны затылочного мозга, которые у шеи или близко головы, а которые пониже, не имеют великого страху.

(3) Раны у легкого, когда медиан или сучек горла тронут будет. (4) А особливо раны сердечные, хотя и 15 дней при том жил.

(5) Раны гортанные, а имянно: если глотка повреждена; буде же кожица около глотки уязвлена, то можно исцелить.

(6) Раны перепонки, а имянно: есть ли часть главных жил повреждена будет.

(7) Раны желудка, когда верховное желудковое устье и от онаго разделенные главные жилы повреждены будут.

8) Раны тонких кишек гораздо редко исцелимы бывают.

(9) Раны печени и селезенки, когда их жилки повреждены.

(10) Раны медиана наичастее смертоносны бывают. Но понеже лекарь рану лутче, нежели другой кто затворить умеет, того ради притчину смерти не всегда убийце причитать надобно.

(11) Раны, которые чрез отравныя вещи или звери учинятца, всегда едва не суть смертоносны»⁵⁷.

⁵⁷ Маньков А.Г. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. - С. 355.

Вряд ли, однако, сегодня целесообразно заимствовать этот исторический опыт законодательной регламентации признаков, характеризующих степень тяжести телесных повреждений, тем более на уровне уголовно-процессуального закона, ибо эти признаки подробно описаны в специальных судебно-медицинских справочниках, учебниках и профильной научной литературе⁵⁸.

Тем не менее перечисление признаков смертельных повреждений в артикулах воинского устава начала XVII в. само по себе весьма важно, особенно в контексте нашего исследования, ибо говорит о том, что сфера применения специальных медицинских знаний не ограничивалась исследованиями трупа путем его вскрытия, а распространялась на деятельность сведущих лиц, ставших прообразом будущих специалистов, привлекаемых в уголовное судопроизводство для оказания содействия следствию и суду в познании события преступления.

Кроме этого, закон 1715 г. в качестве дополнительного критерия, по которому можно было бы диагностировать причину смерти человека, рекомендовал судьям устанавливать вид орудия, которым могли быть причинены смертельные ранения: «Тако ж судье надлежит, – говорилось в Артикуле 154, – гораздо смотреть, каким оружием убитый убит или поврежден был. Тем ли бит, от чего мог легко умереть, яко топором, кольями, дубиною и протчим, или иным чем, яко малыми палочками и протчим, чем нелегко смертно убить возможно, в котором последнем случае обыкновенное наказание произвести невозможно, но на рассмотрение судейское предается».

Между тем надо заметить, что воинский устав 1715 г., подробно перечислив в Артикуле 154 признаки смертельных повреждений, а также указав на важность для суда установления орудия преступления, ничего не сказал, в рамках какого следственного действия эти вопросы должны были решаться. Ясно было лишь,

⁵⁸ Хабова З.С., Фетисов В.А. О судебно-медицинской оценке тяжести вреда здоровью в случаях травм голеностопного сустава // Судебно-медицинская экспертиза. – 2012. – № 55 (4). – С. 14–17 ; Зиненко Ю.В. К вопросу о проблеме определения тяжести вреда здоровью при расследовании насильственных преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (28). – С. 27–31 ; Чигрина Е.В. Причинение тяжкого вреда здоровью: понятие и проблемы квалификации // Экономика. Право. Общество. – 2024. – № 9 (2). – С. 58–63 ; Клевно В.А., Пузин С.Н. Судебно-медицинская экспертиза вреда здоровью // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2011. – Т. 14, № 4. – С. 51–53 и др.

что и визуальная оценка характера ран, и вид оружия, которым они были причинены, без специальных знаний определить затруднительно, если вообще возможно, учитывая разнообразие предметов, которыми можно причинить человеку смерть. Поэтому устанавливать оба эти обстоятельства убийства, то есть и степень опасности для жизни человека самого предполагаемого орудия преступления, и смертельность полученных ран, без привлечения сведущих лиц вряд ли было возможно. Такими знаниями могли обладать, с одной стороны, специалисты в области медицины, с другой стороны, лица, сведущие в оружии. И тех и других целесообразно было привлекать к осмотру ран, обнаруженных на теле трупа, и предметов, которые могли стать орудиями преступления.

Возможно, именно спектр вопросов специального характера, связанных с гибелью человека, указанный в Артикуле 154, подтолкнул современного законодателя к принятию формулировки ст. 178 УПК РФ, допускающей привлечение к осмотру трупа не только судебного медика или иного врача, но и «других специалистов». Чего, кстати, не было предусмотрено ни в одном из действовавших до 2001 г. российских УПК. Потребность решения, наряду с медицинскими вопросами, еще и вопросов, относящихся к орудиям преступления, подтверждена практикой раскрытия и расследования убийств, сформировавшейся за минувшие столетия.

Сказанным, однако, не ограничивается сходство и различие процессуального законодательства дореформенной России⁵⁹ и действующего УПК РФ, обусловленное заимствованием. Речь, прежде всего, идет о взаимосвязи института специальных знаний, привлекавшихся в российское уголовное судопроизводство в период его становления, и современного состояния правового регулирования данного института.

Так, заимствовав идею об обязательном привлечении сведущих в медицине лиц к производству осмотров и исследований, современный российский законодатель дополнил и перечень специалистов, оказывающих следователю профессиональную помощь, и перечень процессуальных действий, производство которых

⁵⁹ Имеются в виду Судебные реформы 1864 г.

может потребовать их участия. В частности, в соответствии с ч. 3 ст. 425 УПК РФ закон признал обязательным участие психолога или педагога в допросе несовершеннолетних, в соответствии с ч. 4 ст. 179 УПК – врача – при освидетельствовании, связанном с обнажением лица другого пола, а также при извлечении трупа из места захоронения (ч. 4 ст. 178 УПК), переводчика – при допросе лиц, не владеющих языком судопроизводства (ч. 2 ст. 18, ст. 168 УПК), и др. Еще больше возможностей УПК РФ предусмотрел для факультативного привлечения специалистов разного профиля к производству процессуальных действий, предоставив следователю и суду право решать этот вопрос по мере необходимости, в зависимости от обстоятельств дела и характера возникающих при этом специальных вопросов.

Таким образом, проведение осмотра мертвых тел врачом, которое практиковали еще в древности, положило начало широкому распространению первой из форм использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, потребовав от законодателя ее правовой регламентации – урегулирования участия специалистов в производстве процессуальных действий для оказания помощи следователю и суду.

Однако возможности заимствования исторического опыта для совершенствования института специальных знаний в современном российском уголовном судопроизводстве этим отнюдь не ограничивались. Об этом говорят многие факты, в том числе сравнительный анализ базовых категорий данного института и практика привлечения специалистов к раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел.

Интересным для сравнения может стать перечень источников специальных знаний, впервые предложенный в Своде законов Российской империи⁶⁰ и впоследствии усовершенствованный Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Этот перечень спустя 60 лет был весьма неудачно интерпретирован УПК РСФСР 1922 г., однако с теми же недостатками повторен всеми УПК России. Напомним

⁶⁰ Памятники русского права. Вып. 8. – М., 1961. – С. 635.

об этих перечнях источников специальных знаний и навыков с нашими комментариями.

В ст. 943 Свода законов Российской империи среди источников были названы «особые сведения или опытность в какой-либо науке, искусстве или ремесле»⁶¹. Потребность в них, обнаруживаемая при расследовании преступлений, становилась основанием для обращения к сведущим людям. Существенный недостаток данного перечня, прежде всего его очевидную неполноту, законодатель учел спустя 30 лет, во время подготовки судебных реформ, в частности при разработке Устава уголовного судопроизводства.

В ст. 112 и 325 нового уголовно-процессуального закона Российской империи источники специальных знаний были представлены «наукой, искусством, ремеслом, промыслом и какими-либо занятиями». Нетрудно заметить, что предложенный законодателем 150 лет назад перечень не носил исчерпывающего характера, как в Своде, допуская, помимо фиксированного списка источников специальных знаний и навыков, привлекать к расследованию и судебному разбирательству сведущих людей, занимающихся любыми специальными промыслами или иными «занятиями» специального характера. Однако позитивный опыт расширительного толкования перечня источников специальных знаний, предложенный Уставом 1864 г., к сожалению, не был воспринят ни одним из действовавших позднее уголовно-процессуальных законов. Во всех УПК, начиная с принятого в 1922/23 гг., этот перечень был построен по примеру Свода законов первой трети XIX в., то есть носил исчерпывающий, весьма ограниченный характер, поскольку в нем оказались упразднены и промысел, и «какие-либо занятия».

Так, согласно ст. 67 УПК РСФСР 1922 г. специальными законодатель признал лишь знания «в науке, искусстве или ремесле», назвав одного их носителя — эксперта. Ни о каких специалистах как обладателях специальных знаний в законе речи не шло. Хотя из текста соответствующих статей и можно было понять, что эксперт не только дает заключение, отвечая на поставленные вопросы следовате-

⁶¹ Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений. — М. : Юрлитинформ, 2011. — С. 7.

ля, но и участвует по его вызову в осмотрах и освидетельствованиях: «Лицо, вызываемое в качестве эксперта, обязано явиться участвовать в осмотрах и освидетельствованиях и давать заключения. В случае неявки без уважительных причин, а также в случае отказа без законных оснований от исполнения своих обязанностей к экспертам применяются такие же меры, что и в отношении свидетелей» (ч. 1 ст. 68 УПК 1922 г.). И если участие экспертов в расследовании преступлений отражалось в соответствующем протоколе следственного действия (ст. 78 УПК РСФСР 1923 г.), то привлечение их к судебному разбирательству фиксировалось в протоколе судебного заседания (ст. 80). Это говорит о том, что закон не разделял по правовому статусу экспертов, самостоятельно проводящих исследования по заданиям следователя и суда, и сведущих лиц, оказывающих им содействие при производстве следственных и иных процессуальных действий. Такое разделение произошло только в 1960 г. с принятием нового УПК.

Возвращаясь к перечню источников специальных знаний, предложенных УПК РСФСР 1922 г. и повторенных в ст. 63 УПК 1923 г., нельзя не заметить, что в нем не нашлось места ни технике, ни специальным навыкам. Соответственно, лица, сведущие в технике, например автослесари, знающие устройство автомобилей, как и обладатели специальных навыков – те же опытные водители транспортных средств, по формальным признакам не могли привлекаться для производства автотехнической или дорожно-транспортной экспертиз при расследовании транспортных происшествий.

Понадобилось 40 лет, прежде чем соответствующие дополнения были внесены законодателем в приведенный выше перечень, который по УПК РСФСР 1960 г. уже выглядел расширенным, а именно: «наука, техника, искусство и ремесло» (ст. 78). Между тем и этого перечня было недостаточно для полной характеристики специальных знаний, обладая которыми, сведущие лица могли привлекаться к расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел. В него, в частности, не попали многие виды иных увлечений человека, не имеющие признаков ни одного из источников специальных знаний и навыков, предлагаемых в законе. Так, критикуя законодательное закрепление перечня источников специ-

альных знаний, А.А. Эксархопуло пишет: «Недостаток состоял в том, что специальные сферы деятельности, знания из которых могли быть востребованы, в уголовно-процессуальных кодексах РСФСР оказались исчерпывающе представлены в перечнях, где, как известно, речь шла о специальных познаниях в "науке, искусстве или ремесле" (по УПК 1923 года) или о "науке, искусстве, технике и ремесле" (согласно УПК 1960 года)... И поэтому такие знания, например, как знания в области любительского спорта, нумизматики, филателии и т. п., не являясь ни наукой, ни техникой, ни искусством и ни ремеслом, формально нельзя было признавать специальными, поскольку они, будучи "иными занятиями", не подпадали под предусмотренный законом перечень...»⁶².

Этот на первый взгляд несущественный вопрос стал весьма актуальным сегодня. И прежде всего как пример того, что позитивный исторический опыт был проигнорирован отечественным законодателем в ущерб формированию в российском уголовном судопроизводстве более совершенного института специальных знаний, который до этого вполне уверенно развивался в законодательной и правоприменительной практике на протяжении многих десятилетий и даже столетий, несмотря на то что такой опыт был известен с середины XIX столетия и с ним достаточно было просто ознакомиться по тексту Устава уголовного судопроизводства 1864 г., чтобы не совершать необдуманных шагов.

Напомним содержание соответствующих ст. 112 и 325 УУС, где говорилось, что «сведущие лица привлекаются в уголовное судопроизводство в «тех случаях, когда для точного уразумения встречающихся в деле обстоятельств необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии»⁶³. Вот этой последней, допускающей расширительное толкование характеристики источников специальных знаний и не хватило российскому законодателю, чтобы принять более корректную и обоснованную формулировку соответствующей нормы процессуального закона. Но даже она в свое время вы-

⁶² Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 15.

⁶³ Устав уголовного судопроизводства 1864 года.

звала критические замечания со стороны российских ученых конца XIX – начала XX в. Оценивая указанные статьи УУС, Л.Е. Владимиров говорил о предлагавшемся в них перечне как об «общем постановлении», не способном даже в расширенной редакции рассматриваться как исчерпывающий: «В каких поименно случаях должны быть судом вызываемы сведущие лица, закон определить не может: исчерпывающего вычисления таких случаев достичь едва ли можно *a priori*»⁶⁴.

Не найдя, видимо, ответа на вопрос, поставленный сто лет назад известным российским ученым-процессуалистом, и понимая ущербность прежнего решения проблемы, законодатель вообще отказался от перечисления в УПК РФ источников специальных знаний, опыта или навыков. Однако вряд ли такой отказ стал лучшим вариантом решения проблемы уяснения сущности специальных знаний в уголовном процессе.

Между тем варианты решения ее есть, и мы готовы их предложить, обосновав их достоинства и недостатки. Но об этих вариантах речь пойдет в последнем параграфе настоящей главы, который мы планируем посвятить перспективам развития института специальных знаний в уголовном судопроизводстве России, обусловленным историческим опытом.

И еще один важный аспект, вытекающий из сопоставления законодательных решений проблем правовой регламентации специальных знаний, предложенных в прошлом и в современном уголовно-процессуальном законодательстве. С принятием УПК РСФСР 1960 г. и до введения в действие УПК РФ специальными знаниями, оставались только «наука, техника, искусство или ремесло» (ст. 78 УПК РСФСР). Причем эти перечни источников специальных знаний распространялись исключительно на судебную экспертизу, о чем было сказано в упомянутой статье УПК, вынуждая по-разному их комментировать применительно к новой фигуре сведущих людей, введенной в 1960 г., – специалисту.

Для характеристики последнего законодатель ограничился лишь упоминанием о том, что специалист – это лицо, призываемое для участия в следственных

⁶⁴ Владимиров Л.Е. Указ. соч. – С. 239.

действиях и использующее свои специальные знания и навыки для содействия следователю (ст. 133-1 УПК РСФСР) либо просто «обладающее специальными знаниями» (ст. 58 УПК РФ). Поэтому все дискуссии о сущности специальных знаний, которые развернулись вокруг этого понятия, фактически оказались дискуссиями о содержании и пределах знаний судебных экспертов, но не специалистов в уголовном процессе.

Расшифровка сущности специальных знаний путем перечисления их источников (наука, техника и т. д.), относимых, согласно уголовно-процессуальному закону, только к судебному эксперту (ст. 78 УПК РСФСР), но не к специалисту, дает основания для некоторых весьма важных умозаключений. Учитывая, что список источников специальных знаний большинством ученых и всеми судебными инстанциями комментировался как содержащий любые сведения специального характера, кроме юридических, отказ от него вполне можно расценить как осознанный. Ибо для характеристики знаний и навыков специалиста отказ от признания недопустимым ставить перед специалистом на разрешение правовые вопросы явился вполне логичным завершением долгой дискуссии на эту тему. Тем обоснованней звучит этот вывод, ибо, в отличие от судебной экспертизы, назначаемой только следователем, дознавателем и судом, то есть юристами по образованию, правом обращаться к специалисту за разъяснением возникающих специальных вопросов УПК РФ наделил уже не субъектов процессуального доказывания, а стороны (ч. 1 ст. 58). Вряд ли можно сомневаться, что среди представителей сторон как обвинения, так и защиты, в частности среди потерпевших и обвиняемых, профессиональных юристов не так много. И для них юридические знания являются такими же специальными, как для судьи знания, основанные на профессиональной, не юридической подготовке их обладателей, в частности в области физики, химии, радиоэлектроники и прочих отраслях науки и техники.

Исключив из УПК РФ их перечень, законодатель таким образом решил проблему ущербности исчерпывающего перечисления источников специальных знаний, просто отказавшись от его правовой регламентации. И сегодня этот перечень, предложенный в УПК РСФСР 1960 г. в объеме «науки, техники, искусства

или ремесла», сохранился лишь в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 2, 9) и в решениях Пленума Верховного Суда РФ, касающихся судебной экспертизы (например, постановление № 28).

Тем не менее вопрос о специальных знаниях и их сущностном распределении между сведущими лицами, выполняющими разные функции, был хотя и небесспорно, но в целом более успешно решен Уставом 1864 г. В нем не только не ограничивался круг специальных знаний, навыков, опыта и т. д., но и не делалось никаких различий ни по объему, ни по их содержанию между сведущими лицами, оказывающими следователю и суду содействие при производстве процессуальных действий. Говоря современным языком, между специалистами и теми, кто самостоятельно проводил исследование предметов, живых лиц и трупов в порядке их «освидетельствования через сведущих людей», то есть экспертами (ст. 315–352 УУС). Все они в равной мере считались носителями знаний в области науки, искусства, ремесла, промысла или иных занятий».

Между тем реалии современного уголовно-процессуального права и законодательства вынуждают искать критерии для принципиального разграничения специальных знаний специалиста и эксперта. Правда, искать их следует не в самих специальных сведениях или опытности сведущих лиц, ибо, как показали и исторический опыт, и бесконечные дискуссии на эту тему, любые критерии такого рода в итоге окажутся беспредметными и неопределенными, а в профессиональной подготовке участников уголовного процесса, которых закон наделил правом обращаться за содействием к специалистам и экспертам для решения возникающих специальных вопросов. И здесь, как справедливо заметил А.А. Эксархопуло, исходить нужно из того, что для любого человека специальными знаниями и навыками могут быть только те, «которыми он сам профессионально не владеет»⁶⁵. Соответственно, для юриста специальными будут любые профессиональные знания, кроме юриди-

⁶⁵ Эксархопуло А.А. Учение о специальных познаниях, используемых в уголовном судопроизводстве // Криминалистика. Теоретический курс : монография. – Уфа : НИИ ППГ, 2022. – С. 197.

ческих, для инженера – все, за исключением знаний техники его профиля, для экономиста экономические знания специальными не будут, для спортсмена все окажутся специальными, кроме знаний в области того вида спорта, которым он профессионально занимается, и т. д.

Сказанным возможности полезного сопоставления разных решений проблемы сведущих лиц в уголовном судопроизводстве, в частности института специалиста, предлагавшихся в прошлом, и современных законодательных решений тех же проблем не ограничиваются. Не самым удачным стало, например, решение проблемы добросовестности и достоверности сообщаемых сведущими лицами сведений, а именно регламентированные уголовным и процессуальным законами способы достижения указанных целей, установленные еще в советское время (ст. 173 УПК РСФСР 1922 г.), по сравнению с законодательными решениями той же проблемы в прошлом (например, в Уставе 1864 г.). Максимум, на что оказался готов законодатель, так это на закрепление в процессуальном законе обязательства судебных экспертов не давать заведомо ложных заключений под угрозой привлечения к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ и аналогичным статьям прежних УК РСФСР.

По-другому – по нашему убеждению, более разумно и обоснованно – решался вопрос об экспертной добросовестности и честности. Устанавливая обязанность лекарей «взрезать мертвое тело» и «доподлинно розыскать притчину смерти», петровский Артикул 154 требовал не просто оформить результаты проведенного ими исследования трупа в письменном виде, но и подтвердить «присягою» его достоверность: «...лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали, и подлинно розыскали, что какая притчина к смерти ево была, и о том имеют свидетельство в суде на письме подать, и оное присягою своею подтвердить»⁶⁶. Современный же законодатель посчитал достаточной для эксперта гарантией добросовестности выполнения им своей работы просто подписать заключение, будучи предупрежденным об уголовной ответственности за дачу ложного заключения. Никаких торжественных клятв в подтверждение достоверности своих выводов от современного эксперта

⁶⁶ Артикул воинский от 26 апреля 1715 г.

при этом не требуется. Хотя такая форма торжественности, безусловно, оказывала бы психологическое воздействие при даче ложных и ошибочных заключений некомпетентными, а нередко и коррумпированными специалистами и экспертами.

1.3. Процессуальная регламентация института специалиста как самостоятельной правовой формы участия сведущих лиц в судебном разбирательстве по уголовным делам (1864–1966): проблемы и решения

Сведущие лица, оказывающие, наряду с экспертами, помощь следствию и суду при производстве следственных действий, были известны уголовному судопроизводству Российской империи задолго до судебных реформ 60-х годов XIX в. На их разграничение по выполняемым функциям, а именно на тех, кто проводил исследования предметов, живых лиц и трупов, и тех, кто участвовал в процессуальных действиях, проводимых судебным следователем и судом, указывал еще И.Ф. Крылов⁶⁷.

Обращаться к сведущим лицам за содействием могли и мировые судьи, и судебные следователи, и полиция, выполнявшая их поручения, и судьи иных судебных инстанций. Так, мировой судья, обязанный по находящимся в его производстве делам самостоятельно проводить предусмотренный УУС комплекс следственных действий (ст. 105), вправе был для «точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства», требующего специальных сведений или опытности, привлекать сведущих людей (ст. 112). Эти, как мы назвали бы их сегодня, специалисты призывались к производству осмотров, освидетельствований, обысков и выемок (ст. 105–111), а за неявку могли быть подвергнуты денежному взысканию (ст. 114). Именно как участники этих следственных действий сведущие люди обязаны были подписывать соответствующие протоколы, удостоверяя тем самым правильность отражения хода и результатов их проведения (ст. 144). Те же правила действовали и в отношении сведущих лиц, привлекавшихся судебным следова-

⁶⁷ Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1966. – С. 7.

телем к производству осмотров, освидетельствований (ст. 315, 325, 328, 578). Отдельно Уставом регламентировалось участие судебного врача при осмотрах и освидетельствованиях трупов (ст. 226–348), а также телесных повреждений живых лиц, причиненных в результате «побоев, увечья, членовредительства, оскотления, изнасилования, повреждений в здоровье, преждевременного разрешения от бремени вследствие изгнания плода или насилия и тому подобных последствий преступных деяний» (ст. 349).

Регламентируя две формы участия сведущих лиц в расследовании преступлений – в форме оказания помощи следователю (суду) и в форме самостоятельного проведения сведущими лицами исследований (в рамках осмотра и освидетельствования), – Устав устанавливал и общие для них признаки. Такими общими отличительными признаками всех сведущих людей, призываемых к расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел, Устав называл обладание ими специальными сведениями или опытностью «в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» (ст. 112, 325). Этими качествами должны были обладать как те сведущие лица, кто выполнял, по сути дела, функции экспертов, исследуя обнаруженные при осмотрах, обысках и т. д. предметы, трупы или телесные повреждения жертв преступления, так и те, кто призван был помогать следователю (суду) проводить отдельные следственные действия. На сведущих людей, проводящих исследования, возлагалась обязанность давать свое заключение с ответами на поставленные им судебным следователем (судом) вопросы (ст. 332–334, 578, 690, 695).

Функции сведущих людей, оказывающих следствию и суду помощь при производстве отдельных следственных действий, и тех, кто производил исследования (освидетельствования) для ответа на поставленные им вопросы, были предусмотрены и уголовно-процессуальным законодательством, принятым в начале 20-х годов прошлого века. Как и Устав 1864 г., УПК РСФСР 1922/23 гг. не различал сведущих лиц ни по их статусу, ни терминологически. В этом можно увидеть очевидное сходство УПК РСФСР с соответствующими положениями УУС. Однако, в отличие от Устава, в котором все носители специальных знаний, навыков и опыта

именовались сведущими людьми, УПК РСФСР 1922/23 гг. использовал для их обозначения иной, но тоже единый для всех сведущих лиц термин. В результате и так же независимо от разнообразия выполняемых функций все они стали именоваться экспертами (ст. 63–64, 78, 80, 112, 162, 169, 192, 250, 253, 254, 256, 277 УПК РСФСР 1923 г.). О том, что все сведущие лица, названные законодателем экспертами, участвовали и в следственных действиях, проводимых следователем, и давали свои заключения, свидетельствует, в частности, формулировка ст. 64 УПК РСФСР 1923 г.: «Лицо, вызываемое в качестве эксперта, обязано явиться и участвовать в осмотрах и освидетельствованиях и давать заключения»⁶⁸.

Это терминологическое единообразие, заимствованное советским законодателем, свидетельствует о том, что и разработчики УУС, и создатели первых УПК РСФСР не нашли оснований разграничивать сведущих лиц, выполняющих различные функции, ни юридически, ни терминологически. Соответственно, и те, кто оказывал помощь следователю (суду) при производстве отдельных следственных действий, и те, кто по их заданиям проводил исследования вещественных доказательств, живых лиц или трупов, давая заключения с ответами на поставленные перед ними вопросы, фактически уравнивались в правах и некоторых обязанностях. К такому же выводу пришла С.В. Лукошкина, проведя сравнительный анализ правового статуса специалистов по Уставу уголовного судопроизводства и УПК РФ⁶⁹.

Несмотря на отсутствие четкого законодательного разграничения сведущих лиц, разницу между теми и другими прекрасно понимали ученые и практики, которым приходилось комментировать Устав уголовного судопроизводства и руководствоваться им в своей деятельности. Так, Л.Е. Владимиров делил всех сведущих людей, чья деятельность регламентировалась Уставом уголовного судопроизвод-

⁶⁸ УПК РСФСР 1923 г.

⁶⁹ Лукошкина С.В. Сравнительный анализ правового статуса лица, обладающего специальными знаниями по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и УПК Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 3. – С. 59–68.

ства, на экспертов и справочных свидетелей⁷⁰. Комментируя эти идеи ученого, А.А. Эксархопуло высказал предположение, что основу предложенного Л.Е. Владимировым деления составило не только разнообразие функций сведущих лиц, одни из которых оказывали консультационную помощь следователю и суду, а другие самостоятельно проводили исследования и давали заключения по специальным вопросам, но и иные критерии. А.А. Эксархопуло пишет об идее профессора Владимирова так: «Справочных свидетелей, по его мнению, отличало от экспертов то, что они, во-первых, основывали свои выводы не на науке, а на **опытности**, и, во-вторых, то, что их объяснения могли быть усвоены и оценены участниками уголовного процесса. Эксперты же руководствовались в своих выводах **данными науки**, оценивать которые судьи были не в состоянии»⁷¹.

Отмеченные отличия экспертов от справочных свидетелей, дополнившие критерии, по которым уже в советское время стали разграничивать экспертов и специалистов, а именно по выполняемым ими функциям, со временем забылись. Однако спустя более полвека после Л.Е. Владимирова законодатель интуитивно вернулся к обозначенным им отличительным признакам двух категорий сведущих людей.

Так, совершенствуя институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве, законодатель назвал опытность признаком, которым должен был обладать специалист. Данный признак был учтен в дополнениях к УПК РСФСР, принятых в 1966 году. Этими нововведениями законодатель определил статус специалиста, который, в отличие от эксперта, мог призываться для оказания помощи следствию и суду не только в силу обладания специальными знаниями, но и навыками: «Специалист обязан: явиться по вызову; участвовать в производстве следственного действия, используя свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств» (ч. 3 ст. 133-1 УПК РСФСР). В то время как экспертиза назначалась при возникновении

⁷⁰ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула : Автограф, 2000. – С. 237–239.

⁷¹ Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 24.

потребности следствия и суда в специальных знаниях, источниками которых законодатель назвал «науку, технику, искусство или ремесло» (ст. 78 УПК РСФСР).

Не остался без внимания законодателя и второй сформулированный Л.Е. Владимировым критерий, по которому справочных свидетелей надлежало отличать от экспертов на том основании, что объяснения первых «могли быть усвоены и оценены участниками уголовного процесса», в то время как эксперты должны были руководствоваться «в своих выводах данными науки»⁷². Чтобы убедиться в преемственности идей русского ученого, достаточно обратить внимание на формулировку ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе» (ч. 1 ст. 8), а заключение «должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ч. 2 ст. 8).

Мы полагаем, что современному законодателю не следует пренебрегать и другими сформулированными Л.Е. Владимировым критериями, по которым он предлагал отличать справочных свидетелей от экспертов, но уже применительно к специалисту. В частности, целесообразно было бы при их разграничении руководствоваться признаком доступности для восприятия результатов работы специалиста, привлеченного к производству следственных и иных процессуальных действий, в отличие от результатов экспертизы, научную обоснованность выводов которой судьи (следователи) оценивать не в состоянии.

Основываясь на результатах анализа законодательства, действовавшего начиная с середины XIX в. и до принятия УПК РСФСР 1960 г., можно с уверенностью сказать, что институт специалиста в тот период только начинал формироваться в российском уголовном судопроизводстве, не выделяясь в качестве самостоятельной правовой формы использования специальных знаний. Хотя и имел на то достаточно оснований. Прежде всего, в связи с функциональным разделением сведущих лиц, получившим законодательное оформление в УУС и дополненным

⁷² Цит. по: Эксархопуло А.А. Указ. соч. – С. 24.

терминологическим их разграничением, закрепленным в УПК РСФСР 1960 г. Поэтому мы считаем, что в качестве самостоятельного института сведущих лиц институт специалиста ведет свое начало именно с момента принятия 27 октября 1960 г. УПК РСФСР⁷³. Тогда в уголовно-процессуальном законодательстве впервые появилась фигура сведущего лица, названного специалистом, привлекаемым для оказания следователю содействия при производстве трех следственных действий: следственного осмотра (ст. 179), следственного эксперимента (ч. 2 ст. 183) и получения образцов для сравнительного исследования (ч. 3 ст. 186). Это терминологическое разнообразие выглядело более предпочтительным по сравнению с восприятием обобщенного образа сведущих людей, согласно Уставу, и таким же общим их обозначением как экспертов по УПК 1922/23 гг.

Впрочем, не обошлось и без «накладок» со стороны законодателя, которые могли внести известную неопределенность в термин «специалист». И прежде всего потому, что в УПК он использовался для обозначения не только сведущих участников указанных трех следственных действий, но и экспертов. Так, специалистами УПК РСФСР называл обладателей специальных знаний, привлекаемых следователем для производства судебных экспертиз, но работающих вне соответствующих экспертных учреждений. «Экспертиза, – говорится в ст. 78 УПК РСФСР, – производится экспертами соответствующих учреждений либо иными специалистами, назначенными лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом». Очевидно, что речь в указанной статье идет о специалистах в общеупотребительном, а не в процессуальном смысле слова. После вынесения следователем (судом) постановления о назначении экспертизы и формулировки задания, в котором специалисту предлагается ответить на поставленные вопросы, этот специалист по своему процессуальному статусу становился экспертом, то есть сведущим лицом, обладающим знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле (ст. 78 УПК РСФСР 1960 г.).

Настаивая на том, что «институт специалиста», привлекаемого в уголовное судопроизводство в качестве самостоятельного участника, берет начало с 1960 г., мы

⁷³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 592.

не можем не заметить, что его использование было весьма ограниченным, прежде всего по кругу следственных действий, при производстве которых специалист имел право принимать участие. Среди них по воле законодателя, как уже отмечалось, оказались осмотр, следственный эксперимент и отбор сравнительных образцов. Но не только кругом следственных действий закон ограничивал использование знаний и навыков специалистов, но еще и стадиями уголовного процесса, на которых допускалось их привлечение к решению специальных вопросов. Согласно УПК РСФСР 1960 г. специалист мог привлекаться только на стадии предварительного расследования и только следователем или лицом, производящим дознание. Ни о каком участии специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам речи в новом уголовно-процессуальном законе не шло. И только в 1966 г., с внесением дополнений в УПК РСФСР (ст. 133-1, 253-1, 275-1), право обращаться за содействием к специалистам законодатель распространил и на суд. С этого момента суд получил и юридические основания применять к специалисту все те процессуальные процедуры, которые ранее распространялись только на эксперта: а) в случае нарушения порядка в судебном заседании применять к специалистам предусмотренные ст. 263 УПК РСФСР меры воздействия; б) проверять их явку в суд для участия в заседании (ст. 268 УПК РСФСР); в) разъяснять специалисту его права и обязанности (ст. 275-1 УПК РСФСР); г) разрешать вопрос о возможности рассмотрения уголовного дела при неявке специалиста в судебное заседание (ст. 277 УПК РСФСР). Важно также подчеркнуть, что только начиная с 1966 г. суд получил право привлекать специалиста к судебному осмотру вещественных доказательств (ст. 291 УПК РСФСР) и к осмотру помещений и участков местности (ст. 293 УПК РСФСР).

Тем самым законодатель приравнивал специалиста к эксперту (ст. 275), который прежде был единственным сведущим лицом, привлекаемым к производству этих судебных действий.

Таким образом, процессуальная регламентация участия сведущих лиц в заседаниях суда, причем не только в статусе экспертов, но и специалистов, отчасти повторила исторический опыт, и прежде всего опыт Устава уголовного судопроизводства, по которому к судебному разбирательству могли быть допущены любые

сведущие люди – и те, от которых участники судебного заседания ждали заключений по специальным вопросам, и те, которые допрашивались участниками судебного заседания, в том числе по вопросам, возникающим в связи с представленными ими ранее заключениями. Принципиальным отличием УПК РСФСР (в ред. 1966 г.) от Устава стало не только разделение сведущих лиц на специалистов и экспертов, но и разграничение выполняемых ими функций на предварительном следствии (ст. 133-1 УПК РСФСР) и в суде (ст. 253-1 УПК РСФСР). И если специалисты участвовали в производстве следственных действий, «используя свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств» (ст. 133-1 УПК РСФСР), то о функциональных обязанностях эксперта как сведущего лица можно судить по формулировке ч. 1 ст. 80 УПК РСФСР: «Эксперт дает заключение от своего имени на основании произведенных исследований в соответствии с его специальными знаниями и несет за данное им заключение личную ответственность». Причем исследовательская функция эксперта, в отличие от функций специалиста, была отмечена в ст. 80 УПК РСФСР как характерная обязанность эксперта, дающего свое заключение, не только на предварительном следствии, но и в суде.

Названные в указанных статьях УПК РСФСР критерии функционального разграничения специалиста и эксперта на долгие годы стали главными отличительными их признаками. Независимо от того, участвовало ли то или иное сведущее лицо в предварительном расследовании или в судебном разбирательстве по уголовным делам, в литературе, тем не менее, вопрос выработки дополнительных критериев продолжал оставаться в поле зрения ученых вплоть до конца XX в.⁷⁴

Таким образом, разделение сведущих лиц по выполняемым ими функциям на специалистов и экспертов, закрепленное в ст. 133-1 УПК РСФСР и вытекающее из положений ст. 80 УПК РСФСР, стало одним из наиболее принципиально значимых нововведений уголовно-процессуального закона, дополненного в 1966 г. соответствующими положениями. Об этом важно сказать именно потому, что ни в УУС,

⁷⁴ Эксархопуло А.А. Криминалистическая техника. Схемы и классификации : учебное пособие. – СПб., 1998. – Ч. 1. – С. 5.

ни в первых УПК РСФСР, принятых в начале 20-х годов прошлого столетия, не было четкого разграничения сведущих лиц ни по выполняемым ими функциям, ни терминологически. И хотя правила привлечения специалистов к производству отдельных следственных действий, установленные ст. 133-1 УПК РСФСР, в том числе правила, определявшие специфику выполняемых ими функций, распространялись только на следователей, теми же правилами надлежало руководствоваться и суду при решении вопроса о привлечении специалистов для участия в судебном заседании. «В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, – говорится в ст. 253-1 УПК РСФСР, – в суд может быть вызван специалист, который участвует в судебном разбирательстве в порядке, установленном статьей 133-1 настоящего Кодекса»⁷⁵.

Между тем с введением УПК РСФСР 1960 г. и с внесением в него в 1966 г. дополнений остался ряд вопросов, хорошо известных еще со времен действия Устава уголовного судопроизводства, но в большинстве своем не только не решенных, но и породивших новые проблемы.

1. Проблема регламентации перечня источников специальных знаний. С принятием УПК РСФСР 1960 г., обладателями таких знаний стали выступать, наряду с экспертами, еще и специалисты. Однако их перечень, а именно «наука, техника, искусство или ремесло», уголовно-процессуальный закон устанавливал только для характеристики специальных знаний, которыми должны обладать судебные эксперты, но не специалисты (ст. 78 УПК РСФСР).

Проблема, однако, состояла, на наш взгляд, не только в самом перечне, необходимость регламентации которого на законодательном уровне остается и сегодня весьма сомнительной, но и в том, что круг источников специальных знаний для специалистов должен быть шире, нежели для экспертов. Кроме того, уголовно-процессуальным законом был расширен круг участников уголовного процесса, которых закон наделил правом обращаться к специалистам за разъяснением воз-

⁷⁵ Статья 253-1 «Участие специалиста в судебном разбирательстве» введена указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1966. – № 36, ст. 1018).

никающих у них вопросов. В результате среди таких лиц оказались и те, для кого, к примеру, юридические знания являются не менее специальными, чем для прокурора знания современной техники, физики, химии или математики.

2. Проблема совмещения в одном лице специалистов и экспертов, привлекаемых по одному и тому же уголовному делу. Впрочем, устранив с принятием нового УПК РФ запрет на такое совмещение, законодатель решил эту проблему лишь отчасти. Ибо некоторые профессиональные знания и навыки, в силу их специфики, не могли и дальше использоваться одним и тем же лицом, наделенным статусом и специалиста, и эксперта. В противном случае такое совмещение могло привести к утрате доказательственного значения материалов, с которыми пришлось бы работать конкретному лицу, обладающему статусом и специалиста, и эксперта. Например, по сугубо профессиональным соображениям не может специалист, участвовавший в изъятии запаховых следов, выступать в роли эксперта, проводящего их судебно-одорологическую экспертизу с применением служебно-розыскной собаки⁷⁶.

3. Проблема законодательной регламентации состава участников уголовного процесса, наделенных правом обращаться за содействием к специалисту. В истории развития специальных знаний эта проблема решалась по-разному, а ее решению придавалось особое значение, ибо от того, кто из участников уголовного процесса вправе был привлекать сведущих лиц для решения возникающих у них в процессе производства по делу вопросов, во многом зависело, какая из состязующихся сторон – обвинения или защиты – обладает бóльшими возможностями для отстаивания своей позиции в споре. Исследованию проблем привлечения сторонней защиты участников судебно-экспертной деятельности и использования специальных знаний в судопроизводстве посвящена диссертация А.Е. Галинской⁷⁷.

4. Проблема введения состязательного начала в использование знаний и навыков сведущих лиц как следователем и судом, так и сторонами уголовного судопроизводства. Эта проблема напрямую связана с предыдущей и заключается в

⁷⁶ Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник. – СПб. : Лема, 2009. – С. 399–400.

⁷⁷ Галинская А.Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве сторонами и их представителями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017.

том, чтобы уравнивать стороны в их праве обращаться к помощи сведущих лиц при решении специальных вопросов. Имея давнюю историю, проблема состязательности с расширением прав и обязанностей специалиста, в том числе с введением в число средств доказывания заключения специалиста, обрела новое звучание. Но, к сожалению, так и не была решена, хотя вариантов ее решения можно было бы предложить немало, даже при существующей законодательной регламентации правовых форм использования в уголовном процессе специальных знаний и навыков.

Обозначив лишь основные проблемы института специалиста в уголовном судопроизводстве, требующие решения, и приступая к их обсуждению, мы считаем важным обратить внимание на то, что преобладающими способами решения любых проблем, возникающих при исследовании данного института, были и остаются два наиболее заметных направления научных исследований. С одной стороны, это анализ действующего законодательства, регулирующего участие специалиста на предварительном следствии и в суде, его критическая оценка и выработка рекомендаций по усовершенствованию закона. С другой стороны, тщательное изучение новейших достижений науки и техники, которые можно было бы использовать, привлекая специалистов к расследованию и судебному разбирательству по уголовным делам. Между тем поиски решения перечисленных проблем в более совершенном законодательстве и в полезном заимствовании научно-технических достижений не исчерпываются лишь названными направлениями.

На наш взгляд, ключ к преодолению современных проблем участия специалиста в работе следственных и судебных органов следует искать не только в более широком и активном внедрении достижений современной науки и техники в судебную и правоохранительную практику. И даже не в оптимальном законодательном регулировании названного института сегодня, но и в тех их решениях, которые были известны истории его формирования. Именно это направление развития института специалиста, наряду с обозначенными нами, мы рассматриваем в качестве надежного источника информации, позволяющей ответить на сложные вопросы, возникающие сегодня в связи с участием специалиста в заседаниях суда.

И поэтому на перспективах развития института специалиста в уголовном судопроизводстве, основу которого составил бы исторический опыт, целесообразно остановиться особо. Для этого следует иначе взглянуть на историю формирования в уголовном процессе института специалиста и по-новому оценить его достижения, сконцентрировав внимание на поиске оптимальных решений современных проблем путем обращения к историческому опыту, сформировавшемуся в науке, законодательстве и в практике за весь период позитивного развития данного института.

1.4. Исторические перспективы развития института специалиста в уголовном судопроизводстве России

За весь период действия УПК РСФСР Верховный Суд лишь однажды, в 1971 г., предметно обратился к проблеме использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, и то лишь к одной их правовой форме – судебной экспертизе. Обобщив практику рассмотрения судами уголовных дел за прошедшие 10 лет, высшая судебная инстанция страны 16 марта 1971 г. на своем Пленуме приняла постановление № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам»⁷⁸. Подчеркнув особую значимость экспертных исследований для принятия «правильных и обоснованных судебных решений», Верховный Суд во вводной части постановления обратил внимание на допускаемые судами ошибки в оценке экспертных заключений и особо отметил недостатки, «связанные с назначением комплексной, дополнительной и повторной экспертиз»⁷⁹.

Никаких оценок практики привлечения специалистов к оказанию помощи следователю или суду данное постановление не содержало, несмотря на то что с момента введения в действие ст. 133-1 и 253-1 УПК РСФСР прошло уже пять лет, и

⁷⁸ О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205273/?ysclid=m3cjasy5zg969285373> (дата обращения: 12.03.2025).

⁷⁹ Там же.

за это время проблем в использовании знаний и навыков специалистов накопилось немало. Они-то и приумножили известные ранее, но так и не решенные проблемы⁸⁰. В частности, проблема совмещения в одном лице специалистов и экспертов, привлекаемых по одному и тому же делу, проблема обращения к специалистам для решения вопросов, выходящих за рамки установленного законом перечня источников специальных знаний – наука, техника, искусство или ремесло. Широко обсуждались, но так остались нерешенными проблемы получения процессуально значимых консультаций сведущих лиц, допустимости проведения отдельных следственных действий самими специалистами и некоторые другие, нередко возникавшие на практике. Повышенное внимание вызвала, в частности, проблема дачи сведущими лицами научно-консультативных и иных заключений с ответами на поставленные им вопросы специального характера, а также вопрос о придании таким заключениям доказательственного значения⁸¹. Понимая, очевидно, невозможность обойти эту тему, Пленум Верховного Суда в 1971 г. все же дал краткие разъяснения по поводу таких заключений: «Имея в виду, что в силу ст. 78 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик экспертное исследование может быть проведено только лицом, назначенным в качестве эксперта в установленном законом порядке, указать судам, что имеющиеся в деле акты либо справки о результатах ведомственного исследования какого-либо обстоятельства, в том числе и ведомственные заключения, именуемые экспертизой (о качестве товара, недостатке товарно-материальных ценностей и т. п.), хотя бы и полученные по запросу орга-

⁸⁰ Эти проблемы ставились и предлагались разные их решения в работах многих ученых: Винберг А.И. Специалист в процессе предварительного расследования // Соц. законность. – 1961. – № 9 ; Эйсман А.А. Критерии и формы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании в целях получения судебных доказательств // Вопросы криминалистики. – М., 1962 – Вып. 6-7 ; Гончаренко В.И. Научно-технические средства в следственной практике. – Киев, 1984 ; Кокорев Л.Д. Процессуальные проблемы использования достижений НТП в уголовном судопроизводстве // Вопросы уголовного процесса : межвузовский сборник. – Саратов, 1977. – Вып. 1 ; Эртевциан А.Н. Основные вопросы теории и практики криминалистической экспертизы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1961 и др.

⁸¹ См., например; Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2005. – С. 155–278.

нов следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы»⁸².

Указанный вывод был вполне обоснован, ибо никакие ведомственные исследования, даже проведенные высококвалифицированными специалистами, не могли признаваться судебно-экспертными, а их результаты, оформленные письменно, не приобретали статус заключений эксперта в силу невыполнения процедуры, предписанной законом: обязательное вынесение постановления о назначении экспертизы, формулировка вопросов, выбор экспертного учреждения или назначение конкретного лица в качестве эксперта с соблюдением прав обвиняемого, предупреждение эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и т. д. (ст. 184, 185, 187, 189 УПК РСФСР).

Характеризуя дополнения, которые законодатель ввел в УПК РСФСР в 1966 г., можно с уверенностью сказать, что они несомненно имели большое позитивное значение и для развития института специалиста, и для практики использования его знаний и навыков при производстве по уголовным делам. Напомним, такими нововведениями стали: а) нормативное оформление статуса специалиста как самостоятельного участника уголовного процесса, обладающего специальными знаниями; б) определение его функций, отличных от функций судебного эксперта; в) установление пределов полномочий специалиста в судопроизводстве – его прав и обязанностей; г) наделение суда правом обращаться к специалистам за содействием в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств и др.

Позитивно сказавшись на решении известных проблем развития института специалиста, эти нововведения породили и новые проблемы. Так, одним из самых критикуемых стал введенный законом 1966 г. запрет на совмещение специалиста и эксперта в одном лице. Он был отменен лишь УПК РФ, не став, однако, окончательным решением проблемы. Об издержках отмены этого запрета речь пойдет далее.

Возвращаясь к регламентации института специалиста в уголовном судопроизводстве, предложенной законодателем в 1966 г., и отмечая в целом их позитив-

⁸² О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1.

ный характер, тем не менее надо сказать, что этими нововведениями не были и не могли быть решены все проблемы, связанные с институтом специалиста. Особенно те, которые сформировались в практике судебных производств по мере практической реализации законодательных нововведений. В результате ни оказание помощи следствию и суду при формулировке вопросов на предстоящую экспертизу, ни консультации специалиста или письменные их заключения, которые имели бы доказательственное значение, в том числе полученные в судебном заседании, ни иные формы использования знаний и навыков специалистов, отчасти апробированные практикой, законом урегулированы не были. А значит, многие полезные направления деятельности специалиста, и прежде всего в судебном разбирательстве по уголовным делам, не стали теми самыми «случаями, предусмотренными настоящим Кодексом», которые позволяли бы сторонам и суду с большей эффективностью использовать знания и навыки сведущих лиц (ст. 253-1 УПК РСФСР), давая право обращаться к специалистам с указанными выше вопросами, хотя и следственная, и судебная практика нередко нуждалась в их решении именно посредством использования специальных знаний. Даже допрос специалиста, если и мог проводиться в суде, только в качестве свидетеля, которым он реально, то есть в процессуальном смысле, не был. А значит, и процессуальное значение результатов такого допроса вполне могло быть поставлено под сомнение, что лишний раз указывало на очевидную потребность в правовой регламентации такой разновидности форм использования специальных знаний в уголовном процессе, как консультации специалиста. По этому поводу Ю.К. Орлов писал: «допрос сведущих свидетелей является самостоятельной формой использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве, в связи с чем представляется желательным законодательное закрепление этой категории свидетелей»⁸³.

Между тем многие из перечисленных проблем привлечения специалиста к участию в судебном разбирательстве дела долгое время обсуждались учеными и практиками, сохраняя свою актуальность на протяжении десятилетий. Предлага-

⁸³ Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. – М. : Юрист, 1995. – С. 26.

лись различные варианты решения. В итоге некоторая их часть стала законом, а некоторые рекомендации были восприняты Верховным Судом, превратившись в руководящие разъяснения, адресованные высшей судебной инстанции страны судьям⁸⁴.

Остановимся на проблемах участия специалиста при производстве по уголовным делам, которые, возникнув не без участия законодателя, заметно повлияли на формирование института специалиста в уголовном процессе, задержав дальнейшее позитивное его развитие, и на некоторых путях решения этих проблем.

1. Проблема совмещения в одном лице специалистов и экспертов. Она возникла в 1966 г. после дополнения ч. 1 ст. 67 УПК РСФСР пунктом 3а, в котором сказано: «Эксперт не может принимать участия в производстве по делу... если он участвовал в деле в качестве специалиста, за исключением случая участия врача – специалиста в области судебной медицины, в наружном осмотре трупа» (в ред. УПК РСФСР 1966 г.). Это дополнение породило серьезную проблему, которая обсуждалась впоследствии исключительно как проблема предварительного расследования уголовных дел. Вопрос о совмещении специалиста и эксперта по одному делу в суде ни учеными, ни практиками, судя по имеющимся у нас источникам, отдельно не рассматривался. Видимо, считалось достаточным сослаться на ст. 253-1 УПК РСФСР, отсылающую, в свою очередь, к регулированию участия специалиста в судебном заседании – к ст. 133-1 УПК РСФСР, чтобы иметь основания распространить запрет на совмещение функций специалиста и эксперта на судебное разбирательство.

Отмену данного запрета, просуществовавшего до 2001 г., обычно связывают с формулировкой ч. 2 ст. 71 УПК РФ («Отвод специалиста»), отсылавшей к п. 1 ч. 2 ст. 70 УПК РФ («Отвод эксперта»), где говорится, что «предыдущее участие

⁸⁴ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 (в ред. от 29 июня 2021 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

эксперта в производстве по уголовному делу в качестве эксперта или специалиста не является основанием для его отвода».

Таким образом, экспертом по новому УПК РФ мог быть назначен как тот, кто уже привлекался по делу для производства экспертизы, так и тот, кто раньше выполнял по нему функции специалиста. Эти нововведения уголовно-процессуального законодательства были позитивно восприняты и теорией, и практикой. Сожалеть приходится лишь о том, что принятие этого важного решения затянулось на несколько десятилетий, негативно сказавшись на развитии института специалиста в уголовном судопроизводстве, в том числе на его участии в судебном разбирательстве по уголовным делам.

Однако вряд ли можно согласиться с тем, что с принятием УПК РФ проблеме совмещения в одном лице специалиста и эксперта удалось решить в полной мере, как об этом пишет, например, А.А. Эксархопуло в подготовленной им совместно с И.А. Макаренко и Р.И. Зайнуллиным монографии «Криминалистика: история и перспективы развития»: «новый УПК РФ уже не ставил в этом вопросе никаких препятствий для выполнения одним и тем же лицом по одному и тому же уголовному делу функций специалиста и эксперта»⁸⁵.

В том, что сформулированный вывод является, на наш взгляд, в лучшем случае преждевременным, а в худшем – ошибочным, убедиться нетрудно. Достаточно ознакомиться с формулировками статей УПК РФ, на которые ссылается А.А. Эксархопуло (п. 1, ч. 2 ст. 70 и ч. 2 ст. 71) как на нормы, свидетельствующие якобы об отсутствии каких бы то ни было препятствий для совмещения функций специалиста и эксперта. Так, в ст. 71 УПК РФ нет вообще ничего, что позволяло бы оценивать допустимость или недопустимость совмещения специалиста и эксперта. Речь в ней идет только об отсутствии запрета на совмещение специалиста специалистом, но такого запрета не знало и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. Уже только по этой причине формулировка ч. 2 ст. 71 УПК РФ,

⁸⁵ Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития. – М. : Юрайт, 2019. – С. 125–129.

вопреки мнению А.А. Эксархопуло, не может стать иллюстрацией отсутствия препятствий для совмещения в одном лице специалиста и эксперта.

Не стала подтверждением этого тезиса и ст. 70 УПК РФ, в которой говорится, по сути, лишь об отсутствии оснований для отвода эксперта, ранее участвовавшего в деле в качестве специалиста, но не наоборот. Вопрос же о том, может ли сведущее лицо, проводившее судебную экспертизу, участвовать по тому же делу в роли специалиста со всеми вытекающими из этого последствиями, остался без ответа.

Иными словами, отменив запрет на совмещение специалиста и эксперта, законодатель создал новую проблему, которая, на наш взгляд, стала следствием его же недоработки, сконцентрировав свое внимание только на формулировке п. 3а ст. 67 УПК РСФСР, ранее запрещавшей лицу, выполнявшему функции специалиста, производить судебную экспертизу. Законодатель эту формулировку просто повторил, поменяв запрет на дозволение. В результате вместо того, что эксперт *не может* принимать участие в производстве по делу и подлежит отводу, если участвовал в деле в качестве специалиста (п. 3а ч. 1 ст. 67 УПК РСФСР), была предложена та же формулировка, но с прямо противоположным смыслом. То есть фразу «*не может участвовать*» законодатель просто заменил словосочетанием: «*не является основанием для отвода*» (ч. 2 ст. 71 УПК РФ).

Оставив без ответа вопрос о том, можно ли эксперта, давшего свое заключение на более ранних стадиях расследования или судебного рассмотрения уголовного дела, привлекать к производству планируемого следственного или судебного действия, законодатель спровоцировал тем самым новые вопросы. В частности, о правомерности приобщения к делу обнаруженных таким специалистом источников информации, признании за ними доказательственного значения и т. д.

Ни в УПК РФ, ни в комментариях к нему, ни в решениях Пленума Верховного Суда нет ответов и на ряд других вопросов, связанных с привлечением эксперта к выполнению функций специалиста по тому же делу. Например, как оценивать доказательственное значение материалов, полученных при содействии специалиста, ранее выполнявшего функции судебного эксперта? Не станет ли подобное совмещение эксперта и специалиста основанием для заявления любой

стороной ходатайств о признании доказательств, полученных с помощью специалиста, ранее выполнявшего функции эксперта, недопустимыми? Исключать попытки таким способом устранить из дела доказательства, собранные при участии сведущих лиц, на наш взгляд, нельзя, ибо не оговоренное в законе совмещение эксперта и специалиста вполне может быть расценено как отсутствие законных оснований для признания фактических данных, обнаруженных при содействии такого специалиста, доказательствами по делу. Этот вывод тем более обоснован, что обратный вариант допустимого совмещения этих двух сведущих лиц, а именно возможность привлечения специалиста, участвовавшего в следственном действии, к производству судебной экспертизы в статусе эксперта, прямо предусмотрен ст. 70 УПК РФ, согласно которой основанием для отвода эксперта *не* может быть «предыдущее его участие в производстве по уголовному делу в качестве... специалиста» (п. 1 ч. 2 ст. 70 УПК РФ).

Поэтому не стоит удивляться, что сомнения в допустимости привлечения эксперта, проводившего экспертизу, к участию в деле в качестве специалиста, основанные на отсутствии в законе положений, подтверждающих правомерность подобного совмещения их функций, стали высказывать и другие ученые, причем в категорической форме. Так, К.А. Корсаков пишет: «Главным критерием допустимости участия одного и того же лица в качестве эксперта, а затем специалиста является предмет, в отношении которого используются специальные знания – он может быть только один: специалист-эксперт»⁸⁶.

Как можно заметить, предложенное в качестве допустимого, а фактически одностороннее совмещение специалиста и эксперта, автор распространил только на случаи, когда сведущее лицо, привлекавшееся в статусе специалиста, впоследствии призывалось для использования своих специальных знаний в форме судебной экспертизы, причем в отношении того же предмета: «Например, нельзя использовать знания лица, занимающего процессуальное положение эксперта, проводившего конкретное исследование, для оказания помощи в постановке вопро-

⁸⁶ Корсаков К.А. Проблемы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве // Криминалистический вестник. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 43.

сов для повторной экспертизы, поскольку он будет выполнять процессуальные функции специалиста (см. ст. 70, 71 УПК РФ). В противном случае результаты повторной экспертизы могут быть признаны недопустимыми»⁸⁷.

Сама по себе мысль о недопустимости привлечения сведущих лиц, ранее производивших экспертизу, к работе с тем же предметом, но уже в статусе специалиста, действительно интересна. И ее можно было бы обсуждать, но только не с тем примером, который приводит в подтверждение своей позиции К.А. Корсаков, поскольку формулировать вопросы на повторную экспертизу нет необходимости. Этот вид судебной экспертизы, как известно, изначально призван решать те же вопросы, что и первичная (ч. 2 ст. 207 УПК РФ). То есть вопросы для повторного экспертного исследования всегда заранее известны, а значит и обращение к сведущему лицу для их формулировки представляется в данном случае лишенным всякого смысла. На это обстоятельство, комментируя высказывание К.А. Корсакова, справедливо обратили внимание авторы монографии «Криминалистика: история и перспективы развития»⁸⁸.

Между тем исторический опыт мог и раньше подсказать решение проблемы допустимости совмещения в одном лице сведущих людей, выполняющих разные функции по одному и тому же делу. Такое решение, предложенное еще в УУС, пусть и не самое удачное, но на этапе становления института сведущих лиц вполне приемлемое, оказалось предельно простым.

Как отмечает В.А. Семенцов, «в тексте Устава уголовного судопроизводства не применялся термин «экспертиза», поскольку, по мнению его составителей, экспертиза не рассматривалась как самостоятельное следственное действие. Вместо него использовались иные понятия: «осмотр и освидетельствование чрез сведущих людей вообще» (ст. 325–335), «осмотр и освидетельствование чрез врачей» (ст. 336–352), «освидетельствование обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным» (ст. 353–356), а лицо, проводившее такие осмотр и освидетельствование, опять

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития. – М. : Юрайт, 2019. – С. 127.

же не именовалось экспертом, хотя и должно было быть сведущим в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии»⁸⁹.

При этом ни у кого не вызывала сомнений возможность привлекать сведущих людей, оказывавших судебному следователю или суду содействие при производстве ими процессуальных действий, к «освидетельствованию через сведущих людей», то есть к проведению экспертизы по тому же делу. И было неважно, в каких вариантах и сочетаниях такое совмещение осуществлялось – проводило ли сведущее лицо первым экспертное исследование, а затем участвовало в следственном действии или сначала привлекалось для оказания помощи судебному следователю либо суду и только потом призывалось к проведению экспертизы.

Надо сказать, что этот опыт решения проблемы совмещения специалистов и экспертов советские законодатели отчасти заимствовали, но только при разработке первых УПК РСФСР. В них, как и в УУС, использовалось унифицированное, то есть единое наименование всех сведущих людей, участвующих в производстве по делу – «эксперты», обладавшие, как и «сведущие люди» по УУС, одним статусом.

В дальнейшем советский законодатель, как мы уже отмечали, действовал иначе. Впервые выделив из состава сведущих лиц самостоятельную процессуальную фигуру специалиста и не установив в УПК РСФСР 1960 г. никаких запретов на его совмещение с лицом, производящим экспертные исследования, он спустя 6 лет отказался от использования и этого исторического опыта, введя злополучный запрет. А еще через 35 лет отменил и его.

2. Проблема законодательного закрепления перечня источников специальных знаний, носителями которых с начала XIX в. выступали все сведущие лица, независимо от того, в какой форме они привлекались к производству по делу – на предварительном следствии, в дознании или в судебном разбирательстве, и в каком статусе – экспертов или помощников следователя и суда. Для них и Сводом

⁸⁹ Семенцов В.А. Следственные действия по Уставу уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4. – С. 682.

законов Российской империи, и первыми УПК РСФСР устанавливался единый перечень источников таких специальных знаний и навыков, в отличие от УУС, в котором этот перечень мог толковаться расширительно.

Тот же перечень источников специальных знаний и такой же порочный из-за невозможности его расширительного толкования законодатель сохранил, принимая в 1960 г. новый УПК, хотя и дополнил его техникой. Принципиально важным в новом УПК стало разделение всех сведущих лиц, призываемых к производству по уголовному делу, на две группы – специалистов и экспертов. Соответственно между ними распределились и функции. Не обошлось, правда, без издержек законотворчества. По новому УПК РСФСР от специалиста уже не требовалось обладать теми качествами, которые прежде отличали всех сведущих лиц (и сведущих людей по УУС, и экспертов по УПК РСФСР 1922/23 гг.) от других участников уголовного судопроизводства. В частности, на специалистов, согласно УПК РСФСР 1960 г., уже не распространялась необходимость обладать знаниями, которые содержали четыре названные в законе источника: наука, техника, искусство или ремесло. Этот перечень источников специальной осведомленности сохранился только за судебными экспертами.

Впрочем, отказ законодателя от перечисления источников специальных знаний, которыми должен обладать привлекаемый к производству по уголовному делу специалист, правильнее было бы расценить как итог не вполне продуманного законотворчества. Более существенным недостатком УПК РСФСР 1960 г. стало исключение специалиста из числа участников судебного разбирательства. Эту ошибку спустя 6 лет законодатель исправил, внося в 1966 г. в УПК дополнения и изменения, позволившие четко определить и правовой статус специалиста как самостоятельного участника уголовного процесса, и его специфические функции, по которым стали различать две базовые правовые формы использования специальных знаний в судопроизводстве. Были на уровне закона регламентированы права, обязанности и ответственность специалиста (ст. 133-1 УПК РСФСР), а также отдельно оговорено право суда обращаться к специалисту во время судебного следствия за

содействием в проведении процессуальных действий (ст. 253-1, 275-1, 291, 293 УПК РСФСР).

Возвращаясь к перечню источников специальных знаний, дополненному в уголовно-процессуальном законе 1960 года техникой, нельзя не заметить, что и с таким дополнением этот перечень оставался эксклюзивным, то есть применимым только для характеристики эксперта: «наука, техника, искусство и ремесло» (ст. 78 УПК РСФСР). На специалиста этот перечень пытались распространить лишь отдельные авторы, часто не имея на то достаточных, то есть предусмотренных УПК, оснований. В своем стремлении устранить этот пробел в законе они даже позволили себе сослаться на нормы УПК, якобы предусматривающие расширительное толкование закона о круге обладателей специальных знаний, хотя ничего подобного на самом деле не было сказано ни в одном нормативном акте. Так, например, П.Т. Скорченко со ссылкой на ст. 133-1 УПК РСФСР, давая характеристику специалиста как носителя специальных знаний, пишет: «Специалист – это лицо, сведущее в области науки, техники, искусства или ремесла»⁹⁰.

Между тем для обоснования потребности обращения к специалистам оказалось явно недостаточно перечисленных в УПК РФ источников специальных знаний, ибо в этот перечень не попадали многие виды иных знаний и увлечений, не обладающих признаками перечисленных в законе источников. Такая законодательная неопределенность позволила ученым предложить свои видения формулировки источников специальных знаний и их понятия. Например, Т.Д. Телегина пришла к выводу, что «специальными знаниями в уголовном процессе являются системные сведения научного или ненаучного характера, приобретенные сведущим лицом в рамках специальной подготовки или самообразования, закрепленные в соответствующей литературе, практически апробированные, не составляющие профессиональных знаний следователя (прокурора, судьи), подлежащие применению с целью получения новой информации на основе выявления специфических или скрытых свойств и взаимосвязей объектов (явлений) в случаях и

⁹⁰ Скорченко П.Т. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. – М., 1999. – С. 126.

порядке, определенных уголовно-процессуальным законом»⁹¹. О.А. Исаева под специальными знаниями в судопроизводстве предлагает понимать «знания, выходящие за рамки общеобразовательной программы, полученные индивидом в ходе познания в какой-либо области деятельности и подкрепленные практическим опытом, навыками и умениями, используемые для решения вопросов, требующих их применения в процессе судопроизводства»⁹². Данные определения подтверждают вывод о неопределенности в понимании специальных знаний не только на уровне законодательства, но и на научно-исследовательском уровне.

Тем не менее некоторые авторы представили более конкретные взгляды по рассматриваемому вопросу и сумели сформулировать определение специальных знаний, максимально отразив и исторический опыт, и практическую целесообразность. Например, Л.Г. Шапиро полагает, что «специальные знания в уголовном судопроизводстве – это совокупность знаний в различных областях теоретической и практической деятельности, полученных, как правило, в рамках высшего профессионального образования по определенной специальности, не являющихся правовыми и используемых сторонами уголовного судопроизводства и судом в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в соответствии с УПК»⁹³. В указанном определении специальные знания очерчены теоретической и практической деятельностью, за исключением правовой, и получением в рамках высшего профессионального образования, что само по себе охватывает довольно широкий спектр специальных знаний. Однако за рамками этого определения остаются практические навыки, например ремесленников, которые чаще всего не имеют высшего образования.

Интересным представляется и определение, предложенное О.Г. Дьяконовой. По ее мнению, «специальные знания сведущих лиц – систематизированная сово-

⁹¹ Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 8.

⁹² Исаева О.А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства : автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 6.

⁹³ Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2008. – С. 11–12.

купность научно обоснованных и проверенных практикой сведений, приобретаемых в процессе профессиональной подготовки в различных областях науки, техники, искусства или ремесла, которая применяется сведущими лицами и используется в целях оказания помощи в разрешении вопросов, возникающих в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности в рекомендованных или допустимых законом формах, имеющих доказательственное или ориентирующее значение»⁹⁴.

Критикуя практику законодательного закрепления любых перечней источников специальных знаний, которая сформировалась в российском законодательстве за 100 последних лет, начиная с первых УПК РСФСР, А.А. Эксархопуло пишет: «Недостаток состоял в том, что специальные сферы деятельности, знания из которых могли быть востребованы, в уголовно-процессуальных кодексах РСФСР оказались исчерпывающе представлены в перечнях, где, как известно, речь шла о специальных познаниях в "науке, искусстве или ремесле" (по УПК 1923 года) или о "науке, искусстве, технике и ремесле" (согласно УПК 1960 года)... И поэтому такие знания, например, как знания в области любительского спорта, нумизматики, филателии и т. п., не являясь ни наукой, ни техникой, ни искусством и ни ремеслом, формально нельзя было признавать специальными, поскольку они, будучи "иными занятиями", не подпадали под предусмотренный законом перечень...»⁹⁵.

Этот на первый взгляд несущественный вопрос стал весьма актуальным сегодня. И в том числе как пример того, что позитивный исторический опыт, учтенный Уставом уголовного судопроизводства, был впоследствии проигнорирован отечественным законодателем. И как оказалось, в ущерб формированию в российском уголовном судопроизводстве более совершенного института специальных знаний, который до этого вполне успешно развивался в законодательной и правоприменительной практике на протяжении многих десятилетий и даже столе-

⁹⁴ Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика : автореф. ... д-ра юрид. наук. – М., 2021. – С. 11.

⁹⁵ Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 15.

тий. С опытом предшественников достаточно было просто ознакомиться, чтобы не делать необдуманных шагов.

Проблема, однако, состоит, на наш взгляд, не только в самом перечне, необходимость регламентации которого на законодательном уровне остается и сегодня весьма сомнительной, но и в том, что круг источников специальных знаний в принципе не может совпадать для специалистов и экспертов.

Еще больше оснований для разграничения специальных знаний специалиста и эксперта появилось с принятием УПК РФ, который расширил круг участников уголовного процесса, наделенных правом обращаться к специалистам за разъяснением возникающих в ходе расследования и судебного разрешения уголовных дел вопросов, дополнив его «сторонами» (ст. 58). Как справедливо отметила Л.В. Лазарева, «в действующем законодательстве не только не определены общие понятия и порядок использования специальных знаний, но и отсутствует единство в регламентации применения специальных знаний в различных формах в ходе досудебного производства по уголовным делам и в суде»⁹⁶. Стало понятно, что с расширением круга потребителей услуг сведущих лиц должен измениться и круг специальных сведений, и опытность, к которым получила право обращаться, помимо следователя, дознавателя и суда, любая из сторон. И такое изменение спектра специальных знаний, которыми должен обладать специалист, могло быть только одним – позволяющим расширительно его толковать, уже хотя бы потому, что у сторон, следователя, прокурора и суда представления о специальных знаниях могут быть любыми.

3. Проблема правовой регламентации консультативной помощи, оказываемой специалистом сторонам и суду. Устав уголовного судопроизводства, как мы уже писали, терминологически не разделяет сведущих лиц на экспертов и специалистов, называя всех обладателей специальных знаний одинаково – сведущими людьми. Тем не менее такое разграничение реально существовало, причем не только в разнообразии выполняемых ими функций, закрепленных в Уставе, но и в научной классифи-

⁹⁶ Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в Российском уголовном судопроизводстве : автореф. ... д-ра юрид. наук. – Владимир, 2011. – С. 4.

кации сведущих лиц. Л.Е. Владимиров, в частности, делил всех сведущих людей на научных судей, имея в виду экспертов, выполнявших исследования на основе своих в основном естественно-технических знаний, и справочных свидетелей, призванных консультировать и оказывать иную научно-техническую помощь судебному следователю и суду при производстве ими процессуальных действий⁹⁷.

При разработке УПК РСФСР 1922 и 1923 г. законодатель, заимствовав многие положения УУС, касающиеся участия сведущих лиц в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, изменил их общее наименование, назвав всех обладателей специальных знаний и опыта экспертами (ст. 64 УПК РСФСР 1923 г.). И хотя деятельность эксперта по закону регламентировалась как его допрос, причем в одной с допросом свидетелей главе, о предмете такого допроса в УПК ничего конкретно сказано не было. В соответствии с положениями гл. 13 УПК РСФСР 1923 г. допрос эксперта сводился к решению весьма ограниченного круга вопросов. В частности, к его предупреждению об ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу ложного заключения (ст. 170 УПК РСФСР 1923 г.); к изложению того, по каким пунктам «должно быть дано заключение», и к разъяснению эксперту права знакомиться с «обстоятельствами дела» (ст. 171 УПК РСФСР 1923 г.). И только после получения от эксперта заключения следователь мог задать ему вопросы (ст. 173 УПК РСФСР 1923 г.). И хотя круг этих вопросов закон никак не определял, было ясно, что все они, так или иначе, должны были относиться к проведенной экспертизе. Такое общение следователя с экспертом отчасти можно назвать консультированием, но только в узком смысле слова, ибо предмет консультаций, которые следователь вправе был получить от эксперта, ограничивался разъяснением содержания лишь полученного от эксперта заключения и проведенной последним экспертизой.

Все перечисленные выше действия, из которых, собственно, и состоял допрос эксперта, фиксировались в протоколе, который должен был составляться по

⁹⁷ Подробно об этих сведущих лицах и разграничении их функций согласно Уставу 1864 г. см.: Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула : Автограф, 2000. – С. 238–320.

правилам фиксации результатов допроса свидетелей (ст. 173 УПК РСФСР 1923 г.). Правилами, предусмотренными ст. 171–173 УПК РСФСР 1923 г., должен был руководствоваться и суд, производящий допрос экспертов (ст. 298 УПК РСФСР 1923 г.), с той лишь разницей, что допрашиваемый эксперт в суде свое заключение излагал устно, но к делу оно приобщалось в письменном виде (ст. 298 УПК РСФСР 1923 г.).

Что касается второй группы экспертов – тех, кто участвовал в следственных действиях и оказывал следователю помощь в обнаружении и закреплении доказательств, то УПК вообще не предусматривал их допроса. Это следует понимать лишь как то, что ни о каком консультировании следователя, суда или сторон по специальным вопросам речи в УПК РСФСР 1923 г. не шло.

Ничего в этом отношении не изменилось ни после принятия в 1960 г. нового УПК РСФСР, ни после внесения в него изменений и дополнений в 1966-м. А значит, консультации сведущих лиц, в том числе специалиста, в российском уголовном процессе продолжали оставаться в числе непроцессуальных форм использования специальных знаний, за их результатами не признавалось доказательственного значения⁹⁸. Только с принятием УПК РФ консультационная деятельность специалиста обрела статус самостоятельной процессуально-правовой формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

4. Проблема участия специалиста при производстве следственных действий в судебном разбирательстве по уголовным делам. Несмотря на ряд принципиальных новшеств, внесенных в УПК в 1966 г. и касающихся использования знаний и навыков специалиста при производстве по делу, в решении вопросов участия специалистов в судебном рассмотрении уголовных дел мало что изменилось. Ибо, действуя согласно предписаниям ст. 253-1 УПК РСФСР, суду надлежало руководствоваться правилами, установленными для следователей (ст. 133-1 УПК РСФСР). А значит, возможности суда, как и следователя, по использованию знаний и навыков специалиста ограничивались «случаями, предусмотренными настоящим Кодексом» (ч. 1 ст.

⁹⁸ Мельникова Э.Б. Участие специалиста в следственных действиях. – М., 1964. – С. 52 ; Яблоков Н.П. Криминалистика : учебник для вузов. – М., 2000. – С. 209 и др.

133-1 УПК РСФСР). А таких случаев УПК предусматривал не так много, ибо круг судебных действий, при производстве которых допускались специалисты, включал в себя лишь осмотр вещественных доказательств (ст. 291) и осмотр помещений и местности (ст. 293). Но если осмотр вещественных доказательств, приобщенных к делу, был для суда обычной практикой, являясь способом исследования и оценки собранных доказательств, тем более, когда вещественные доказательства представлялись сторонами или обнаруживались в ходе судебного следствия, то осмотр помещений и местности оставался явлением довольно редким. Однако, и об этом свидетельствует практика, ни по одному из изученных нами двухсот уголовных дел такие осмотры не проводились вовсе. Проблема, однако, не только в том, что судьи редко обращаются к таким процессуальным средствам познания как осмотры помещений и местности, а в том, что даже при их судебном производстве, привлечённые к этим судебным действиям специалисты неизбежно столкнутся с весьма существенными ограничениями по использованию своих специальных знаний и навыков. И прежде всего из-за неудачных формулировок, которыми законодатель описал правила производства этих двух разновидностей судебных осмотров. Речь об этой проблеме и путях ее решения пойдет в третьей главе.

ГЛАВА 2. СПЕЦИАЛИСТ КАК УЧАСТНИК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

2.1. Эксперт и специалист как носители специальных знаний: проблемы сходства и отличий источников их специальной осведомленности

Отказ от регламентации в УПК РФ перечня источников специальных знаний, включавшего в себя науку, технику, искусство и ремесло имел в определённом смысле позитивные последствия. С одной стороны, это давало основания для более широкого понимания таких источников, не ограниченных законодательными рамками. С другой стороны, отсутствие в уголовно-процессуальном законе исчерпывающего перечня источников специальных знаний, а тем более адресованного лишь экспертам, как это было предусмотрено в УПК РСФСР, позволяло субъектам процессуального доказывания привлекать сведущих лиц любой профессиональной ориентации, не провоцируя поиск различий между специалистами и экспертами по данному признаку. И поэтому вполне логично, что того и другого уголовно-процессуальный закон России стал называть одинаково – лицами, «обладателями специальными знаниями». С той, однако, разницей, что по УПК РФ на них возложены разные функции. Специалист привлекается к участию в процессуальных действиях для оказания содействия следствию и суду (ст. 58 УПК РФ), эксперт – к производству судебной экспертизы и даче заключения (ст. 57 УПК РФ).

История формирования института экспертов и специалистов свидетельствует, что никаких различий между знаниями сведущих лиц, выполняющих разные функции в уголовном процессе, и раньше никто не делал, полагая, что эксперт и специалист в равной мере должны обладать знаниями, источники которых перечислены в законе. Какими они впервые были представлены в Своде законов Российской империи – наука, искусство и ремесло (ст. 943), такими они и остались в перечне источников специальных знаний в УПК РСФСР 1922/23 гг. Различались лишь наименования сведущих лиц: сведущие люди – по Своду законов, эксперты

– по УПК. Ни тот ни другой законодательный акт не разделял сведущих лиц, выполнявших разные функции, по спектру специальных знаний, которыми они должны обладать. Таким образом, начиная с XIX в., российский закон всех сведущих лиц наделил общим для них качеством – необходимостью обладать специальными знаниями, источники которых были определены соответствующими уголовно-процессуальными актами. Поэтому в них не делалось различий между теми, кто помогал следователю и суду своими специальными знаниями, и теми, кто привлекался для производства судебной экспертизы. Иными словами, процессуальный статус сведущих лиц не зависел и не определялся ни спецификой, ни объемом их профессиональной осведомленности.

Первыми различия между специальными знаниями эксперта и специалиста, вероятно исключительно на интуитивном уровне, почувствовали разработчики УПК 1960 г. (в том числе авторы изменений и дополнений к нему от 1966 г.), определив, как мы уже отмечали, перечень их источников только для судебных экспертов, дополнив его техникой (ст. 78). На специалистов (ст. 133-1) эта норма не распространялась. Вряд ли, однако, такое разграничение знаний специалиста и эксперта можно признать обоснованным с точки зрения действительно имевшихся между ними различий. Ибо законодатель, с одной стороны, сохранил при этом безальтернативность перечня источников специальных знаний, носящего исчерпывающий характер. С другой стороны, забыл упомянуть об источниках специальных знаний специалистов, оставив этот вопрос без ответа.

Единственным дополнением к специальной осведомленности специалиста стало указание в ч. 3 ст. 133-1 УПК РСФСР на то, что участвующий в производстве следственного действия специалист обязан использовать не только свои специальные знания, но и навыки. И это дополнение, наряду с законодательным разделением сведущих лиц по выполняемым ими функциям, стало действительно отличительным признаком профессиональной осведомленности специалиста, несвойственной судебному эксперту. При этом наука, техника, искусство или ремесло продолжали оставаться в УПК в качестве перечня источников специальных знаний, характеризующих лишь экспертов (ст. 78 УПК РСФСР). Вопрос о том, из

каких источников должна формироваться специальная осведомленность специалистов, оставался открытым.

Так, раскрывая понятие специальных знаний, Р.С. Белкин назвал их носителями в равной степени и специалиста, и эксперта, указав на общие для обоих источники таких знаний: «Специальные познания – это профессиональные знания и умения в области науки, техники, искусства или ремесла, необходимые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел. В уголовном и гражданском процессе лица, обладающие специальными познаниями, привлекаются в качестве специалистов или экспертов»⁹⁹.

Возможно, именно по причине недостаточной обоснованности подобного взгляда на источники знаний и навыков специалиста некоторые авторы решили не просто распространить их перечень на специалистов, но и посчитали допустимым сослаться при этом на нормы УПК, якобы предусматривающие возможность подобного расширительного толкования круга их обладателей. Хотя ничего подобного на самом деле не было сказано ни в одном нормативном акте. Так, например, П.Т. Скорченко, давая характеристику специалисту, писал, ссылаясь именно на ст. 133-1 УПК РСФСР: «Специалист – это лицо, сведущее в области науки, техники, искусства или ремесла»¹⁰⁰.

Законодательная неопределенность в этом вопросе, тем не менее, существенно не повлияла на распространение практики обращения к специалистам для решения специальных вопросов или использования их специальных навыков. Для многих было ясно, что специалист, как и эксперт, вполне может обладать знаниями из любой области науки, техники, искусства или ремесла. Вопрос если и мог возникнуть, то лишь о том, ограничен ли специалист перечнем, который адресован законом эксперту, или может выйти за его рамки, используя свои знания, не подпадающие под этот перечень.

⁹⁹ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М. : БЕК, 1997. – С. 217.

¹⁰⁰ Скорченко П.Т. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. – М., 1999. – С. 126.

Чтобы разобраться со спецификой знаний специалиста и отграничить их от знаний судебного эксперта, необходимо понять сущность специальных знаний вообще.¹⁰¹ С предложений решить этот вопрос, собственно, начали свои исследования практически все отечественные ученые, кто, так или иначе, посвятил свои работы институту специальных знаний в уголовном процессе. По этой проблеме было высказано множество идей и предложено немало решений разной степени убедительности.

Например, Е.А. Семенов, В.Ф. Васюков и А.Г. Волеводз считают, что «обладание специальными знаниями отличает специалиста от участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты, от суда, а также от всех «иных участников процесса», за исключением эксперта, определение которого закреплено в ст. 57 УПК РФ. Различия в правовом положении специалиста и эксперта заключаются в том, что специалистом признается лицо, «обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях» (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), а экспертом – лицо, «обладающее специальными знаниями и назначенное для производства судебной экспертизы» (ч. 1 ст. 57 УПК РФ). Следовательно, разграничивать правовые статусы специалиста и эксперта следует по их назначению в уголовном процессе»¹⁰².

Мы не будем останавливаться на самой дискуссии, а обозначим лишь наиболее распространенные в науке иные суждения, в которых отмечены наиболее существенные, с точки зрения авторов, признаки специальных знаний. По мнению большинства ученых, таковыми являются знания «не общеизвестные» и «не общедоступные», которыми располагает ограниченный круг специалистов¹⁰³.

¹⁰¹ См.: Абдрахманова Л.Н. Сущность и источники специальных познаний специалиста и эксперта в уголовном судопроизводстве / Л.Н. Абдрахманова. // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2025. – № 3. – С.11–18.

¹⁰² Семенов Е.А., Васюков В.Ф., Волеводз А.Г. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты : монография / под ред. А.Г. Волеводза. – М. : МГИМО-Университет, 2020. – С. 10–11.

¹⁰³ Эйсмэн А.А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. – М. : 1967. – С. 91. Аналогичное мнение высказывали позднее и другие авторы: Россинская Е.Р. Профессия – эксперт. (Введение в юридическую специальность). – М. : Юрист, 1999. – С. 7 ; Хрусталева

Этот критерий выделения специальных знаний из всего спектра человеческого знания некоторые авторы предлагали дополнить: а) необходимостью их получения за рамками общеобразовательной подготовки или житейского опыта¹⁰⁴; б) ограниченностью круга лиц, обладающих такими знаниями; в) наличием профессиональной подготовки¹⁰⁵, в том числе в результате обучения¹⁰⁶, и т. д.

При этом большинство ученых, в предлагаемых ими определениях специальных знаний, фактически единодушно не признавали специальными знания юридические, или знания в области права, полагая, что ими должны обладать сами следователи и судьи, уполномоченные законом обращаться к сведущим лицам за разрешением возникающих вопросов. Эта позиция и ученых, и практиков вполне объяснима, так как потребность в обращении к специальным знаниям всегда исходила из собственной неосведомленности участников уголовного судопроизводства в тех или иных вопросах, возникающих при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. И поэтому для лиц, получивших юридическое образование, специальными не являлись вопросы права в уголовно-процессуальном смысле, для врача-офтальмолога – вопросы глазных болезней, для архитектора – схема управления освещением в помещении и т. д.

Поэтому, руководствуясь сказанным, мы приходим к выводу о том, что любое расширение круга участников уголовного процесса, наделенных правом обращаться к сведущим лицам, должно влечь за собой и расширение спектра специальных знаний, прежде всего за счет знаний, которыми такие участники не владеют. Именно это и произошло с введением в УПК РФ ст. 58, согласно которой право обращаться к специалисту получили не только следователь и суд, как это было предусмотрено УПК РСФСР, но и стороны. А поскольку заранее определить

В.Н., Трубицын Р.Ю. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях. – СПб. : Питер, 2003. – С. 8.

¹⁰⁴ Кудрявцева А.В. Понятие «специальные знания» // Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учебное пособие / под ред. Ф.Г. Аминова. – Уфа : УЮИ МВД РФ, 2010. – С. 7.

¹⁰⁵ Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) : учебное пособие. – М. : Юристъ, 1995. – С. 8.

¹⁰⁶ Арсеньев В.Д., Заблоцкий В.А. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. – Красноярск, 1986. – С. 4.

уровень специальной подготовки всех представителей и стороны защиты, и стороны обвинения по всем расследуемым и рассматриваемым судом делам невозможно, постольку придется допустить, что среди таких участников судопроизводства вполне могут оказаться лица самых разных специальностей и профессий. Для них, а это и подозреваемые, и обвиняемые, и потерпевшие, и их представители, специальными вполне могут оказаться любые профессиональные знания, которыми они сами не владеют, – те же юридические знания.

Иными словами, спектр специальных знаний специалистов существенно расширился, но не за счет новых видов или разновидностей, а за счет тех отраслей знания и опытности, которыми обращающиеся за содействием стороны процесса не владеют. То есть благодаря расширению круга потребителей услуг специалистов, наделенных правом обращаться за специальной помощью. Критерием разграничения специальных и неспециальных знаний становился, таким образом, не характер самих знаний, подпадающих под установленный законом перечень, а субъективное отношение любого из участников судопроизводства к тем или иным знаниям как для него специальным. Причем именно для конкретного участника, а не вообще для неопределенного круга лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Про субъективный характер любых оценок знаний как специальных ученые говорили и раньше. Так, А.А. Эйсман писал: «...граница между общедоступными и специальными знаниями... неопределенна, подвижна, оценка ее носит субъективный характер...»¹⁰⁷. Эта идея не получила дальнейшего развития, объясняя лишь причины динамичности формирования знаний и навыков конкретного лица, граница которого, разделяющая специальное и общеизвестное, всегда подвижна и именно поэтому субъективна.

Одним из первых иначе поставил вопрос о сущности специальных знаний, руководствуясь субъективным критерием, А.А. Эксархопуло: «Привычное обращение в поисках основания их разграничения к необходимости профессионально-

¹⁰⁷ Эйсман А.А. Критерии и формы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании в целях получения судебных доказательств // Вопросы криминалистики. – М., 1962. – Вып. 6-7. – С. 40.

го образования, доступности или общеизвестности тех или иных сведений – занятие, надо думать, неблагодарное, ибо найти критерии, которые объективно отграничивали бы специальное от неспециального, невозможно... Для оценки потребности в знаниях, носящих специальный характер... представляется более правильным исходить не из каких бы то ни было общих для всех потребителей критериев, а из субъективного отношения участника уголовного процесса к определенной области знаний как таковой. Руководствуясь при принятии решения только тем, что он сам таковыми знаниями не обладает, но имеет на это право и намерен обратиться за помощью к сведущему лицу в соответствии с УПК»¹⁰⁸.

Спустя 20 лет к тому же выводу пришел в своей докторской диссертации и В.С. Латыпов, правда, без упоминания первоисточника. Автор так написал о сущности специальных знаний специалиста и эксперта: «Таким образом, мы приходим к выводу, что специальные знания являются таковыми, поскольку ими не обладает лицо, привлекающее соответствующего специалиста (эксперта)»¹⁰⁹.

Такое понимание сущности специальных знаний в уголовном процессе позволило А.А. Эксархопуло прийти к еще одному важному выводу – о специальном характере любых знаний привлекаемого сторонами специалиста, в том числе юридических, и именно потому, что далеко не все представители сторон, получившие право обращаться к специалисту за содействием (ст. 58 УПК РФ), являются, подобно следователю или суду, профессиональными юристами. Автор позднее так оценил это нововведение уголовно-процессуального закона в сравнении со старым УПК РСФСР: «Получалось, что следователю предоставлялась возможность обратиться к сведущим лицам для разъяснения возникающих у него специальных вопросов, в то время как иные представители сторон, не сведущие в правовых вопросах, оказались этого лишены. Таким образом, традиционный под-

¹⁰⁸ Эксархопуло А.А. Правовые основы использования специальных познаний и технических средств в расследовании уголовных дел // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.Ф.Герасимова. – Екатеринбург, 2003. – С. 525–526.

¹⁰⁹ Латыпов В.С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы : дис. д-ра юрид. наук. – Уфа, 2023. – С. 227.

ход к оценке специальных познаний как любых, не относящихся к праву, оказался если и применим, то только к отдельным представителям стороны обвинения и защиты. В отличие от следователя, дознавателя, профессионального защитника, ни потерпевший, ни гражданский истец, ни общественный обвинитель как представители стороны обвинения, ни обвиняемый (подозреваемый), ни гражданский ответчик как представители стороны защиты знаниями в области юриспруденции не обладают и обладать не обязаны... Отказ им в праве обращаться к специалистам в области юридической науки либо в праве ходатайствовать о назначении экспертизы для решения юридических вопросов следует рассматривать не иначе как прямое нарушение основополагающего принципа уголовного процесса – принципа состязательности»¹¹⁰.

Такой подход позволяет разрешить и давний спор о сущности специальных знаний в уголовном процессе, ибо никакой перечень, даже установленный законом, не позволяет отграничить специальные знания от неспециальных, а значит, не может создать и единую правовую основу для обращения к специалистам и экспертам за разрешением вопросов, возникающих в процессе производства по уголовному делу.

Таким образом, в соответствии с действующим УПК РФ специальный характер знаний сведущих лиц должен определяться не источниками их осведомлённости, закреплёнными в законе в виде перечня, а тем, как сам их потребитель, наделенный правом обращаться к сведущим лицам, относится к тем или иным знаниям или навыкам как к специальным. И поэтому мы солидарны с авторами, которые утверждают, что любые усилия, направленные на то, чтобы «...объективно отделить специальные знания от неспециальных, предложив некие критерии, и в соответствии с ними оценивать правомерность обращения конкретных участников уголовного процесса к сведущим лицам за разъяснением "специальных" вопросов либо дачей экспертного заключения, ни к чему определенному

¹¹⁰ Эксархопуло А.А. Сущность специальных познаний в состязательном уголовном процессе // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 3-й Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 января 2011 г.). – М., 2011. – С. 212 – 213.

до сих пор не привели и, надо думать, не приведут. Для оценки потребности в знаниях, носящих специальный характер, было бы более правильным исходить не из каких бы то ни было общих для всех "потребителей" критериев, а из субъективного отношения участника уголовного процесса к определенной области знаний как к таковой»¹¹¹.

При таком подходе к оценке сущности специальных знаний в уголовном процессе перечень их источников для специалиста абсолютно излишен, ибо специальными для него могут быть любые знания, которыми не владеет хотя бы одна из сторон конкретного разбирательства по уголовному делу, имеющая по закону право обращаться к специалистам. Субъективный критерий оценки специфичности тех или иных знаний окажется весьма кстати, если иметь в виду перспективу развития института специальных знаний, например, в случае реализации идеи «состязательной экспертизы», о которой еще пойдет речь в работе.

Между тем проблема разграничения специалиста и эксперта по признаку специфичности их знаний, даже после исключения из УПК РФ перечня источников специальных знаний так и осталась нерешённой. Более того эта проблема породила новые вопросы. В частности, о том, что может стать основанием привлечения эксперта и чем эти основания отличаются от оснований обращения к специалисту?

Чтобы внести ясность, следует, на наш взгляд, с одной стороны, дополнить уголовно-процессуальный закон нормой, определяющей общие условия (основания) обращения к сведущим лицам для решения любых вопросов, требующих их участия, независимо от конкретных задач, стоящих перед сторонами, следствием или судом. С другой стороны, также на законодательном уровне необходимо предусмотреть новые критерии оценки любых знаний, привлекаемых в уголовный процесс как специальных, и тем самым конкретизировать правовые основания обращения суда и сторон к специалисту. Но не путем перечисления источников спе-

¹¹¹ Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И. Криминалистика: история и перспективы развития : монография. – М. : Юрайт, 2019. – С. 105–106.

циальных знаний и опыта с обоснованием их специфичности, а на основе субъективного критерия.

Этот вывод особенно актуален для случаев обращения к специалистам, и именно потому, что, в отличие от назначения экспертизы, правом привлекать этих представителей сведущих лиц наделены не только следователь (дознатель) и суд, но и стороны. Таким образом, для любого полномочного участника производства по делу специальными будут знания и опыт, которыми он сам не владеет или владеет недостаточно, но желает привлечь специалиста для получения помощи в решении того или иного вопроса. Этим субъективным и вместе с тем универсальным критерием надлежит руководствоваться не только сторонам, но и суду, обращаясь к специалистам, в том числе для получения от них письменных заключений.

Субъективная потребность в привлечении определенных знаний или навыков к решению возникающих на предварительном следствии и в суде вопросов и станет определяющей при обосновании правомерности обращения суда и сторон к сведущим лицам в каждом конкретном случае. При таком отношении к специальным знаниям в уголовном процессе единственным ограничением для их использования сторонами и судом будет уровень их собственной профессиональной подготовки. Соответственно, обращение обвиняемых, подсудимых, потерпевших, гражданских истцов и ответчиков (или их представителей) к специалистам любых профессий ничем не может быть ограничено заранее. В то время как круг вопросов, решаемых специалистами, привлеченными следствием или судом, должен быть ограничен потребностями в специальных знаниях из любой области науки, техники, искусства или ремесла, кроме знаний юридических.

Можно, разумеется, представить себе ситуацию, когда следователь или судья окажутся вполне осведомленными в какой-то неюридической области знания или опыта. Например, они могут иметь еще одно профессиональное образование или опыт работы по иной специальности. Представляется, что даже в таких случаях их обращение к специалистам или экспертам за разрешением возникающих специальных вопросов должно быть признано обязательным. Об этом писал еще

Л.Е. Владимиров: «Случайное обладание судом специальными знаниями, необходимыми для решения данного дела, не может его избавить от вызова сведущих лиц: случайное знание судьей по специальному вопросу есть знание внесудебное, не могущее иметь значение судебного факта»¹¹².

Таким должен быть подход и к решению вопроса о привлечении специалиста лицом, представляющим ту или иную сторону в уголовном процессе и владеющим при этом специальными знаниями того же профиля. Независимо от собственных возможностей, если возникший вопрос требует для его решения специальных, с точки зрения других участников разбирательства дела, знаний, ходатайствовать о привлечении специалиста в таких случаях необходимо.

С учетом сказанного предлагаем дополнить ст. 58 УПК РФ отдельной частью, закрепив в ней общие правовые основания обращения к сведущим лицам и общий критерий признания требуемых от них сведений или опытности специальными. Формулировка такого дополнения может выглядеть так: «В случае возникновения у сторон обвинения, защиты или у суда специальных вопросов, знаниями для разрешения которых они сами профессионально не владеют, судья или соответствующий представитель стороны в уголовном судопроизводстве вправе привлечь специалистов для получения на них ответов».

Предлагаемое дополнение ст. 58 УПК, определяющее общие правовые основания привлечения специалистов судом или любой из сторон, снимет и все те препятствия, которые в свое время были созданы, причем не столько законом, сколько традицией, для оценки специальных знаний как любых, кроме знаний в области права. В случае признания на уровне закона субъективного критерия оценки тех или иных знаний как специальных у противников так называемой «правовой экспертизы» не останется аргументов, препятствующих ее легализации в уголовном процессе, главным из которых всегда был тезис о том, что следователь и суд сами обязаны знать право. Руководствуясь данным критерием, сторонам можно будет с большей обоснованностью привлекать специалистов для раз-

¹¹² Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула : Автограф, 2000. – С. 239.

решения любых, в том числе юридических вопросов как на предварительном следствии, так и в суде¹¹³. Причем диапазон решаемых специалистом по таким обращениям сторон юридических вопросов если и может быть чем-то ограничен, то только предметом уголовно-процессуального познания по делу. Это значит, что ставить перед специалистом юридические вопросы можно будет только для получения сведений, имеющих процессуальное значение, иначе говоря, относящихся к конкретному уголовному делу.

При этом не должно быть никаких ограничений для сторон, обращающихся к специалистам за устными или письменными консультациями для ответа на вопросы, которыми они сами не владеют. О привлечении специалистов, владеющих юридическими знаниями, высказала свое мнение и Е.Р. Россинская, указав, что «впервые юридические знания были отнесены к специальным в практике рассмотрения дел в Конституционном Суде... где в качестве экспертов вызываются высококвалифицированные юристы (доктора и кандидаты юридических наук) и на их разрешение ставятся вопросы чисто правового характера, касающиеся трактовки и использования отдельных норм материального и процессуального права»¹¹⁴. Изучив практику доказывания по уголовным делам с использованием заключений специалистов в области права, Е.Р. Россинская пришла к выводу о необходимости узаконивания правовых (или юридических) экспертиз¹¹⁵.

¹¹³ О юриспруденции как области специальных знаний в уголовном процессе писали многие: Зотов Д.В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015 ; Корсаков К.А. Проблема использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве // Криминалистический вестник. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 48 ; Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – М., 2002. – С. 26 ; Эксархопуло А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики. – М., 2001. – Вып. 2 ; Он же. Гражданское право как область специальных познаний, используемых для оценки событий, имеющих уголовно-процессуальное значение // Юридическая практика. Информационный бюллетень. – 2002. – № 3 (30) ; Он же. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005 и др.

¹¹⁴ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М., 2005. – С. 13–14.

¹¹⁵ Россинская Е.Р. Теоретические и прикладные проблемы судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы Международной научно-практической конференции. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 5.

Кроме того, легализация субъективного критерия оценки знаний и навыков как знаний специального характера позволит приблизить и решение проблемы «состязательной экспертизы», обсуждаемой в науке в течение более двух последних столетий¹¹⁶, но так и не внедренной в отечественное судопроизводство. При таком решении проблемы разграничения специальных знаний сведущих лиц, судебный эксперт, оставаясь в сфере влияния исключительно следствия и суда (в том смысле, что его назначение для проведения экспертизы по закону зависит только от них), может быть носителем любых специальных знаний, исключая юридические, связанные с оценкой деяния, как это и определил Верховный Суд РФ в п. 4 постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 (далее – постановление № 28). Во всяком случае, до тех пор, пока идея состязательной экспертизы не будет реализована отечественным законодателем.

2.2. Участники судебного разбирательства по уголовным делам, наделенные правом обращаться к специалисту за содействием в решении вопросов, требующих специальных знаний

Проблема привлечения специалистов для участия в уголовном судопроизводстве возникала всякий раз, когда законодатель устанавливал круг лиц, полномочных обращаться к носителям специальных знаний для обеспечения более эффективного собирания и исследования доказательств, получения ответов на возникающие специальные вопросы. Такой интерес к участникам расследования и судебного разбирательства вполне объясним, ибо от того, кто из них наделен соответствующими полномочиями, зависела и сама постановка вопроса о целесообразности обращения к сведущим лицам, и выбор путей максимально эффективно-

¹¹⁶ Эта проблема возникла ещё в 19 веке в связи с введением в уголовное судопроизводство принципа состязательности сторон и в своём решении предполагала предоставление сторонам обвинения и защиты равных прав при назначении судебных экспертиз, включая право самостоятельно принимать соответствующие решения. Сегодня правом назначать судебную экспертизу по российскому процессуальному законодательству обладают на предварительном следствии только следователь (орган дознания), а в судебном разбирательстве – только суд.

го использования их специальных знаний. Среди решаемых такими участниками вопросов, с нашей точки зрения, наиболее значимыми являются следующие.

1. Определение круга отраслей знания, без которых установление отдельных обстоятельств уголовного дела затруднительно или невозможно. Признание знаний и навыков специальными относится к числу вопросов, определяющих в уголовном процессе обоснованность принятия решения об обращении к сведущим лицам, привлекаемым в разных правовых формах: для производства экспертизы или выполнения функций специалиста. И если фактическим основанием для назначения экспертизы является, согласно закону (ст. 2 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») и руководящим указаниям Верховного Суда РФ (п. 1 постановления № 28), потребность в использовании специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле¹¹⁷, то для привлечения специалиста этот перечень оказывается порой слишком узким и поэтому не может считаться исчерпывающим. Дело в том, что требуемые от специалиста знания или опытность могут содержаться и в иных источниках информации, не подпадающих под установленный законом перечень. Например, сведения, относящиеся к нумизматике или филателии.

Кроме того, само понятие специальных знаний и круг относящихся к ним сведений могут существенно различаться в зависимости от субъективного к ним отношения конкретного человека как к знаниям специальным. То, что одним участником судопроизводства воспринимается как специальные знания, вовсе не обязательно должно восприниматься таковыми для другого. Отсюда следует, что выбор сведущего лица, обладающего необходимыми профессиональными каче-

¹¹⁷ В литературе различают основания назначения и основания проведения экспертизы. К первым относят потребность в специальных знаниях, ко вторым – вынесение постановления о назначении экспертизы (см.: Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник. – СПб. : Лема, 2009. – С. 195). В процессуальных источниках иногда выделяют еще и фактические основания производства экспертизы, к которым относят «наличие в деле таких обстоятельств, которые требуют для их научной интерпретации и формулирования обоснованных выводов использования знаний в тех областях, которые не входят в профессиональное образование юриста» (см.: Уголовный процесс России. Особенная часть : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. В.З. Лукашевича. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2005. – С. 195).

ствами, и принятие решения о его привлечении к производству по делу будет обоснованным, если инициатор обращения сам не владеет теми знаниями или навыками, которые надлежит использовать, чтобы решить возникающие перед следствием, сторонами или судом вопросы. И именно потому, что никто не осведомлен о своей некомпетентности лучше, чем лицо, намеренное обратиться к носителю специальных знаний или навыков за разрешением возникающих вопросов. А значит, не сможет и определиться с тем, кого из специалистов следует пригласить, чтобы он мог профессионально эти вопросы решить. Понятно также, что только тот инициатор обращения к сведущим лицам, кто сам не владеет нужными знаниями или навыками, способен с максимальной убедительностью обосновать необходимость обращения к специалисту определенной профессии. Без такого обоснования суд не сможет принять соответствующее решение: либо удовлетворить заявленное ходатайство о привлечении специалиста к участию в судебном заседании, либо отказать в его удовлетворении.

2. Выбор оптимальных форм использования знаний и навыков специалистов, привлекаемых сторонами и судом к разбирательству по делу, среди которых «процессуальные (судебная экспертиза, участие специалиста в следственных и иных процессуальных действиях, привлечение специалиста для дачи заключения и показаний) и непроцессуальные формы (справочно-консультационная помощь специалиста, оказываемая сторонам, проведение документальных проверок, ревизий, исследований документов и трупов, других предварительных исследований)»¹¹⁸. Л.В. Лазарева отмечает, что в связи с тем, что с каждым годом расширяется перечень специалистов, привлекаемых к решению вопросов, возникающих на практике, это создает впечатление постоянного роста способов доказывания при их помощи¹¹⁹.

Непосредственно в суде специалист может привлекаться, например, для участия в планируемых судебных действиях, для дачи заключений по возникаю-

¹¹⁸ Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в Российском уголовном судопроизводстве : автореф. ... д-ра юрид. наук. – Владимир, 2011. – С. 21–22.

¹¹⁹ Там же. – С. 22.

щим у сторон вопросам, для допроса, для получения от него устной либо письменной консультации, для оказания технической помощи в проводимом стороной или судом исследовании материалов уголовного дела и т. д.

По результатам опроса судей, специалисты в судебное заседание привлекались чаще всего для ответа на поставленные сторонами и судом специальные вопросы, возникшие в ходе судебного разбирательства, посредством проведения исследований и дачи заключения (28% опрошенных), для оценки ранее проведенной экспертизы (23%), для дачи показаний по поводу представленного специалистом письменного заключения (23%), для собирания доказательств в порядке оказания технической помощи суду (7%), для постановки вопросов эксперту (7%), для дачи показаний в качестве свидетеля (5%) и т.д.

Выбор той или иной формы привлечения специалиста в судебное разбирательство напрямую зависит от процессуального статуса и полномочий его участников, наделенных соответствующим правом. Если, к примеру, инициатором обращения к специалисту является суд, то, в отличие от сторон процесса, он в решении вопроса о выборе форм привлечения специалиста, обладает, несомненно, большими полномочиями. Например, только суд наделен эксклюзивным правом решать вопрос о привлечении специалиста к судебному осмотру помещений или местности, к следственному эксперименту и другим действиям, в то время как стороны об этом могут только ходатайствовать. В свою очередь, ни суд, ни прокурор как профессиональные юристы не вправе обращаться к специалисту за письменной консультацией по некоторым юридическим вопросам, которые могли бы иметь значение для дела (п. 4 постановления № 28).

3. Выяснение обстоятельств, которые могли бы стать основаниями для отвода специалиста, приглашенного судом или другими участниками судебного разбирательства дела, в том числе подтвердить допустимость совмещения этой функции с ранее выполнявшимися им по данному делу. Такие обстоятельства всегда лучше известны тем, кто участвовал в предварительном расследовании уголовного дела, а значит, мог быть осведомлен не только о выполнении им ранее тех или иных процессуальных функций, но и о компетентности, потенциальной

заинтересованности сведущего лица, призываемого к выполнению обязанностей специалиста, в исходе дела и об иных обстоятельствах, препятствующих его привлечению в судебное разбирательство в этом качестве.

4. Проверка обоснованности отказа суда в удовлетворении ходатайства стороны о привлечении специалиста к участию в судебном заседании. Необоснованным следует считать, например, отказ по мотивам общеизвестности фактов, подлежащих, с точки зрения инициатора привлечения специалиста, выяснению, или в связи с отсутствием якобы их связи с событием преступления. То, что суду кажется общеизвестным, далеко не всегда представляется таковым стороне, ходатайствующей о привлечении специалиста для дачи заключения, например, по некоторым юридическим вопросам. Необоснованными должны признаваться и отказы в привлечении специалиста, обусловленные ошибочной оценкой его профессиональных качеств, якобы препятствующих правильному решению вопросов, возникающих в ходе разбирательства дела. Например, ошибки в оценке компетентности, заинтересованности в деле или зависимости приглашаемого специалиста от какой-либо из сторон.

Исходя из сказанного, можно заключить, что участники судебного разбирательства уголовных дел, наделенные правом привлекать специалистов, могут не только с большей убедительностью обосновать необходимость обращения к специалистам за разрешением возникающих у них вопросов, но и существенно повлиять на возможности суда, повысив его познавательный потенциал, прежде всего за счёт использования специальных знаний для выяснения отдельных обстоятельств уголовного дела. О том, на что может указать и на что может обратить внимание специалист в своих показаниях на суде, подробно писали Е.Р. Россинская и Е.И. Галяшина¹²⁰.

В истории российского уголовного судопроизводства проблема его участников, наделенных правом обращаться к сведущим лицам, решалась по-разному. По УУС это зависело от того, на какой стадии уголовного процесса возникала та-

¹²⁰ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М. : Проспект, 2010. – С. 209–210.

кая потребность. Так, на предварительном следствии решение о привлечении сведущих лиц, причем как для выполнения функций экспертов (дающих заключения по поставленным им вопросам), так и в качестве технических помощников при производстве следственных действий, вправе был принимать только судебный следователь (ст. 249, 315, 328, 336 и др.). Более широко лица, наделенные правом обращаться к сведущим людям, были представлены в судебных инстанциях.

По делам, подведомственным мировому суду, сведущие люди призывались для оказания содействия в осмотре, обыске, освидетельствовании и в иных процессуальных действиях, проводимых самим судом. Однако в случаях, когда мировой судья вынужден был обращаться к полиции с поручением о производстве перечисленных действий (ст. 106 УУС), вопрос о привлечении к их проведению сведущих людей решался «чинами местной полиции» (ст. 105, 112 УУС).

Разумеется, правом привлекать к судебному разбирательству уголовных дел сведущих лиц обладал и окружной суд, рассматривавший более сложные, нежели мировые судьи, уголовные дела. Согласно ст. 538 УУС «определение судебной палаты о предании суду может заключать в себе и указание тех свидетелей и сведущих лиц, которые, по ее мнению, должны быть призваны в суд»¹²¹.

Ни обвиняемый, ни потерпевший, ни гражданский истец или ответчик таких прав, согласно УУС, не имели. Стороны могли лишь инициировать привлечение сведущих лиц и только на стадии рассмотрения дела в суде путем подачи соответствующих ходатайств. В ст. 578 УУС, в частности, говорится: «Стороны могут просить о вызове в суд не только свидетелей, но и сведущих людей для объяснения какого-либо предмета или для поверки сделанного уже испытания...».

Тем не менее сама идея допуска сторон к решению вопроса о привлечении сведущих лиц, в том числе на стадии предварительного расследования, уже тогда, во второй половине XIX в., широко обсуждалась и зарубежными, и отечественными юристами. К примеру, в 1870 г. этот вопрос стал предметом рассмотрения

¹²¹ Устав уголовного судопроизводства. Ст. 538.

особой комиссии, занимавшейся переработкой Устава Франции 1808 г.¹²² Несколько позднее, на рубеже XIX– XX вв., проблема равных прав сторон обвинения и защиты по привлечению сведущих лиц стала объектом внимания и российских ученых¹²³.

Большинство законодательных идей прошлого, касающихся участников уголовного процесса, наделенных правом обращаться к сведущим лицам за содействием в решении специальных вопросов, было не только воспринято советским законодателем при разработке первых уголовно-процессуальных кодексов, но и дополнено рядом полезных правил. В частности, гарантиями, обеспечивающими права сторон на обращение к сведущим лицам.

Так, из текста ст. 112 УПК РСФСР 1923 г. следует, что законодатель, предоставив обвиняемым и потерпевшим право требовать от следователя проведения допросов экспертов, которые, как известно, выполняли две функции – проводили экспертизы и участвовали в следственных действиях, предусмотрел еще и обязанность следователя такое требование удовлетворить. В ст. 112 УПК РСФСР 1923 г. говорится, что «Следователь *не* вправе отказать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей и экспертов и в собирании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела». Это положение законодатель конкретизировал в ст. 169 УПК РСФСР 1923 г.: «При вызове экспертов число их определяет следователь. В случае требования обвиняемого следователь помимо избранных им экспертов может вызвать и эксперта, указанного обвиняемым; отказ в таком вызове может последовать, если следователь признает, что вызов указанного эксперта невозможен или же грозит затянуть предварительное следствие»¹²⁴.

Однако с сожалением следует признать, что, продемонстрировав готовность извлекать пользу из исторического опыта и полезно развив известные еще с середины XIX в. положения российского уголовно-процессуального закона, законода-

¹²² Даневский В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. (Москва 1895). – Киев, 2003. – С. 44, 47.

¹²³ Там же. – С. 69–70 и др.

¹²⁴ УПК РСФСР 1923 г.

тель при разработке УПК 1960 г. забыл и об этом опыте, и о его заимствовании своими предшественниками.

В результате правил привлечения сведущих лиц к производству по делу на состязательной основе, выработанных дореволюционным уголовным процессом и дополненных нормами первых УПК РСФСР 1922/23 гг., обязывающих следователя удовлетворить соответствующие ходатайства обвиняемого, не оказалось в УПК РСФСР 1960 г. Несмотря на то что эти положения выгодно отличали прежнее уголовно-процессуальное законодательство России от нового УПК 1960 г., в котором ни о каком праве обвиняемого или сторон не то чтобы требовать, но даже просить о привлечении специалистов к производству следственных или судебных действий речи уже не шло. Ни сторона обвинения в лице потерпевшего или гражданского истца с их представителями, ни сторона защиты в целом, согласно УПК РСФСР 1960 г., не обладали правом ни самим обращаться к специалистам, ни инициировать их привлечение путем заявления соответствующих ходатайств. Причем это ограничение прав сторон распространялось как на стадию предварительного следствия, так и на судебное разбирательство по уголовным делам. Во всяком случае, в законе о подобных инициативах сторон ничего не сказано.

Отчасти этот пробел удалось ликвидировать в 1966 г., когда принимались дополнения и изменения в УПК РСФСР. Правда, согласно этим дополнениям, привлекать специалистов по собственной инициативе, помимо следователя (ст. 133-1), закон прямо уполномочил только суд (ст. 253-1), оставив вопрос об участниках уголовного судопроизводства открытым для обсуждения, но до конца не решенным. Ибо, предоставив им право ходатайствовать о вызове специалистов (ст. 276 УПК РСФСР в редакции 1966 г.), УПК 1960 г., в отличие от УПК РСФСР 1922/23 гг., ничем не ограничил право суда отказать стороне, заявившей такое ходатайство, в его удовлетворении. Что касается предварительного следствия, то на него даже эти положения УПК не распространялись.

Такое неравенство, выразившееся в невозможности для сторон обращаться к специалисту самим, сохранялось до принятия УПК РФ, с введением которого в действие следствие и суд лишились монопольного права пользоваться услугами

специалиста. Тем самым законодатель установил единые для всех специалистов права и обязанности, определив общий для всех участников судопроизводства, наделенных правом обращаться к специалистам, порядок их привлечения к проведению процессуальных действий (ст. 58 УПК РФ). Но что особенно важно, так это то, что согласно принятым в УПК РФ нововведениям, круг потребителей, имеющих возможность обратиться к специалистам, законодателем был существенно расширен. Наряду со следователем (дознавателем) и судом ими стали все представители сторон обвинения и защиты (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), чего ранее не было ни в УУС, ни в УПК 1922/23 гг., ни в УПК РСФСР 1960 г., включая его редакцию 1966 г.

Таким образом, был сделан еще один шаг в освоении позитивного исторического опыта и предпринята вполне удачная попытка этот опыт развить и усовершенствовать. Вместе с тем следует заметить, что предложенное в УПК РФ расширение круга участников уголовного судопроизводства, наделенных правом обращаться к сведущим лицам, породило и новые, ставшие сегодня весьма актуальными проблемы. В частности, проблемы, связанные с реализацией специалистами своих функций при разбирательстве уголовных дел судом. Так, дополнив перечень источников доказательств заключениями и показаниями специалиста (п. 3.1. ч. 2 ст. 74 УПК РФ), законодатель уполномочил обращаться к нему за такими заключениями только стороны, но не суд (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). И даже тот факт, что заключение специалиста было названо одним из доказательств, с помощью которых «суд, прокурор, следователь, дознаватель... устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу» (ст. 74 УПК РФ), не снимал неопределенности в решении вопроса о полномочиях суда – тех полномочиях, которые давали бы ему право самому обращаться к специалисту за заключением по возникающим во время разбирательства дела вопросам. И поэтому использование судом такого заключения в целях доказывания обстоятельств уголовного дела следовало понимать лишь как право суда ссылаться в своих выводах на представленные заключения специалиста, полученные по инициативе сторон, а не как право суда самому обращаться к специ-

алисту за новым заключением. Этот вывод следует из приведенных выше положений УПК РФ, согласно которым суд вправе использовать в доказывании заключения специалиста, полученные по запросам сторон, но не привлекать специалиста по собственной инициативе для их подготовки во время разбирательства дела.

Не решило проблемы получения заключений специалиста судом и постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам», измененное и дополненное 29 июня 2021 г. Призвав суды наиболее полно использовать достижения науки и техники «путем производства судебной экспертизы... в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу», Пленум указал: «Если «проведение исследования не требуется, то возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста в порядке, предусмотренном частями 3 и 4 статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹²⁵. Часть 3 указанной статьи предусматривает допрос специалиста, в то время как ч. 4 – получение от него заключения.

Казалось бы, вопрос исчерпан, ибо в измененной редакции постановления суду в той же ситуации предлагалось, помимо допроса специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ), рекомендованного прежней редакцией, привлекать специалиста к судебному разбирательству еще и для дачи заключения (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Верховный Суд не учел, однако, что его постановление не может ни изменить, ни отменить формулировку ч. 3 ст. 80 УПК РФ, где сказано, что заключение специалиста – это «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным... сторонами». Суд, как известно, стороной уголовного процесса по российским законам не является, а значит, если следовать «букве» закона, и ставить вопросы специалисту для дачи им заключения он не вправе.

¹²⁵ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, законодатель своими некорректными формулировками правовых норм и Верховный Суд своими непродуманными комментариями к ним поставили под сомнение право суда пользоваться услугами специалиста в форме дачи им письменных заключений. Этот вывод тем более обоснован, что такое право закон предоставил суду, назначающему экспертизу для получения экспертного заключения в ходе судебного следствия, о чем прямо сказано в ст. 283 УПК РФ.

Сомнения в легитимности результатов использования знаний специалиста возникают и по поводу его показаний, данных в суде. Проблема заключается в том, что, в отличие от допроса эксперта (ст. 282 УПК РФ), такое судебное действие, как допрос специалиста, уголовно-процессуальным законом, в частности гл. 37 УПК РФ, вообще не предусмотрено. Хотя его включение в УПК РФ было бы не менее обоснованным, чем прямая регламентация производства экспертизы и допроса эксперта в суде (ст. 282 и 283 УПК РФ), тем более что допрос специалиста, явившегося в суд по инициативе стороны, закон провозгласил обязанностью суда (ч. 4 ст. 271 УПК РФ).

Однако эта предусмотренная ст. 271 УПК РФ обязанность не может заменить законодательных правил проведения самого судебного действия – допроса специалиста. Возможно, именно по этой причине такой допрос сведущего лица в суде часто лишь декларируется, но не реализуется. Немотивированные отказы и от допроса явившегося в суд специалиста, и от приобщения его заключений, полученных по инициативе сторон, к делу становятся повседневной практикой российского суда.

Так, по уголовному делу о привлечении М. к уголовной ответственности за, якобы, насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетней, проводились два исследования¹²⁶. Одно – непроцессуальное – проводилось путём опроса обвиняемого М. с использованием полиграфа; второе – в форме судебно-генетической экспертизы, решавшей вопрос о том,

¹²⁶ Подробно анализ этого уголовного дела изложен в кн.: Эксархопуло А.А. Сборник заключений по результатам анализа материалов уголовных дел. Часть 1: Дела о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности. – Уфа: 2019. С. 14-160.

имеются ли в моче ребенка следы спермы. Результаты и первого, и второго исследования подтверждали виновность М. Для оценки обоснованности выводов полиграфолога Н. и эксперта-генетика И. сторона защиты пригласила две группы специалистов соответствующего профиля, среди которых были доктора психологических и биологических наук – то есть эксперты более высокой квалификации, нежели те, которые ранее давали свои заключения по делу и, якобы, изобличавшие М. в инкриминируемом ему сексуальном преступлении. Все специалисты по результатам анализа и первого, и второго заключения пришли к единодушному выводу и о необоснованности, и о недостоверности проведённых полиграфических и генетических исследований, подробно обосновав свои умозаключения.

Однако суд не принял во внимание заключения специалистов, содержащие профессиональную оценку ранее проведённых исследований, мотивировав свой отказ бессмысленной, ничего не значащей фразой: «Учитывая, что указанные лица непосредственно не проводили исследования и фактически какой-либо информацией, имеющей значение для настоящего дела, не обладают ... (Приговор – стр.33)»¹²⁷. По мнению суда выходит, что компетентное подтверждение сведущими лицами недостоверности доказательств значение для уголовного дела не имеет.

Однако «участие специалиста в судебном заседании, особенно когда речь идет о судебном заседании с участием присяжных заседателей, и его допрос – это способ для сторон защиты и обвинения предоставить присяжным возможность непосредственно оценить качество проведенного экспертного исследования, обоснованно подойти к оценке представленного специалистом суждения»¹²⁸, что

¹²⁷ Там же. С. 156.

¹²⁸ Ватутина О.Ю. Заключение эксперта и заключение специалиста в суде присяжных: проблемные аспекты оценки // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 марта 2021 г.). – М., 2021. – С. 160.

«является проявлением истинного значения состязательности, именуемого как справедливое судебное разбирательство»¹²⁹.

Еще одной причиной и таких отказов от допроса специалиста в суде, и от приобщения его заключений, полученных сторонами, на наш взгляд, стали издержки нормативного регулирования порядка привлечения специалиста к разбирательству по уголовным делам, о котором говорится в ч. 2 ст. 58 УПК РФ. Этот общий, казалось бы, вопрос имеет, однако, самое непосредственное отношение к реализации своих полномочий инициаторами обращения к специалистам за содействием.

Проблема правового регулирования порядка вызова и участия специалиста в расследовании и судебном разбирательстве состоит в том, что, судя по тексту ст. 58 УПК РФ, сам порядок установлен другими нормами уголовно-процессуального закона, на которые в ч. 2 ст. 58 имеется лишь ссылка. В ней говорится, что «вызов специалиста и порядок его участия в следственных и иных процессуальных действиях, судебных заседаниях определяются статьями 168 и 270 настоящего Кодекса».

Между тем содержание «отсылочных» ст. 168 и 270 УПК РФ мало что проясняет в объявленном ст. 58 порядке вызова и участия специалиста на предварительном следствии и в суде. И если в ст. 168 УПК РФ порядок привлечения специалиста (правда, только на предварительном следствии) все же раскрывается, хотя и явно недостаточно, то в ст. 270 УПК о нем практически ничего не говорится. Вопрос о том, должен ли в судебном разбирательстве по уголовным делам соблюдаться аналогичный по комплексу предпринимаемых мер порядок вызова и участия специалиста или в суде надлежит придерживаться иных правил, остался без ответа. Хотя даже по своему названию – «Разъяснение специалисту его прав» – ст. 270 УПК РФ если и может устанавливать некий порядок, то только в очень ограниченной его части, ибо в ней говорится лишь об обязанности председа-

¹²⁹ Хорошева А.Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве с участием присяжных заседателей: исторические практики и наше время // Глаголь правосудия. – 2017. – № 2 (14). – С. 71.

ствующего разъяснить специалисту его права и ответственность, предусмотренные ст. 58 УПК РФ, и получить от специалиста подписку, которая приобщается к протоколу.

В результате «творческих» усилий законодателя мы получили лишь то, что согласно ст. 58 УПК РФ вызов специалиста и порядок его участия в судебных заседаниях определяется ст. 270 УПК РФ, которая, в свою очередь, возвращает нас к исходной ст. 58 УПК РФ, предлагая руководствоваться именно ею. В самой же ст. 270 УПК РФ мы даже при желании не найдем ничего про заявленный в ст. 58 УПК РФ порядок, кроме разъяснения сведущему лицу, уже вызванному в суд, его прав и обязанностей, правда, неизвестно, как этот специалист оказался в суде, то есть в каком порядке он был вызван. Ну а про само участие специалиста в судебном разбирательстве и про процедуру, которой он должен придерживаться, участвуя в заседаниях суда, в ст. 270 УПК РФ вообще нет ни слова.

Итак, чтобы участники судебного разбирательства «понимали», в каком порядке надлежит вызывать специалиста в суд и в каком порядке он участвует в судебном заседании, ст. 58 УПК РФ предлагает ознакомиться с текстом ст. 270 УПК РФ. Но, прочитав текст этой статьи, можно узнать лишь, что вместо описания искомого порядка законодатель «посылает читателя» к исходной ст. 58 УПК РФ. Говоря попросту, ст. 58 отсылает нас к ст. 270, а та возвращает к ст. 58. Однако ни в той, ни в другой статье, ни о каком порядке вызова специалиста в суд, тем более о порядке его участия в судебных заседаниях, речи не идет.

Казалось бы, недоразумение, возникшее благодаря беспредметным ссылкам двух статей УПК друг на друга, могла бы прояснить ст. 251 УПК РФ, специально посвященная участию специалиста в суде, тем более что она так и называется — «Участие специалиста». И надо полагать, ст. 251 для того и вводилась в раздел 35 УПК, посвященный общим условиям судебного разбирательства, чтобы придать участию специалиста в нем правомерный и упорядоченный характер, иначе говоря, создать для такого участия правовые основания. Однако эта профильная статья еще больше запутала вопрос о порядке привлечения специалиста к разбирательству уголовных дел в суде, и то, что в ней написано, ничего кроме разочаро-

вания вызвать не может. Достаточно прочесть одно - единственное предложение в её содержании: «Вызванный в суд специалист участвует в судебном разбирательстве в порядке, установленном статьями 58 и 270 настоящего Кодекса». Круг замкнулся. Теперь об этом «засекреченном» законодателем порядке можно лишь догадываться, и то только по косвенным признакам. Оттого, вероятно, и не действует на практике крайне важное и полезное правило, закрепленное в ч. 4 ст. 271 УПК РФ: «суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон».

Представители судебных органов, отказывающиеся выполнять это требование закона, вполне могут рассуждать так, как это позволяет им несовершенный закон. Например, следующим образом: коль скоро нет в УПК РФ четко и однозначно установленного порядка вызова специалиста в суд для участия в судебном заседании, то нет и легитимного специалиста, «явившегося в суд по инициативе стороны», а значит, нет нужды удовлетворять заявленные сторонами ходатайства, декларативно объявленные уголовно-процессуальным законом обязательными для удовлетворения.

Только 18% из опрошенных судей не отказывали сторонам в привлечении специалистов к судебному разбирательству. 63% отказывали редко и еще 18% отказывали сторонам в привлечении специалистов часто. Причем 48% опрошенных судей отказывали участникам судебного разбирательства в удовлетворении их ходатайства о привлечении специалистов поскольку считали, что для решения того или иного вопроса специальные знания не требуются, а 37% судей отметили, что поставленный в ходатайстве о привлечении специалиста вопрос не имел отношения к делу.

Помимо недостатков правового регулирования приходится констатировать, что проблема участия специалиста в судебном заседании, причем как в форме дачи показаний, так и в форме подготовки заключений с ответами на поставленные ему вопросы, если и обсуждалась в академических кругах, законодателями и практическими работниками, то весьма односторонне, хотя, на наш взгляд, была

очевидна и требовала всесторонних подходов к своему решению. В результате из двух потенциально полезных форм удовлетворения потребностей сторон и суда в специальных знаниях, а именно в форме допроса специалистов и дачи ими заключений, только вторая – представление письменных заключений – вызвала интерес и ученых, и практических работников правоприменительной сферы. В силу неопределенности законодательных формулировок и большого разнообразия трактовок отдельных положений УПК РФ, касающихся специалиста, дающего письменные заключения в суде, уже через 7 лет после их принятия от Верховного Суда РФ потребовалось дать соответствующие разъяснения и рекомендации. В результате 21 декабря 2010 г. Пленум высшей судебной инстанции страны принял постановление «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹³⁰, в котором была затронута в том числе и тема дачи специалистами заключений в порядке ст. 80 УПК РФ.

Решив ряд спорных вопросов, долгое время обсуждавшихся учеными и практиками, Верховный Суд оставил тем не менее без внимания значительную часть проблем института специалиста, в том числе возникших в прошлом, но так и не решенных ни на законодательном уровне, ни на уровне разъяснений высшей судебной инстанции:

- 1) о правовых основаниях проведения допроса специалиста в суде и предмете данного судебного действия;
- 2) о привлечении специалистов к судебным действиям, при производстве которых их участие законом прямо не предусмотрено, например, при осмотре вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ);
- 3) о легализации «состязательной экспертизы» и роли специалиста в решении проблемы равноправия сторон, обращающихся к специальным знаниям;
- 4) о юридических знаниях как знаниях специальных в уголовном процессе, в том числе о возможности назначения «правовой экспертизы» для решения лю-

¹³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437 (дата обращения: 24.04.2025).

бых юридических вопросов, кроме тех, которые были названы Верховным Судом недопустимыми для постановки судебному эксперту, в частности связанных с правовой оценкой деяния;

5) об оценке доказательств как сферы применения специальных знаний, кроме возможности привлекать специалиста для оказания помощи в оценке заключения эксперта (ч. 2 п. 19 постановления № 28). Впрочем, и это важнейшее разъяснение было Пленумом Верховного Суда РФ исключено из новой редакции данного постановления, принятой в июне 2021 г.

О некоторых указанных проблемах и о перспективах их решения уже шла речь в настоящей работе. Остальные, с нашей точки зрения наиболее важные, есть смысл рассмотреть отдельно.

2.3. Статус специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам

Наделение сведущих лиц теми или иными полномочиями и приобретение ими соответствующего правового положения (статуса) допускалось в уголовном процессе при соблюдении ряда условий.¹³¹ Эти условия, позволяющие принять решение о придании такому лицу соответствующего статуса, могли меняться в зависимости от требований закона, действовавшего в тот или иной период времени, но два из таких условий до сих пор остаются неизменными. Это потребность субъектов уголовно-процессуального доказывания в специальных знаниях или навыках, необходимых для решения возникающих у них вопросов, и обязанность соблюсти установленную законом процедуру придания сведущему лицу соответствующего правового положения в производстве по уголовному делу. Статус судебного эксперта приобретает сведущим лицом с вынесением постановления о назначении экспертизы, в котором указывается, либо в каком учреждении должно проводиться исследование, и тогда эксперта назначает руководитель судебно-

¹³¹ См.: Абдрахманова Л.Н. Актуальные проблемы правового статуса специалиста как участника судебного разбирательства уголовных дел / Л.Н. Абдрахманова. // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 4(24). – С. 148–153.

экспертного учреждения (ч. 2 ст. 199 УПК РФ), либо кому конкретно надлежит решать поставленные в постановлении вопросы, с указанием его фамилии, имени, отчества, должности и др. (п. 2 ч. 1 ст. 195 УПК РФ).

Вопрос о придании сведущему лицу статуса специалиста (ч. 1 ст. 58 УПК РФ) решался иначе. Субъекту обращения к нему не требовалось ни обосновывать возникающую потребность в услугах специалиста, ни выносить какое-либо процессуальное решение. Закон не установил никаких правил вызова специалиста, ограничившись лишь одной фразой: «Специалист не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд» (ч. 4 ст. 58 УПК РФ).

При этом объявленная законом обязанность сведущего лица явиться по вызовам дознавателя, следователя или суда ничем не обеспечена. В отличие, например, от установленной в той же части ст. 58 УПК РФ обязанности специалиста не разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве специалиста, нарушение которой карается по ст. 310 УК РФ.

Впрочем, уголовно-процессуальный закон, не предусмотрев ответственности специалиста за отказ явиться по вызовам дознавателя, следователя или суда, не говоря уже про стороны, имевшие по УПК право обращаться к специалистам, не установил и того, как, с использованием каких средств коммуникации должен вызываться специалист. Какие сведения должен содержать этот «вызов»: время и место явки, правовые основания обращения к специалисту, какие задачи ему предстоит решать и т. д. Указание в ч. 2 ст. 58 УПК РФ на то, что «вызов специалиста и порядок его участия в следственных и иных процессуальных действиях, судебных заседаниях определяются статьями 168 и 270 настоящего Кодекса», оказалось в значительной части голословным, о чем уже говорилось в предыдущем параграфе.

Возвращаясь к условиям придания сведущему лицу статуса специалиста, мы приходим к выводу, что отсутствие в уголовно-процессуальном законе внятного регулирования порядка вызова специалиста в суд, к следователю или по требованию сторон, лишь провозглашающего, но не устанавливающего этот порядок,

становится серьезным препятствием для выполнения специалистом своих обязанностей. И не только потому, что существенно затруднит реализацию сторонами и судом права обращаться за содействием в решении специальных вопросов к сведущим лицам, создав условия для не всегда обоснованного «усмотрения» суда или следователя, но еще и потому, что при отсутствии нормативных правил, которые необходимо соблюдать, в материалах уголовного дела не останется документа, на основании которого тот или иной специалист был призван оказывать соответствующие услуги сторонам и суду. А значит, нельзя будет предъявить ему претензий за невыполнение или ненадлежащее выполнение им своих обязанностей. Этот пробел в законодательстве, на наш взгляд, следует скорее ликвидировать, что потребует дополнения УПК РФ нормой о вызове специалиста для оказания содействия сторонам и суду в письменной форме. В таком документе (повестке, обращении, постановлении, распоряжении) надлежит указать фактические и юридические основания обращения к сведущему лицу за содействием, а также спектр вопросов, которые ему предстоит решать в статусе специалиста, что особенно важно с точки зрения необходимости предоставления специалисту возможности надлежащим образом подготовиться к предстоящей работе.

Что касается ответственности специалиста за необоснованный отказ от явки по вызовам сторон или суда, то здесь вполне можно воспользоваться законотворческим опытом разработчиков Устава уголовного судопроизводства. В нем, указав на обязанность сведущих людей «являться немедленно» по требованию судебного следователя или мирового судьи, законодатель в ст. 114, 328 и 323 УУС 1864 года предусмотрел и ответственность сведущих лиц за неявку без уважительных причин, установив наказание в виде денежного взыскания.

Заимствование этих правил и сегодня было бы полезно не только как способ привлечь сведущее лицо к ответственности за допущенное нарушение законных требований сторон и суда, но и в качестве профилактической меры против немотивированного отказа сведущих лиц от оказания содействия органам правосудия. При этом было бы полезно дополнить и меры ответственности специалиста. Они не могут ограничиваться лишь той, которая упомянута в ч. 4 ст. 58 УПК РФ (за

разглашение данных предварительного расследования по ст. 310 УК РФ). Помимо предлагаемой нами для законодательного закрепления ответственности специалиста за отказ явиться по вызову следователя или суда, необходимо предусмотреть еще и ответственность специалиста за иные нарушения принятых им на себя обязательств. В частности, за необоснованный отказ от оказания помощи сторонам и суду при производстве процессуальных действий.

Однако даже если вызов специалиста для участия в расследовании или судебном разбирательстве дела урегулировать, то проблема все же может возникнуть. И прежде всего в случае, когда к сведущим лицам будет обращаться сторона, наделенная таким правом (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), но не обладающая, подобно следователю или суду, властными полномочиями по применению мер принуждения. В таких случаях сторона может только просить сведущее лицо об оказании ей соответствующей помощи. Чтобы уравнивать участников производства по делу в правах и придать директивный характер вызову специалиста стороной, важно обеспечить его выполнение. Поэтому целесообразно, на наш взгляд, предоставить сторонам право заявлять полномочному государственному органу соответствующее ходатайство, одновременно обязав этот орган данное ходатайство удовлетворить. Это правило следует закрепить в уголовно-процессуальном законе, сформулировав, например, в виде дополнения к ч. 1 ст. 58, где дана общая характеристика специалиста как участника уголовного судопроизводства и определено его правовое положение. Соответственно, закон уполномочивает специалиста:

1) содействовать следователю и суду в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов при производстве ими процессуальных действий. Эта функция реализуется при проведении отдельных следственных и судебных действий с участием специалиста и может осуществляться в разных формах: использования технико-криминалистических средств при собирании и закреплении доказательств, дачи консультаций по специальным вопросам, оказания помощи при восстановлении материальной обстановки (например, на этапе подготовки следственного эксперимента), подбора объектов, подлежащих предъявлению для

опознания, налаживания психологического контакта при допросе несовершеннолетних и др.;

2) применять технические средства при исследовании материалов уголовного дела. Закон не конкретизирует это направление деятельности специалиста, оставляя за инициаторами его привлечения право определять формы, задачи, способы закрепления результатов такого исследования. Единственным ориентиром для принятия соответствующего решения остается предусмотренное уголовно-процессуальным законом право участника судопроизводства, привлекающего специалиста, знакомиться с материалами уголовного дела. Эта проблема, по нашему мнению, еще ждет своего разрешения;

3) оказывать следователю и суду помощь в постановке вопросов эксперту. Очевидно, что эта функция может быть реализована специалистом не раньше чем следователь или суд примут решение о назначении судебной экспертизы. Но для принятия такого решения нужно убедиться, что для ответа на возникающие вопросы требуются специальные знания. И поэтому приглашать специалиста для постановки вопросов эксперту целесообразно раньше, то есть сначала для обоснования необходимости обращения к судебной экспертизе и только затем для формулировки вопросов на ее разрешение;

4) разъяснять сторонам и суду вопросы, входящие в профессиональную компетенцию специалиста. Такие разъяснения специалист дает в устной либо письменной форме. С этой целью и в рамках осуществления этой функции инициаторы привлечения специалиста могут проводить допросы сведущего лица, истребовать от него заключения с ответами на поставленные ему вопросы¹³².

Говоря о полномочиях специалиста, нельзя не заметить неопределенности законодательного решения еще одного важного вопроса, связанного с подтверждением его статуса. Эта неопределенность становится очевидной при сопоставлении текстов двух статей УПК РФ – ст. 168, устанавливающей порядок вызова и участия специалиста в расследовании, и бессодержательной ст. 270, которая, ка-

¹³² Более подробно эти направления деятельности специалиста с описанием существующих проблем и путей их решения будут рассмотрены в параграфе 3.1.

залось бы, должна раскрывать сходный порядок, но для участия специалиста в судебном разбирательстве. По результатам сравнения возникает еще один важный вопрос: кто из состава участников судебного разбирательства дела должен проверять компетентность вызванного в суд специалиста, его независимость и незаинтересованность в деле, иные качества приглашаемого сведущего лица? То есть кто из субъектов процессуального познания, наделенных правом обращаться к специалисту, должен убедиться сам и убедить других участников процесса в пригодности конкретного сведущего лица для выполнения функций специалиста. Этот вопрос тем более обоснован, что ст. 270 УПК РФ предписывает председательствующему в заседании суда лишь разъяснить специалисту его права и ответственность, но не выяснять его компетентность и т. д.

Что же понимать под компетентностью специалиста и эксперта и как ее проверить? По мнению Л.Г. Шапиро, «компетентность эксперта – наличие у эксперта специальных знаний, полученных в рамках высшего профессионального образования, последующей подготовки по конкретным экспертным специальностям, а также реального опыта решения сложных экспертных задач, необходимых для использования в процессе производства соответствующего исследования»¹³³.

По справедливому выводу В.А. Мещерякова, О.Ю. Цурлуй, Ю.С. Кудрявцева, возможность проверить компетентность эксперта у суда практически отсутствует, поэтому ими было предложено создать рейтинг судебных экспертов и разработать критерии оценивания компетентности эксперта и специалиста, чтобы облегчить суду процесс их выбора¹³⁴.

Иное предложение высказали Ф.Г. Аминев и Р.Р. Абдуллин. В целях правового закрепления компетентностного подхода они рекомендовали дополнить ква-

¹³³ Шапиро Л.Г. О совершенствовании правовой регламентации института судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы 3-й Международной научно-практической конференции. – М. : Проспект, 2011. – С. 60.

¹³⁴ Мещеряков В.А., Цурлуй О.Ю., Кудрявцев Ю.С. К вопросу об оценке компетенции судебного эксперта // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 марта 2021 г.). – М., 2021. – С. 420–422.

лификационные испытания определением компетентности судебных экспертов¹³⁵, универсальным для всех сведущих лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве.

На предварительном следствии проверка качеств специалиста, привлекаемого к участию в следственных и иных процессуальных действиях, в отличие от судебного заседания, возложена на следователя. В ч. 2 ст. 168 УПК написано: «Перед началом следственного действия, в котором участвует специалист, следователь удостоверяется в его компетентности, выясняет его отношение к подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, разъясняет специалисту его права и ответственность, предусмотренные статьей 58 настоящего Кодекса». На наш взгляд, для устранения сомнений законодателю было бы целесообразно заимствовать это правило применительно и к судебному разбирательству дела, не оставляя явных и легко устранимых пробелов в регулировании института специалиста в суде. Этот комплекс мер, предусмотренных в ст. 168 УПК РФ, будь он установлен законом и для суда, вполне мог бы стать тем самым порядком участия специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам, который призван подтвердить и его компетентность, и независимость, и незаинтересованность в деле. В процедуре выяснения наличия этих качеств у специалиста заложена еще и гарантия эффективности использования его специальных знаний и навыков для решения вопросов, требующих обращения к сведущим лицам.

Отсутствие в законе перечня похожих мер, предпринимаемых судом в отношении специалиста и образующих порядок его привлечения к участию в судебном разбирательстве, вполне может привести к тому, что допущенные в судебный процесс специалисты окажутся неспособными решать возложенные на них задачи из-за отсутствия необходимых качеств.

Изучив судебную практику, С.В. Верхотурова и С.И. Соболевская пришли к выводу, что «неподтверждение следователем (дознавателем) компетентности спе-

¹³⁵ Аминев Ф.Г., Абдуллин Р.Р. Проблемы организационно-правового и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных организаций и пути их решения : монография. – М. : Проспект, 2025. – С. 78.

специалиста соответствующими документами при производстве расследования – распространенное типичное нарушение, наряду с другими существенными нарушениями уголовно-процессуального закона оно влечет признание заключения и показаний специалиста недопустимыми доказательствами по уголовному делу, а также отмену (изменение) судебных решений судов первой инстанции»¹³⁶. На важность выяснения степени компетентности специалистов, привлекаемых к расследованию, обращают внимание и другие ученые¹³⁷.

Еще один вопрос о деятельности специалиста, касающийся его полномочий в судебном разбирательстве по уголовным делам, – это вопрос о праве сведущих лиц, выполнявших свои функции на предварительном следствии или в суде в одном статусе, в дальнейшем выступать по тому же уголовному делу в другом статусе. То есть о возможности одному и тому же сведущему лицу выполнять функции и специалиста, и эксперта с правом менять свой статус по желанию участника уголовного судопроизводства, наделенного полномочиями привлекать таких лиц к решению возникающих специальных вопросов.

В параграфе 1.4 первой главы мы уже отмечали, что по УПК РСФСР в редакции 1966 г. проблема состояла в том, что участие в деле в качестве специалиста становилось препятствием лишь для последующего его привлечения в качестве судебного эксперта. Этот вывод следует из п. 1 ч. 2 ст. 70 УПК РФ, где говорится об отсутствии оснований для отвода эксперта, ранее участвовавшего в деле в качестве специалиста, но не наоборот. Соответственно, возникал и вопрос о процессуальном значении результатов работы таких сведущих лиц, в том числе о признании за этими результатами доказательственного значения. Получалось, что, преодолев, благодаря формулировке ст. 70 УПК РФ («Отвод эксперта»), одно

¹³⁶ Верховтурова С.В., Соболевская С.И. О роли специалиста в уголовном процессе // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 1 (55). – С. 71–81.

¹³⁷ Иванова Е.В., Дьяконова О.Г. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 242, 242.1, 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (76). – С. 44–45 ; Мацун Е.А. Процессуальное положение специалиста в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2013. – С. 14 ; Новиков А.А. Институт специалиста в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2007. – С. 8 и др.

препятствие, законодатель фактически спровоцировал другое, а именно постановку вопроса о том, может ли сведущее лицо, ранее проводившее судебную экспертизу, участвовать по тому же делу в роли специалиста со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но и этим вопросом проблема совмещения не ограничилась. Одному и тому же сведущему лицу приходилось совмещать не только разные статусы (специалиста и эксперта), но и разные функции, находясь в одном статусе (специалисту, например, давать заключения и помогать в собирании доказательств). Наконец, совмещение одним и тем же лицом и функций, и статусов могло иметь место на разных стадиях уголовного судопроизводства, начиная с возбуждения уголовного дела и его расследования до участия сведущих лиц на всех этапах судебного разбирательства, включая пересмотр решений, вступивших в законную силу. Вариантов совмещения сведущих лиц, как видим, больше, нежели тех, которые УПК РФ прямо допустил, описывая основания для отвода специалиста и эксперта (ст. 70, 71). В результате своими нормативными ограничениями возможностей сочетания одним и тем же сведущим лицом разных статусов законодатель спровоцировал вопрос о правомерности использования тех вариантов совмещения специалиста и эксперта в уголовном судопроизводстве, которые в законе не упоминались. Исправить этот недостаток можно, на наш взгляд, только установив в законе общие правила совмещения специалистов и экспертов, введение которых позволит решить еще одну проблему, связанную с совмещением специалистов и экспертов.

Надо сказать, что эта проблема, в отличие от описанной выше, возникла не из-за недостатков правовой регламентации совмещения специалиста и эксперта, то есть явилась проблемой не юридической, а скорее технической (в широком смысле). Ее возникновение вызвано несовместимостью некоторых профессиональных знаний или навыков, реализуемых сведущими лицами, выполняющими разные функции.

В таких случаях сочетание сведущих лиц, одинаково осведомленных в специальных вопросах, но отличающихся своим статусом, могло существенно вос-

препятствовать привлечению одного и того же лица к производству по делу, то есть сначала в статусе специалиста, а затем эксперта, или наоборот. Прежде всего потому, что подобное совмещение, в силу возникающих сомнений в достоверности получаемых результатов, реально могло привести к утрате доказательственного значения материалов, полученных сведущим лицом, выполняющим одновременно обе эти функции. Недостоверность «показаний биодетектора», например, то есть оценки поведения служебно-розыскной собаки, участвующей в распознавании запаховых следов, могла стать следствием непреднамеренного привнесения специалистом, изымавшим эти следы с места преступления, своего собственного запаха, на который животное могло среагировать в процессе экспертизы запаховых следов, проводимой тем же сведущим лицом. И поэтому такое совмещение специалиста и эксперта по криминалистическим, а не юридическим основаниям считается недопустимым. Такие проблемы, как мы полагаем, и решаться должны не столько законодательными средствами, сколько криминалистическими.

Тем не менее, учитывая возможность наступления негативных последствий от совмещения специалистов и экспертов в одном лице, вызванных технической несовместимостью используемых этими сведущими лицами средств и методов, мы полагаем, что их предотвращение, в том числе и путем совершенствования правового регулирования института специалиста в уголовном судопроизводстве, все же возможно. В частности, как мы уже отмечали, целесообразно было бы дополнить УПК РФ нормой, устанавливающей общие для всех сведущих лиц правила. Такими правилами можно было бы не только регулировать их участие на любой стадии уголовного процесса, но и устанавливать общие ограничения для совмещения функций сведущих лиц, выступающих в роли специалиста или эксперта. Этими правилами мы предлагаем либо дополнить ст. 58 УПК РФ, либо принять отдельную статью 58-1, изложив ее в следующей редакции: «Привлечение сведущих лиц к производству по уголовным делам осуществляется как в индивидуальном порядке, так и в форме совмещения специалистов и экспертов в одном лице, независимо от того, кто из них и в каком статусе ранее принимал участие в дан-

ном деле, за исключением случаев, предусмотренных в части 2 настоящей статьи. Совмещение сведущих лиц, использующих свои специальные знания и навыки в разных правовых формах, допускается при условии, если таким их совмещением не создается угрозы утраты или изменения собранных с применением специальных знаний и навыков доказательств и оно не порождает сомнений в доказательственном значении источников информации, полученных с их помощью».

Предлагая закрепить в уголовно-процессуальном законе перечисленные правила, мы не считаем, что тем самым решаем проблемы совмещения специалиста и эксперта. Более того, мы уверены, что для их решения необходимы не только меры по совершенствованию уголовно-процессуального закона, но и выработка оптимальных форм взаимодействия суда и сторон со сведущими лицами с целью обеспечения максимально полезного и эффективного использования совмещения их функций для достижения целей правосудия. Без обращения к достижениям криминалистики, судебной экспертологии, естественно-техническим и иным отраслям знания сделать это будет вряд ли возможно. Прежде всего потому, что никакой закон не способен решить всех проблем, обусловленных техническими причинами, затрудняющими совмещение отдельных профессиональных знаний или навыков, не рискуя сделать исследуемые с их помощью объекты непригодными для дальнейшего использования. Речь идет о тех знаниях и умениях, которые в случае совмещения в одном лице, наделенном статусом и специалиста, и эксперта, участвующего в производстве по одному уголовному делу, неизбежно приведут к негативным для расследования или судебного его рассмотрения дела последствиям. В том числе к утрате доказательственного значения материалов, с которыми пришлось бы работать конкретному сведущему лицу, уже имевшему по данному делу статус специалиста, а затем ставшего экспертом, и наоборот.

Очевидно, однако, и то, что перечисленных в УПК РФ функций, которыми сегодня определяется правовой статус специалиста (ст. 58), явно недостаточно,

требуется его расширить.¹³⁸ Во-первых, следует изменить и дополнить ч. 1 данной статьи, включив в предложенный в ней перечень, помимо участия в процессуальных действиях, еще и привлечение специалиста для дачи заключения, а также предусмотреть возможность более широкого использования знаний и навыков специалиста при исследовании материалов уголовного дела. Соответственно, ч. 1 ст. 58 УПК РФ мы предлагаем изложить в следующей редакции: «1. Специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое:

- к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов;
- для применения своих специальных знаний и навыков в исследовании материалов уголовного дела;
- для постановки вопросов эксперту;
- для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию;
- для дачи заключения по вопросам, поставленным перед ним сторонами и судом».

Кроме того, целесообразно установить общий круг полномочий для всех специалистов, допустив их к участию в любом следственном или судебном действии и исключив из УПК выборочное упоминание о нем в ограниченном круге норм, как это имеет место сегодня. В частности, в ст. 178, 179, 181, 287, 288, 290 и др.

Что касается полномочий отдельных представителей сведущих лиц, решающих специально оговоренные в УПК РФ задачи (прослушивание переговоров, допрос несовершеннолетних или лиц, страдающих психическими расстройствами, лиц, не владеющих языком судопроизводства, и т. д.), то они должны, на наш

¹³⁸ См.: 3. Абдрахманова Л.Н. Правовое обеспечение осуществления специалистом своих функций в уголовном судопроизводстве / Л.Н. Абдрахманова. // Юрист-Правоведь. – 2025. – № 2(113). – С. 84–89.

взгляд, регламентироваться в УПК особо, с учетом специфики познаваемого объекта, как это и принято (ст. 169, 186, 186-1, 191 и др.).

В общей норме о статусе и функциях специалиста, помимо уже установленных ст. 58 УПК РФ его прав и обязанностей, необходимо также определить обязательные его качества, включая компетентность, независимость, незаинтересованность в деле и др., например, качества «добросовестных свидетелей», подобно тому как это было сделано в отношении сведущих людей, привлекаемых согласно УУС (ст. 327).

Важность правового урегулирования процедуры привлечения сведущих лиц к производству по уголовному делу, от чего во многом зависело приобретение ими статуса специалиста, и законодатель, и органы правосудия понимали и раньше. Ясно было и то, что эта процедура должна включать в себя, помимо обоснования необходимости обращения к сведущим лицам, еще и комплекс мер, гарантирующих получение достоверных результатов использования специальных знаний при работе с источниками доказательственной информации. Особое внимание при этом уделялось подбору конкретных исполнителей, проверке их компетентности, подтверждению готовности дать обоснованный ответ на возникающие вопросы специального характера и т. д. Но главным при выработке процедуры привлечения сведущих лиц к участию в раскрытии, расследовании и судебном разрешении уголовных дел оставалось стремление обеспечить достоверность получаемых от них сведений. Средства для этого в истории правосудия использовались самые разнообразные. Все они могут быть объединены в две большие группы. Первая – карательные меры, среди которых главной в отечественном уголовном судопроизводстве и сегодня остается наказание за заведомо недостоверные сведения, сообщаемые сведущими лицами (ч. 5 ст. 57 УПК РФ, ст. 307 УК РФ). Отчасти такими мерами, известными по прежнему УПК, можно назвать денежные взыскания за отказ от выполнения своих обязанностей, например, специалистом (ч. 5 ст. 133-1 УПК РСФСР в редакции 1966 г.). Вторая группа мер, сформировавшихся в истории отечественного уголовного судопроизводства и призванных

обеспечить достоверность сведений, сообщаемых специалистами и экспертами, – превентивные меры, меры морально-этического или материального поощрения.

Остановимся для характеристики карательных мер на уголовной ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения. Из названия ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод», казалось бы, должно следовать, что за сообщение специалистом заведомо недостоверных сведений, причем не только при даче показаний во время допроса, но и при представлении им заключения, может наступить уголовная ответственность. Однако на самом деле – и в этом нетрудно убедиться – содержание ч. 1 ст. 307 УК РФ ее названию соответствует.

О том, что УК РФ только провозглашает наказуемость специалиста за дачу ложного заключения, но реально такой ответственности не устанавливает, можно понять из формулировки ч. 1 ст. 307, которая в последней редакции звучит весьма двусмысленно: «Заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показания эксперта, показания специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства – наказываются...».

Как видим, законодатель не отметил заключение специалиста. Видимо, за заведомо ложное заключение его предлагалось судить только по названию ст. 307 УК РФ, которое, как учит теория права, не может заменить описания самого уголовно наказуемого деяния. Гипотеза и диспозиция любой правовой нормы являются обязательными составляющими ее структуры, но их нет ни в названии, ни в предложенном ст. 307 УК РФ описании данного преступления. И поэтому, исходя из буквального толкования текста ч. 1 ст. 307 УК РФ, можно заключить лишь, что дача заведомо ложного заключения специалистом не входит в перечень деяний, за которые данное сведущее лицо может быть привлечено к уголовной ответственности.

Вторая группа мер, как мы уже отметили, призванных обеспечить достоверность сведений, сообщаемых специалистами и экспертами, – меры поощрения, включая меры морально-этического характера и предупредительные меры.

Например, установленное законом право сведущих лиц на вознаграждение за выполненную работу (ст. 69 УПК РСФСР 1922 г.) или объявление специалисту о возможности применения к нему мер общественного воздействия за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей (ч. 5 ст. 133-1 УПК РСФСР).

Самой заметной в прошлом обеспечительной мерой получения от сведущих лиц достоверных сведений, сформировавшейся в российском уголовном судопроизводстве несколько веков назад, была и до принятия первого УПК РСФСР оставалась очистительная присяга, с ее нравственно-психологическим обоснованием.

История очистительной присяги сведущих лиц, представляющих свои свидетельства в уголовном судопроизводстве, берет начало с петровских Воинских уставов, а в мировой истории – с римского права¹³⁹. Например, согласно Артикулу 154 Краткого изображения процессов и судебных тяжб лекари, подавая в суд свое «свидетельство» по результатам вскрытия тел умерших, присягой подтверждали подлинность установленной ими причины смерти¹⁴⁰.

Позднее порядок подтверждения «подлинности» выводов эксперта путем принесения присяги законодатель распространил на всех сведущих лиц, дающих заключения по специальным вопросам. С 1864 г. присяга стала для них обязательной процедурой независимо от специализации (ст. 694, 713–717 Устава уголовного судопроизводства).

С принятием первых УПК РСФСР практика приведения к присяге экспертов, дающих заключения, была упразднена. Вместо нее введена уголовная ответственность экспертов за дачу ложных заключений или за отказ их представить следователю (ст. 68, 64, 66, 173 УПК РСФСР 1922 г.).

Первым уже в современной истории с предложением возродить подобную практику выступил Р.С. Белкин. Задавшись вопросом о том, какие моральные нормы целесообразно превратить в статьи закона о судебной экспертизе, выдающийся ученый-криминалист ответил на него так: «Во-первых, ответственное от-

¹³⁹ Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. – М.: ЛексЭст, 2001. – С. 102–103.

¹⁴⁰ Маньков А.Г. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – С. 355.

ношение к своему служебному долгу и к своим профессиональным обязанностям. Эти принципы должны найти свое отражение в норме закона, содержащего текст присяги эксперта...»¹⁴¹.

Идею Р.С. Белкина поддержал профессор А.А. Эксархопуло: «Профессиональных экспертов достаточно приводить к присяге при вступлении в должность и не вынуждать всякий раз при проведении экспертизы расписываться в своей благонадежности»¹⁴². Имеется в виду подпись эксперта под его предупреждением об уголовной ответственности за отказ от дачи и за дачу ложных заключений.

Присоединяясь к этому мнению ученых, мы предлагаем вернуться к сложившейся еще в начале XVIII в. традиции, согласно которой к сведущим лицам наряду с репрессивными мерами широко применялись вполне себя оправдавшие меры морально-этического воздействия, в частности принесение присяги. Но, в отличие от предложений упомянутых выше авторов, рассчитанных только на судебных экспертов, мы считаем возможным распространить принятие присяги и на специалистов, призываемых оказывать сторонам и суду содействие в решении возникающих специальных вопросов. Для этого было бы полезно предусмотреть в уголовно-процессуальном законе текст торжественного обещания (присяги) специалиста. Мы считаем возможным сохранить также и карательные меры, прежде всего как дополнительные средства решения проблемы достоверности сообщаемых специалистами сведений и их добросовестности при оказании содействия сторонам и суду во время проведения ими процессуальных действий.

Таким образом, общим правовым основанием участия специалиста в деле станет прохождение им процедуры приобретения соответствующего правового статуса, который начнется с официального документа – вызова специалиста для участия в расследовании или судебном разбирательстве по уголовному делу, предупреждения его об ответственности за неявку без уважительных причин, и завершится принесением присяги, а для дающих показания или заключение еще и

¹⁴¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. – М. : Юристъ, 1997. – Т. 3. – С. 127–128.

¹⁴² Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела... – С. 29.

предупреждением об уголовной ответственности за сообщение заведомо ложных сведений.

Говоря об историческом опыте законодательного закрепления обряда присяги сведущих лиц в уголовном судопроизводстве, следует обратить внимание на то, что правила приведения к присяге врачей, производивших вскрытие трупов, получили интересное и вполне поучительное развитие. Так, «Наставлением», принятым в 1828 г. на основании Артикула 154 Воинских уставов, было предписано, что «медицинские чиновники, состоящие на службе, освобождаются от присяги при освидетельствовании мертвых тел. Врачи же, которые не состоят на службе, должны подтверждать свидетельства свои присягой...»¹⁴³.

Для совершенствования института сведущих лиц в российском уголовном судопроизводстве это положение, выработанное два века назад, было бы уместно и сегодня заимствовать отечественному законодателю, о чем нам напомнил Р.С. Белкин. Настаивая на отказе от «существующего порядка предупреждения эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за отказ от дачи заключения», автор предложил сохранить его «лишь при привлечении для производства экспертиз специалистов, не являющихся сотрудниками специализированных экспертных учреждений»¹⁴⁴. В этой идее известного ученого нетрудно увидеть вполне адекватное восприятие опыта российского законотворчества двухсотлетней давности.

После 2003 г., то есть после дополнения источников доказательств заключением и показаниями специалиста, было бы вполне логично те же правила о приведении к присяге распространить и на него. Это важно не только как гарантия достоверности представляемых специалистом заключений, но и результатов выполнения им иных функций, предусмотренных ст. 58 УПК РФ. Причем не только на предварительном следствии, но и в суде. Поэтому нам представляется целесообразным дополнить внесенное Р.С. Белкиным предложение о возвраще-

¹⁴³ Линовский В.А. Указ. соч. – С. 74.

¹⁴⁴ Белкин Р.С. Указ. соч. – С. 112.

нии в уголовный процесс России присяги эксперта еще и приведением к присяге специалиста.

Карательными и морально-этическими мерами, в той или иной степени гарантирующими достоверность сообщаемых специалистами сведений, не исчерпываются все возможные меры, стимулирующие добросовестное отношение сведущих лиц, привлекаемых в уголовное судопроизводство, к выполнению своих обязанностей. Такое воздействие должны оказывать и меры, предотвращающие любые иные нарушения со стороны сведущих лиц. В том числе и ответственность специалиста за нарушение процедурных правил, о чем уже говорилось выше. В частности, за необоснованный отказ от явки по вызовам сторон или суда, который не только нарушает установленный законом порядок привлечения специалистов к участию в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, но и лишает субъекты процессуального познания возможности пользоваться новейшими достижениями науки и техники для достижения целей уголовного судопроизводства.

ГЛАВА 3. ПРОЦЕССУАЛЬНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

3.1. Правовые формы использования знаний специалиста в суде и проблемы их реализации участниками судебного разбирательства

Правовым формам использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве посвящено немало исследований известных ученых: А.И. Винберга, А.М. Гольдмана, В.И. Гончаренко, Р.И. Зайнуллина, Е.А. Зайцевой, Е.И. Зуева, П.П. Ищенко, Л.В. Лазаревой, И.А. Макаренко, Э.Б. Мельниковой, Ю.К. Орлова, Н.А. Селиванова, И.Н. Сорокотягина, А.Ф. Халиуллиной, Л.Г. Шапиро, А.А. Эксархопуло и др.¹⁴⁵ Не останавливаясь на понятии правовых форм использования специальных знаний в уголовном процессе вообще, поскольку этот вопрос подробно изложен в общетеоретических исследованиях¹⁴⁶, мы тем не менее считаем важным выделить базовые, характерные для применения в суде знания и навыки сведущих лиц, наделенных статусом специалистов. Необходимость обособления таких правовых форм обусловлена, с одной стороны, целями исследования, с другой – его тематикой, требующими их отграничения от всего разнообразия право-

¹⁴⁵ Винберг А.И. Специалист в процессе предварительного расследования // Социалистическая законность. – 1961. – № 9 ; Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008 ; Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в Российском уголовном судопроизводстве. – Владимир, 2011 ; Селиванов Н.А. Основания и формы применения научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений // Вопросы криминалистики. Вып. 12. – М., 1964 ; Сорокотягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1992 ; Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка – М., 1995 ; Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2008 ; Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 49–62 ; Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И., Халиуллина А.Ф. Проблемы криминалистики: от теории к практике : монография. – Уфа, 2024. – С. 229–245 и др.

¹⁴⁶ Эксархопуло А.А. Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И., Халиуллина А.Ф. Указ. соч. – С. 229–231.

вых форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Для этого мы предлагаем следующее определение, которое, на наш взгляд, позволит раскрыть суть правовых форм использования знаний и навыков специалистов, привлекаемых к участию в судебном рассмотрении по уголовным делам: правовые формы использования знаний и навыков специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам представляют собой легализованные законом направления деятельности сведущего лица, имеющего правовой статус специалиста, в процессе осуществления которых специалист реализует свои специальные знания и навыки, участвуя в процессуальных действиях и решая задачи, поставленные перед ним сторонами или судом.

Круг процессуальных действий, при проведении которых специалист может участвовать для оказания содействия сторонам и суду в установлении или проверке установленных обстоятельств преступления, а также круг задач, решаемых специалистами, определены законом (ст. 58 УПК РФ). Этот комплекс в совокупности и дает представление о специфике правовых форм использования знаний специалиста и его практических навыков в процессе судебного разбирательства по делу. По мере совершенствования уголовно-процессуального законодательства и внесения в него изменений и дополнений менялись и урегулированные законом функции специалиста, образующие указанный выше комплекс правовых форм решения специальных вопросов, которые сами субъекты процессуального доказывания не в состоянии решать в силу ограниченности собственных знаний или практических навыков. О динамике развития таких правовых форм на стадии судебного разбирательства по уголовным делам можно судить по особенностям их правового регулирования за период, начиная с первого упоминания о специалистах как носителях специальных знаний и навыков, привлекаемых в уголовный процесс, и до настоящего времени.

Так, в УПК РСФСР 1960 г. специалист вообще не упоминался в качестве участника судебных заседаний, а после внесения в него дополнений и изменений в 1966 г. круг процессуальных действий, в рамках проведения которых допускалось участие специалиста, если не считать участие педагога в допросе несовер-

шеннолетнего свидетеля (ст. 285), оказался ограничен только двумя из всех проводимых судом: специалист был назван среди участников осмотра вещественных доказательств (ст. 291) и осмотра помещений и местности (ст. 293). Ни в каких иных судебных действиях он не имел права участвовать. Этот вывод вытекает из вполне конкретного, сформулированного в законе требования, установившего, что следователь и суд вправе вызвать специалиста лишь «в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» (ст. 131-1 и 253-1). А таких случаев, как мы отметили, было два.

С принятием УПК РФ возможности привлечения специалиста к судебному разбирательству по уголовным делам были заметно расширены. Так, к судебным действиям, при производстве которых и раньше допускался специалист, законодатель добавил следственный эксперимент (ст. 288) и освидетельствование (ст. 290). При этом по непонятным причинам из перечня «случаев, предусмотренных законом» оказался исключен осмотр вещественных доказательств (ст. 284). Специалист не был указан среди участников и других судебных действий, в частности допросов, кроме участия педагога, привлекаемого к допросу несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (ст. 280), и опознаний.

Однако даже при отсутствии прямого дозволения обращаться к специалисту для оказания содействия в производстве таких судебных действий правомерность их привлечения к тому же осмотру вещественных доказательств или предъявлению для опознания все же можно было обосновать. В частности, тем, что прежнюю формулировку, ограничивавшую участие специалистов «предусмотренными законом случаями» (ст. 253-1 УПК РСФСР), законодатель удалил из текста соответствующей статьи УПК РФ. Тем не менее неопределенность законодательного решения проблемы привлечения специалиста к судебному разбирательству по уголовным делам оставалась. Ибо при наличии прямого разрешения привлекать специалиста к производству одних следственных действий отсутствие такого же права обращаться за содействием к специалисту при производстве других порождало вполне обоснованные сомнения в правомерности использования знаний и

навыков сведущих лиц в правовых формах, которые не были непосредственно предусмотрены законом.

Вопросы также могли возникать по поводу правомерности использования в судебных разбирательствах и некоторых других форм использования знаний и навыков специалиста. О некоторых таких проблемных формах и возможных путях их легализации мы уже писали в предыдущих главах. Однако остается нерешенной, например, проблема расширения практики исследования материалов уголовных дел с привлечением специальных знаний, в том числе за счет использования специалистом любых познавательных методов и средств, а не только технических, названных в ст. 58 УПК РФ. Легализация этой практики возможна, по нашему убеждению, посредством дополнения УПК новым самостоятельным процессуальным (и следственным, и судебным) действием, проводимым в рамках предусмотренного УПК РФ ознакомления сторон и суда с протоколами, постановлениями и иными материалами уголовного дела. Причем как исследования отдельных документов, так и всего их комплекса, допускаемого по окончании расследования и судебного рассмотрения дела. Далее об этой проблеме и возможных путях ее решения будет сказано особо.

Проблемной из-за пороков законодательства остается сегодня и допустимость привлечения специалиста самим судом для дачи заключения. Сомнения возникают в связи с тем, что УПК не предусматривает право суда ставить перед специалистом вопросы, на которые ему надлежит ответить в заключении, так как такое право законом предоставлено только сторонам (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), о чем мы уже говорили. А поскольку право ставить специалисту вопросы для получения его письменных суждений по ним уголовно-процессуальный закон предоставил лишь сторонам, постольку и обращение суда к специалисту за заключением, без постановки вопросов, становится само по себе бессмысленным. Тем не менее мы полагаем, что это упущение не является осознанным ограничением полномочий суда по использованию знаний и навыков специалиста в одной из наиболее эффективных его правовых форм, а стало следствием недоработки законодателя, ибо безосновательность введенного в УПК РФ ограничения суда в праве обращаться

за заключением к специалисту вполне очевидна. Поэтому необходимо дополнить ч. 3 ст. 80 УПК РФ еще одним субъектом постановки вопросов на разрешение специалиста, дающего свое по ним заключение, сформулировав ее так: «3. Заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами или судом».

Несмотря на разнообразие сформировавшихся в отечественном судопроизводстве правовых форм использования знаний и навыков сведущих лиц, обусловленное высокой динамичностью вносимых в УПК изменений и дополнений, среди этих форм можно выделить две, отличающиеся относительной стабильностью. Имея многовековую историю, обе эти правовые формы использования специальных знаний до сегодняшнего дня остаются базовыми, так или иначе, связанными с доказыванием обстоятельств познаваемого преступления: 1) оказание содействия в собирании доказательств – в их обнаружении, закреплении и изъятии; 2) проведение исследований источников информации, обнаруженных в ходе производства по уголовному делу, с целью получения новых доказательств. Этими правовыми формами использования специальных знаний, востребованными в уголовном процессе, определялся, как уже было сказано в параграфе 2.3, и правовой статус сведущих лиц, привлекаемых для решения возникающих вопросов. Соответственно, можно было отграничить технических (в широком смысле) помощников следователя и суда, оказывающих содействие при производстве процессуальных действий, от процессуально самостоятельных носителей специальных знаний, привлекаемых для получения новой информации посредством проведения исследований ее источников. Первые начиная с 1960 г. стали называть специалистами, вторые сохранили прежнее наименование и статус экспертов, дающих заключения. Каждый из этих сведущих участников уголовного судопроизводства был ограничен в своей специальной деятельности кругом более узких правовых форм реализации возложенных на них функций, определяемых законом.

Критерии для их разграничения предлагались в литературе самые разнообразные¹⁴⁷. Для эксперта эти правовые формы различались в основном двумя критериями: с одной стороны, разнообразием видов судебных экспертиз, проводимых сведущими лицами, с другой стороны, спецификой стадий уголовного процесса, на которых применяется та или иная процессуальная форма использования специальных знаний. Например, раньше не допускалось производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела.

Надо заметить, что экспертные формы использования специальных знаний, различаемые по предметному признаку проводимых судебных экспертиз, далеко не исчерпывались теми их видами, которые непосредственно упоминались в уголовно-процессуальном законе и иных нормативных актах. В частности, медицинские для установления причин смерти (ст. 196 УПК РФ), возраста несовершеннолетних и его психического развития (ст. 421 УПК РФ), криминалистические разных видов, биологические, пожарно-технические, названные в ведомственных нормативных актах, и др.¹⁴⁸

Иными по действующему уголовно-процессуальному законодательству выступают правовые формы использования специальных знаний и навыков специалистов, определяемые перечисленными в ст. 58 УПК РФ функциями, возложенными на них законом. Сегодня, напомним, эти функции специалистов включают в себя:

1) содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов;

¹⁴⁷ Денисов А.Э. Специалист как участник уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010 ; Савицкая И.Г. Формы участия специалиста в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2012 ; Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008 ; Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013 и др.

¹⁴⁸ Положение о производстве экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел : приказ МВД РФ от 26.07.1995 № 284 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- 2) применение технических средств в исследовании материалов уголовного дела;
- 3) помощь в постановке вопросов эксперту;
- 4) разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста.

Выполняя перечисленные функции, специалист реализует свои знания и навыки в соответствующих этим функциям базовых процессуально-правовых формах участия в процессуальных действиях. Их особенности можно охарактеризовать следующим образом.

Первая правовая форма использования знаний и навыков специалиста при производстве процессуальных действий заключается в оказании содействия следователю и суду в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, которые могут быть использованы в доказывании по уголовному делу. Эта форма использования специалистом своих знаний была известна российскому уголовному судопроизводству давно, получила нормативное закрепление еще в Своде законов Российской империи и в Уставе уголовного судопроизводства, о чем подробно говорилось в первой главе. После обособления в 1966 г. специалиста в качестве самостоятельной процессуальной фигуры сведущего лица, участвующего в производстве по уголовным делам, оказание помощи следствию и суду стало и единственной для нового носителя специальных знаний правовой формой реализации им своих знаний и навыков. Дискуссии велись лишь о том, к какой категории правильнее относить тех сведущих лиц, которые привлекались к проверке поступивших сообщений о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела, к выполнению иных, отличных от собирания доказательств, функций на стадии их расследования и судебного рассмотрения. В частности, ученые спорили о правовом статусе переводчиков, ревизоров, педагогов, детских психологов и других носителей специальных знаний или обладающих специальной опытностью, о том,

следует ли считать их специалистами в смысле ст. 133-1 УПК РСФСР или они обладают самостоятельным статусом¹⁴⁹.

Однако за рамками правового регулирования долгое время оставались формы деятельности, которые вполне могли бы пополнить разнообразие правовых форм использования знаний и навыков специалистов, хотя и получивших распространение в практике, но не легализованных уголовно-процессуальным законом РСФСР. В частности, таких как:

- а) устное и письменное консультирование сторон и суда;
- б) дача специалистами заключений с ответами на поставленные им специальные вопросы;
- в) привлечение к следственным действиям, при производстве которых закон такого их участия не предусматривал;
- г) помощь в установлении или подтверждении достоверности доказательств, которая невозможна без оценки научной обоснованности средств и методов, использованных для их собирания;
- д) самостоятельное собирание специалистом доказательств в порядке «инициативы сведущего лица» путем производства процессуальных действий и некоторые другие направления использования знаний специалистов.

Несмотря на отсутствие прямых правовых оснований для осуществления большинства из перечисленных форм деятельности специалиста, практике известны многочисленные случаи привлечения сведущих лиц для использования их специальных знаний и навыков по указанным направлениям. Однако сомнительная легитимность таких форм участия специалиста в судопроизводстве лишала полученные сведущим лицом результаты доказательственного значения. Между тем часть из них с принятием УПК РФ все же были легализованы, став самостоя-

¹⁴⁹ Об этом много писалось в научной литературе, и дискутировалось на научных конференциях и симпозиумах: Каневский Л.Л. Дискуссионные проблемы участия педагога и психолога в судопроизводстве по делам несовершеннолетних // Судебно-правовая реформа и пути повышения эффективности правоохранительной деятельности. – Уфа, 1993 ; Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006. – С. 245–260 ; Тетюев С.В. Участие педагога, педагогического работника и психолога в судебной деятельности: вопросы унификации процессуального законодательства // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 142–155 и др.

тельными правовыми формами использования специалистом своих специальных знаний и навыков. Среди них устное и письменное консультирование сторон и суда, в том числе путем дачи заключений по поставленным перед ним вопросам. Отчасти легитимной была признана и оценочная деятельность специалиста, например, оценка научной обоснованности экспертных заключений, правомерность проведения которой подтвердил Пленум Верховного Суда РФ (п. 19 постановления № 28¹⁵⁰).

Однако многие проблемы, в частности связанные с инициативой сведущих лиц, выраженной в их праве самостоятельно проводить некоторые следственные или судебные действия, оставались нерешенными. Между тем о необходимости расширения подобной инициативы Л.Е. Владимиров писал еще в начале XX в., имея в виду судебно-медицинских экспертов: «При производстве медицинского исследования эксперту необходимо предоставить право делать, кроме осмотра, еще и другие исследования, как, например, допросы подсудимых, свидетелей. Будет ли он это делать непосредственно или чрез следователя, – это не изменяет сущности дела»¹⁵¹.

Спустя почти 100 лет идею Л.Е. Владимирова поддержал выдающийся отечественный ученый-криминалист профессор Р.С. Белкин, который, приведя в качестве примера освидетельствование лиц другого пола, пришел к выводу, что «законом эксперту должно предоставляться право собирать доказательства в некоторых специально оговоренных случаях...»¹⁵².

Надо сказать, что сама по себе идея о допустимости поручать проведение некоторых следственных действий сведущим лицам советским законодателем воспринималась вполне благосклонно. Ее реализация началась в УПК РСФСР, за-

¹⁵⁰ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Справедливости ради надо сказать, что это положение постановления в 2021 г. было отменено. См.: О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵¹ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула : Автограф, 2000. – С. 283.

¹⁵² Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М., 1997. – Т. 3. – С. 116.

крепившем хорошо известное еще УУС освидетельствование лиц другого пола, которое могли производить врачи (ч. 5 ст. 181 УПК РСФСР), и дополненное в конце XX в. производством ревизий и документальных проверок (ст. 69, 70 УПК РСФСР)¹⁵³. Эти нормы закона, допускавшие инициативу сведущих лиц, реализуемую в форме самостоятельного проведения ими указанных двух процессуальных действий, с принятием УПК РФ были дополнены инициативой эксперта. УПК РФ предоставил ему право отбирать сравнительные образцы, которым ранее обладал только следователь. Правда, реализовать это право эксперт мог только в рамках уже назначенной ему экспертизы (ч. 4 ст. 202 УПК РФ).

Все иные действия сведущих лиц, в том числе в статусе специалистов, хотя и проводились ими самостоятельно, законом регламентировались как составные части следственных действий, производимых по закону на стадии предварительного расследования самим следователем. Среди таких действий, основная нагрузка при проведении которых лежала на сведущих лицах, близких по статусу к специалистам, УПК назвал особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) и некоторые другие.

Вопрос же о самостоятельном проведении процессуальных действий специалистом, участвующим в судебных заседаниях, в отличие от предварительного расследования, так и остался открытым. Если не считать освидетельствования лица другого пола, связанного с его обнажением, правила которого, по сути своей, дублировали правила освидетельствования, проводимого на предварительном следствии (ч. 2 ст. 290 УПК РФ).

Что касается необходимости расширения прав специалистов самостоятельно проводить следственные и судебные действия, то о таком развитии инициативы сведущих лиц продолжали говорить лишь отдельные ученые, приводя в качестве иллюстрирующей такую потребность примера осмотр мест происшествия, доступ к которым требовал специальных навыков. Например, осмотр места гибе-

¹⁵³ В ред. Федерального закона от 17.12.1995 № 200-ФЗ.

ли людей в горах или осмотр затонувших объектов¹⁵⁴. Тем не менее представляется, что и в сохранении освидетельствования живых лиц врачом, и в регламентации ревизий и документальных проверок, проводимых специалистом (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), и в получении сведущим лицом сравнительных образцов (ч. 4 ст. 202 УПК РФ) можно обнаружить признаки тенденции к расширению инициативы сведущих лиц, которую, на наш взгляд, следует и дальше развивать в российском уголовном процессе. И в частности, в судебном разбирательстве по уголовным делам, где проблема инициативы сведущего лица может стать не менее привлекательной для решения, нежели легализация инициативы эксперта, о которой говорили Л.Е. Владимиров и Р.С. Белкин. Даже в рамках выполнения задания по подготовке своего заключения, затребованного сторонами судебного разбирательства, специалисту может потребоваться провести и допрос, и отбор образцов, и осмотр, и следственный эксперимент, и иные процессуальные действия, с отражением их результатов в готовящемся специалистом заключении и использованных специалистом для ответов на поставленные перед ним вопросы. Приведём пример.

Красносельский районный суд Санкт-Петербурга, рассмотрев уголовное дело № 1-692 по обвинению гр. Филимонова в совершении грабежа, признал его виновным, руководствуясь прежде всего его признательными показаниями, данными на предварительном следствии. Однако подсудимый в зале суда отказался от своих показаний, заявив, что оперативные сотрудники оказывали на него давление и он вынужден был оговорить себя. Суд допросил следователя и, руководствуясь её показаниями, решил, что отказ подсудимого от признательных показаний обусловлен его стремлением избежать ответственности за совершённое преступление. В результате Филимонов был осуждён на 3 года лишения свободы.

Сторона защиты обжаловала приговор, обратившись в вышестоящую инстанцию и одновременно к специалисту - профессору Эксархопуло А.А. – за заключением о достоверности сведений, положенных в основу приговора. Среди

¹⁵⁴ Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 41–42.

таких сведений были и признательные показания Филимонова с описанием того, как он совершил преступление. В частности, обвиняемый рассказал следователю как 21.09.1995 года он стоял на площадке между 8 и 9 этажами своего дома и смотрел в окно. В окне он увидел как по тротуару вдоль дома идёт пожилая женщина и затем заходит в парадную. Поднявшись на лифте на свой этаж, расположенный ниже, она вышла на лестничную площадку, где он на нее напал, вырвав сумку из её рук, и убежал.

Специалист решил опытным путём проверить, можно ли, стоя у окна лестничной площадки, о которой говорил Филимонов, видеть тот участок пешеходного тротуара, по которому, якобы, шла потерпевшая, и тот момент, когда она заходила в парадную дома. Выехав на место описываемого события, проф. Эксархопуло А.А. убедился, что даже при его росте, который заметно превышал рост осужденного Филимонова, невозможно наблюдать ни за пешеходами, идущими вдоль дома по тротуару, ни тем более за тем, как они входят в парадную. Результаты проведённого «эксперимента» специалист отразил в своём заключении. Суд, рассматривавший дело во второй инстанции, отменил вынесенный Филимонову приговор¹⁵⁵.

Важность проведения таких действий сведущим лицом, присутствующим в зале заседаний и изъявившим готовность их произвести, думается, сомнений не вызывает. И поэтому очевидная потребность в их производстве нуждается в принятии соответствующих законодательных решений, допускающих инициативу специалиста, причем как на стадии предварительного расследования, так и на этапе судебного разбирательства.

Вторая правовая форма – применение специалистом технических средств при исследовании материалов уголовного дела – и терминологически, и по сути своей является новой для законодательной практики регулирования вопросов использования специальных знаний в уголовном процессе. Однако до настоящего времени эта форма деятельности специалиста, предусмотренная ст. 58 УПК РФ,

¹⁵⁵ Эксархопуло А.А. Криминалистическая экспертиза материалов уголовных дел. – М.: ЮРАЙТ, 2021. – С.153-154.

не комментировалось ни судебными инстанциями, ни законодателем. Не нашлось места для нее и в постановлении № 28. И потому сегодня остается только строить предположения о том, какие материалы уголовного дела имел в виду законодатель, устанавливая допустимость их исследования специалистами (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Говорить о неопределенности формулировок УПК имеются основания, тем более что к числу материалов уголовного дела, как известно, относятся все приобщенные к нему в установленном законом порядке и вещественные, и письменные, и документальные, и вербальные (на материальных носителях) источники информации. То есть «все то, из чего состоит уголовное дело»¹⁵⁶.

Надо сказать, что некоторые такого рода формы деятельности сведущих лиц были хорошо известны и раньше, в частности та же судебная экспертиза вещественных доказательств, документов, материалов финансовых проверок и т. д. Что касается использования специальных знаний для исследования всего комплекса материалов уголовных дел, то сегодня это направление только начинает развиваться, претендуя стать самостоятельным видом и, соответственно, отдельной правовой формой исследований, проводимых с использованием криминалистических знаний специалиста¹⁵⁷. Поэтому мы полагаем, что описание данного направления (правовой формы) деятельности специалиста, предложенное законодателем в весьма ограниченных пределах (ст. 58 УПК РФ), следует расширить, признав допустимым привлекать специалистов при исследовании материалов уголовных дел без всяких оговорок или ограничений. И если следователь и суд, имея доступ к материалам уголовного дела в любое время и в любом объеме, смогут обращаться к специалисту по мере необходимости, то сторонам воспользоваться своим правом на такое обращение удастся только в тех случаях, когда закон допускает их ознакомление с материалами уголовного дела. Например, с протоколами следственных действий, в которых стороны принимали участие, с мате-

¹⁵⁶ Бризицкий А., Зажицкий В. Материалы уголовного дела и судебные доказательства // Советская юстиция. – 1977. – № 21, ст. 23.

¹⁵⁷ Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005 ; Он же. Криминалистическая экспертиза материалов уголовных дел. – М. : Юрайт, 2021.

риалами проведенных экспертиз и т. д. В полном объеме они смогут реализовать это право только по окончании предварительного расследования (и судебного разбирательства) или частично в соответствии с правилами, установленными УПК РФ.

Кроме того, непонятно, что законодатель имел в виду, говоря об исследовании материалов уголовного дела, так как термин «исследование» применительно к таким материалам нигде в законе не встречается. Обычно в УПК говорится об «ознакомлении» с материалами уголовных дел, а не об их исследовании (например, ст. 217 УПК РФ).

Вопросы возникают и в отношении технических средств, упомянутых в ст. 58 УПК РФ, которые могут использоваться специалистом для исследования материалов уголовного дела. Учитывая широкий смысл, вкладываемый в понятие «исследование», и большое разнообразие материалов дела, существенно различающихся даже по своим физическим свойствам, не говоря уже об их разном информационном содержании, трудно понять смысл законодательного ограничения возможностей специалистов только техническими средствами. Невольно возникает вопрос: почему для решения той же задачи нельзя воспользоваться иными по своей природе познавательными инструментами и возможностями, например, естественно-научными приемами или методами? В исследовании материалов уголовных дел могут оказаться полезными и знания биологии, и медицины, и психологии, и многих других отраслей науки и техники. Если следовать логике законодателя, то предложенная им формулировка должна восприниматься любым правоприменителем именно как ограничивающая действия специалиста, а такое ограничение вряд ли имеет достаточные основания. Тем более если учесть, что исследование материалов уголовного дела, требующее специальной подготовки или специальных, прежде всего криминалистических, знаний приобретает с каждым годом все большее распространение и может проводиться вовсе без применения каких бы то ни было технических или естественно-научных методов и средств. Например, для оценки тактической целесообразности принятых по делу решений или для подтверждения научной обоснованности проведенного рассле-

дования в целом, а значит, и для проверки достоверности полученных результатов и т. д. Такая задача может стоять, в частности и перед судом.

Профессор Л.Е. Ароцкер еще в начале 60-х годов прошлого века так писал об этой функции суда: «Оценивая доказательства, полученные на предварительном следствии (что, надо полагать, невозможно без исследования материалов уголовного дела, поступивших на рассмотрение в суд), суд учитывает, соблюдены ли все требования закона и криминалистики, относящиеся к тактике производства следственного действия... Все эти положения необходимо знать судьям для того, чтобы оценить результаты следственного действия, а также для того, чтобы в случае необходимости самостоятельно провести данное судебное действие. Оценка не только доказательств, полученных следователем, но и приемов и методов их получения требуют от суда знания всех разделов криминалистики»¹⁵⁸.

Несомненно, что помощь сведущих лиц в исследовании и оценке использованных следователем криминалистических приемов и средств собирания доказательств будет не лишней. Тем более что уровень подготовки судей в области криминалистической техники, тактики и методики расследования отдельных видов преступлений чаще всего низкий. Всего 9% опрошенных судей сказали, что имеют глубокие познания о криминалистической технике и 36% известны приемы криминалистической тактики и положения частной криминалистической методики. Остальные опрошенные судьи либо имеют некоторое представление, либо поверхностные познания о вышеназванных разделах криминалистики.

Мы тем не менее считаем, что сама идея признания исследования материалов уголовного дела не только легитимной процессуальной деятельностью следствия, суда и сторон, но и в определенной мере сферой применения специальных знаний вполне заслуживает активной поддержки. Скажем больше, практика исследования материалов уголовных дел с привлечением сведущих лиц с каждым годом приобретает все более широкое распространение и масштабы по сравнению с теми, которые сегодня прямо допускает действующий закон. На наш взгляд, это

¹⁵⁸ Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. — М., 1964. — С. 21–22.

связно с тем, что из материалов уголовных дел реально можно извлечь больше информации, нежели та, о которой говорят, например, адвокаты, имея в виду желаемый результат своего ознакомления с ними¹⁵⁹. По данным, приведенным А.А. Эксархопуло, никто из адвокатов не ставил своей задачей обнаружение в материалах уголовных дел новых доказательств¹⁶⁰. Между тем это могут быть как избыточные, так и оправдывающие обвиняемого (подсудимого) сведения. Поэтому важно помнить, что ошибки следствия (суда), нашедшие отражение в материалах уголовного дела и обнаруженные в процессе его исследования, легко превращают доказательства вины подсудимого (обвиняемого) в доказательства его невиновности. Один из примеров ошибочного подбора следователем муляжа трупа для проведения следственного эксперимента по проверке механизма падения пострадавшего К. с крыши дома, результаты проведения которого послужили основанием для привлечения гражданина С. к уголовной ответственности за убийство с инсценировкой несчастного случая, приводит А.А. Эксархопуло. Повторно проведенный следственный эксперимент, но уже с соблюдением криминалистических правил, позволил опровергнуть этот вывод следствия. На основании новых данных подсудимый С. был оправдан¹⁶¹.

Случаи, когда в материалах уголовных дел обнаруживаются сведения, которые прошли мимо внимания следователя и суда, в том числе из-за недостаточности их собственных знаний в области криминалистики или в иных специальных отраслях, нередки. Новые, незамеченные ранее данные можно обнаружить при исследовании не только непосредственно самих документов – протоколов процессуальных действий, заключений экспертов и т. д., но и при изучении иллюстративного материала. Так, фототаблица, приложенная к протоколу осмотра места происшествия, всегда содержит больше информации о материальной обстановке, нежели сам протокол. И поэтому прав был Л.Е. Ароцкер, заметив, что

¹⁵⁹ Бахин В., Когамов М., Карпов Н. Допрос на предварительном следствии. – Алматы, 1999. – С. 113.

¹⁶⁰ Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела... – С. 137.

¹⁶¹ Эксархопуло А.А. Криминалистика. – СПб. : Лема, 2009. – С. 552.

«наличие доказательств, относящихся к делу и неиспользованных судом и следователем, свидетельствует о неполноте расследования и неудовлетворительной тактике судебного следствия»¹⁶². Дополним этот вывод известного ученого еще одним положением, в частности о том, что выявленные при исследовании материалов уголовного дела факты, опровергающие установленные следствием (судом) обстоятельства дела, на которые не было обращено внимание сторон и не дано объяснений, являются не только свидетельством наличия противоречий в доказательственной базе, но и способом обнаружения новых доказательств по делу, как оправдывающих, так и изобличающих обвиняемого (подсудимого).

По этому поводу в литературе высказывались разные мнения. Многие ученые негативно отнеслись к возможности исследования материалов уголовных дел специалистами в области права. Так, А. Кудрявцева и Ю. Лившиц отметили, что введение правовых экспертиз в уголовный процесс таит в себе опасность того, что «следователи и судьи могут переложить обязанность доказывания всех обстоятельств дела и квалификацию деяния на экспертов в области права»¹⁶³. Другие ученые поддержали указанную позицию и также сочли недопустимым проведение подобной экспертизы¹⁶⁴. Однако Е.Р. Россинская, например, отметила, что к помощи специалистов в области различных отраслей права прибегают как раз наиболее квалифицированные и опытные следователи и судьи, которые глубоко понимают сложность современных правовых коллизий, и привела пример о распространении в Северо-Западном федеральном округе «практики привлечения юристов, специализирующихся в различных отраслях права, для проведения исследований и дачи заключений с использованием их специальных знаний при расследовании и судебном рассмотрении наиболее сложных уголовных дел, что

¹⁶² Ароцкер Л.Е. Указ. соч. – С. 32.

¹⁶³ Кудрявцева А., Лившиц Ю. Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2003. – № 1.

¹⁶⁴ Галимханов А.Б. К вопросу о назначении и производстве экспертизы по уголовным делам // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 3. – С. 1433–1435.

позволяет объективизировать процесс доказывания и предотвратить «разваливание» уголовных дел»¹⁶⁵.

Мы считаем, что исследованию материалов уголовных дел необходимо придать самостоятельную правовую форму, в том числе с применением специальных знаний и навыков. Соответственно, мы предлагаем пополнить арсенал следственных и судебных действий исследованием материалов уголовного дела с предоставлением сторонам права самостоятельно его проводить в качестве допускаемого законом способа собирания доказательств (п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ) с привлечением к его проведению специалистов.

Полагаем, что данное предложение имеет под собой основания. В частности, в ст. 58 УПК РФ, в которой предусмотрена одна из возможных и полезных форм проведения таких исследований, было положено начало формированию нового направления в собирании доказательственной информации, причем любой из сторон. Таким образом, можно легализовать исследование материалов уголовных дел на уровне самостоятельного процессуального действия. А чтобы идея признания за исследованием материалов уголовного дела статуса самостоятельного процессуального действия обрела реальные очертания, став более понятной и обоснованной, добавим к нашей аргументации и второе положение – урегулированную процессуальным законом процедуру ознакомления сторон и суда с материалами дела, причем не только по окончании предварительного расследования (ст. 216–218, 221 УПК РФ) или в порядке подготовки к судебному разбирательству (гл. 33 УПК РФ), но и в иных случаях (например, при ознакомлении с постановлением о назначении судебной экспертизы, с протоколами тех действий, в которых сторона принимала участие, и т. д.).

Ясно, что в перспективе потребуется разработать соответствующие процедурные правила – от оснований принятия соответствующего решения, определения полномочий его участников, включая проверку компетентности привлекае-

¹⁶⁵ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008. – С. 19–20.

мых к исследованию материалов уголовных дел сведущих лиц, установления порядка и допустимых средств проведения таких исследований до закрепления результатов этого нового процессуального действия с приданием им доказательственного значения. Причем надлежит легализовать такого рода исследования материалов уголовных дел как в рамках предварительного расследования, так и в рамках их судебного разбирательства, определив возможность его осуществления с привлечением специалистов.

Третья правовая форма деятельности специалиста заключается в оказании следователю и суду помощи в постановке вопросов эксперту.

Решения о производстве судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, при производстве предварительного расследования и во время судебного разбирательства по уголовному делу принимают, как предписано законом, следователь (дознаватель) или суд (ч. 1 ст. 195 и ч. 1 ст. 283 УПК РФ). На них же лежит обязанность окончательно сформулировать подлежащие разрешению экспертом вопросы, в том числе предложенные сторонами. Однако далеко не всегда государственные органы и должностные лица, полномочные назначать экспертизу, могут компетентно обосновать свое решение и грамотно сформулировать вопросы эксперту. Чтобы избежать принятия необоснованного решения о производстве экспертизы, следователю или суду нужно правильно оценить возникшую при расследовании или судебном рассмотрении дела проблему как требующую обращения к сведущим лицам. И именно потому, что только обнаруженная в ходе расследования или судебного разбирательства потребность в специальных знаниях является правовым основанием назначения судебной экспертизы. Такая потребность может быть обусловлена либо императивными требованиями закона, например, об обязательном назначении экспертизы (ст. 196 УПК РФ), либо неясностью или неопределенностью выявленных в процессе производства по делу обстоятельств, объяснение которых можно получить только путем обращения к сведущим лицам.

К сожалению, нередко случаи, когда следователи или судьи, не обладая достаточными знаниями о возможностях судебной экспертизы или не имея пред-

ставления о новейших достижениях науки и техники, обращаются к экспертам за решением безграмотно сформулированных вопросов либо ставят перед экспертами такие вопросы, которые они ни по уровню своей компетентности, ни по объему своих специальных знаний не способны решать. Еще хуже, когда перед экспертами ставятся абсурдные с точки зрения криминалистической науки и судебной экспертологии вопросы. Например, о возможности установления индивидуального тождества частиц обнаруженной на месте происшествия материи без наличия иных сравнительных образцов. В результате эксперт проводит исследование и делает заключение о том, что частицы обнаруженной на месте происшествия материи пригодны для определения групповой принадлежности.

Коснувшись проблемы неосведомленности следователя в вопросах, носящих специальный характер, Р.А. Рейсс на рубеже XIX–XX вв. так писал о роли следователя в назначении судебной экспертизы: «...он должен быть в состоянии руководить экспертизой – знать, какие доказательства подлежат исследованию, какие вопросы надлежит поставить эксперту, какой путь должен быть выбран последним для их разрешения, и наконец, на какие вопросы наука может дать ответ»¹⁶⁶. Надо полагать, что этот совет выдающегося ученого, адресованный судебному следователю в начале XX в., не менее значим и для любого современного судьи.

Несмотря на предупреждение знаменитого профессора, следователи и судьи, сталкиваясь сегодня с похожими проблемами, то есть обращаясь к сведущим лицам в условиях несопоставимо более сложной технической оснащенности правоохранительной сферы по сравнению с той, которая была известна 100 и более лет назад, продолжают порочную практику решения вопросов, в которых сами не разбираются либо разбираются откровенно плохо. Именно поэтому мы считаем, что законодательная инициатива о включении упомянутой третьей правовой формы деятельности специалиста, допускаемой не только на предварительном следствии, но и в суде, была весьма своевременной и практически полезной.

¹⁶⁶ Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений. – СПб., 1912. – С. 3–4.

Четвертая правовая форма использования знаний специалиста заключается в разъяснении сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Данная форма является и важнейшей его функцией, процессуальная регламентация которой позволила окончательно закрыть вопрос о консультационной деятельности специалиста. Это направление получило развитие в статьях УПК РФ, регулирующих проведение допроса специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) и дачу им письменных заключений (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

Легализации консультационной формы использования знаний специалиста предшествовали оживленные дискуссии ученых. Одни искали решение проблемы оказания консультационной помощи следствию и суду в положениях действующего законодательства¹⁶⁷, другие настаивали на легитимизации этой формы использования специальных знаний, закрепив ее в законе¹⁶⁸. Третья группа ученых предлагала использовать в решении данного вопроса зарубежный опыт, например, Западной Германии, процессуальный кодекс которой предусматривает допрос сведущих лиц в качестве самостоятельного следственного действия¹⁶⁹. Законодатель предпочел придать консультативной деятельности специалиста статус самостоятельной процессуально-правовой формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, закрепив ее в ст. 58 УПК РФ. Согласно ч. 1 этой статьи возможности получать консультации специалистов были расширены даже по сравнению с рекомендациями науки, где соответствующим правом предлагалось наделить только следствие и суд. По новому закону консультационными услугами специалистов могут воспользоваться не только они, но и стороны. В ст. 58 УПК РФ, определившей статус специалиста, его права, обязанности и ответственность, прямо говорится, что специалист как лицо, обладающее специаль-

¹⁶⁷ Ищенко Е.П. Специалист в следственных действиях. Уголовно-процессуальные им криминалистические аспекты. – М.: 1990. – С. 16 ; Махов В. Участие специалиста в расследовании преступлений // Социалистическая законность. – 1969. – № 5. – С. 27.

¹⁶⁸ Эртевциан А.Н. Основные вопросы теории и практики криминалистической экспертизы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л.: 1961. – С. 15–16 ; Гольдман А.М. Правовые основания и формы применения специальных познаний в советском уголовном процессе // Вопросы экспертизы в работе защитника. – Л., 1970. – С. 32–33 и др.

¹⁶⁹ Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 52–53.

ными знаниями, привлекается не только для выполнения своих традиционных функций, состоящих в оказании содействия при производстве процессуальных действий, но и «для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Помимо этой общей нормативной дозволенности привлекать специалиста для консультаций, уголовно-процессуальный закон придал процессуальное значение и показаниям специалиста, получаемым в ходе его допроса, ставшего самостоятельным следственным действием (ч. 4 ст. 80 УПК РФ), и заключениям специалистов, представляемым ими в порядке ответа на возникающие у сторон вопросы, а по сути, представляющим собой письменные консультации (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

Таким образом, согласно п. 4. ст. 80 УПК РФ допрос специалиста может проводиться теперь не только для разъяснения своего мнения, высказанного им по специальным вопросам, в том числе, надо полагать, и в заключении, но и для выяснения обстоятельств события, требующих специальных знаний, то есть путем консультирования сторон. Тем самым законодатель высказал свою позицию о процессуальной сущности консультативной деятельности сведущих лиц, признав ее самостоятельной правовой формой использования специальных знаний и навыков в уголовном судопроизводстве. Ее реализация с 2003 г. стала осуществляться как посредством устного консультирования в рамках допроса специалиста, так и путем дачи письменных заключений.

Между тем следует заметить, что и после легализации консультативной помощи, оказываемой специалистами, некоторая неопределенность в ее безоговорочном использовании все же осталась, и прежде всего в связи с реализацией этого нового направления использования специальных знаний в судебном разбирательстве по уголовным делам. С одной стороны, проблемой стало отсутствие у суда юридических оснований обращаться к специалисту за дачей заключений, вытекающее из содержания ч. 3 ст. 80 УПК РФ. С другой стороны, нерешенной осталась проблема реализации положений ч. 4 ст. 271 УПК РФ, обязывающей суд

допрашивать специалистов, явившихся в заседание по инициативе сторон. Об этих проблемах и некоторых путях ее решения мы уже писали.

Вопрос об основаниях выбора правовой формы использования знаний и навыков специалиста и принятия соответствующего решения будет рассмотрен далее.

3.2. Процессуальные и криминалистические основания принятия решения о привлечении специалиста к судебному разбирательству по уголовным делам

Правовым основанием обращения к сведущим лицам вообще и к специалистам в частности является потребность сторон или суда в использовании специальных знаний или навыков для решения возникающих вопросов (ст. 57, 58 УПК РФ).¹⁷⁰ Соответственно, обоснованным привлечение специалистов к участию в судебном разбирательстве по уголовному делу можно считать тогда, когда потребность в этом подтверждена фактами. Эти факты можно обнаружить как при подготовке к судебному процессу, так и в ходе его проведения. На этапе подготовки к суду факты, объясняющие необходимость привлечения специалистов, могут быть выявлены сторонами в ходе ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 216–217 УПК РФ. Прокурор обнаруживает такие факты при изучении поступившего к нему от следователя уголовного дела для принятия одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Суд вопрос о привлечении специалистов решает на основании сведений, полученных по результатам изучения уголовного дела, поступившего от прокурора для его рассмотрения.

В процессе судебного разбирательства проблемы, требующие обращения к специалистам, возникают по мере получения от участников судебного процесса и из иных источников информации об обстоятельствах познаваемого события и ее

¹⁷⁰ Абдрахманова Л.Н. Основания принятия решения о привлечении специалиста к участию в судебном разбирательстве по уголовным делам / Л.Н. Абдрахманова. // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 132–138.

сопоставления с известными данными, содержащимися в изученных материалах дела.

Среди возникающих при таком их изучении задач можно выделить те, потребность решения которых в наибольшей степени мотивирует обращение сторон и суда за содействием к специалистам, являясь в то же время правовым основанием и обязательным условием такого обращения. На наш взгляд, к таким задачам относятся следующие.

1. Обнаружение сторонами или судом проблем, вызванных неполнотой, необъективностью или односторонностью исследования обстоятельств события преступления, решение которых невозможно без привлечения специалистов. «Так, по делу о ДТП следователем был проведен следственный эксперимент, результаты которого подтвердили показания водителя автомашины, пострадавшего в аварии»¹⁷¹. Они и были положены в основу выводов следователя. В ходе изучения материалов дела по окончании его предварительного расследования стороной защиты были выявлены многочисленные нарушения, допущенные при подготовке и проведении эксперимента, в частности связанные с реконструкцией обстановки и условий, в которых происходило проверяемое событие. Вопрос, на который надлежало ответить путем производства следственного эксперимента, заключался в необходимости выяснить, под разрешающий или запрещающий сигнал светофора потерпевший должен был выехать на перекресток, где произошло столкновение со встречным автомобилем, управляемым обвиняемой. По мнению адвоката, одним из существенных нарушений, которые могли привести к недостоверному результату следственного эксперимента, стало то, что вместо автомашины «Фольксваген Гольф 4», участвовавшей в аварии, следователь использовал более мощную и более динамичную «Ауди А6», способную с бóльшим ускорением и поэтому быстрее преодолевать за единицу времени то же расстояние, что и автомобиль, которым управлял потерпевший. Из материалов дела стали известны и

¹⁷¹ Обстоятельства этого уголовного дела и его анализ изложены в работе: Эксархопуло А.А. Криминалистика: теоретические проблемы и практические решения. – 2-е изд., изм. и доп. – Уфа : БашГУ, 2019. – С. 356–364.

иные несоответствия реконструированной обстановки проведения следственного эксперимента реальным условиям, в которых произошло ДТП. В результате в эксперименте были созданы условия, при которых автомобиль потерпевшего мог раньше выехать на перекресток, нежели это имело место на самом деле, и, соответственно, успеть под разрешающий сигнал светофора. Специалист, привлеченный стороной защиты для оценки достоверности результатов проведенного на предварительном следствии эксперимента, в том числе путем расчетов, подтвердил, что если бы следователь восстановил материальную обстановку и условия его проведения в соответствии с показаниями даже самого потерпевшего, то результаты экспериментальной проверки были бы иными – опровергающими выводы следствия. На основании этих данных сторона защиты заявила в суде ходатайство о проведении повторного эксперимента с привлечением специалиста-автотехника. Но суд отказал в его удовлетворении, указав в вынесенном постановлении, что эксперимент был проведен следователем «в полном соответствии с законом и при правильном воспроизведении и его обстановки и условий проведения», а это не соответствовало действительности¹⁷².

Ошибочность умозаключения судьи более чем очевидна, ибо противоречит позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в одном из постановлений: «Несоблюдение условий, максимально приближенных к тем, в которых совершено проверяемое действие, расценивается как нарушение требований уголовно-процессуального закона, регулирующего проведение следственного эксперимента, влекущее потерю доказательственного значения полученных данных»¹⁷³.

Изложенные в протоколе следственного эксперимента условия его проведения, как было верно отмечено в заключении специалиста, наглядно свидетельствовали о нарушениях как правил, выработанных криминалистикой и поддержанных Верховным Судом РФ, так и норм уголовно-процессуального законода-

¹⁷² Там же. – С. 364.

¹⁷³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1986. – № 7. – С. 3. Цит. по: Научно-практический комментарий к УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева ; науч. ред. В.П. Божьев. – 9-е изд. – М.: Юрайт, 2014. – С. 381. Эта позиция была подтверждена и в последующих решениях Верховного Суда РФ.

тельства (ст. 181 УПК РФ), выразившихся в безосновательном изменении следователем обстановки и условий экспериментальной проверки показаний потерпевшего и свидетелей¹⁷⁴.

2. Постановка конкретных вопросов, вытекающих из обнаруженной проблемы, ответы на которые могут быть получены не иначе как путем обращения к специальным знаниям сведущих лиц, способных помочь в выяснении еще не установленных обстоятельств познаваемого события.

Так, по делу о разбойном нападении на Г. был задержан и предъявлен для опознания потерпевшему подозреваемый М. Опознающий на предъявленных ему фотоснимках, среди которых был и снимок опознаваемого М., узнал одного из напавших на него преступников. Результаты опознания были положены следователем в основу и предъявленного М. обвинения, и обвинительного заключения по делу. Между тем в процессе изучения стороной защиты материалов проведенного опознания были обнаружены факты, позволившие высказать обоснованные сомнения в достоверности его результатов. Во-первых, было обращено внимание на то, что в протоколе предъявления для опознания местом жительства двух понятых, участвовавших в данном следственном действии, и местом проведения данного следственного действия указан один и тот же адрес: ул. Чайковского д. 30. Известно, что по этому адресу в то время располагалось Управление по борьбе с организованной преступностью Санкт-Петербурга, и уже только по этой причине он не мог быть местом жительства понятых.

Во-вторых, анализ протоколов следственных действий, связанных с проведенным опознанием, подтвердил обоснованность выводов о недостоверности его результатов. В частности, выяснилось, что допрошенный перед началом опознания потерпевший Г. ни особых примет, ни каких-либо иных индивидуализирующих признаков внешности опознаваемого назвать не смог, ограничившись его общими признаками. Сомнения в достоверности результатов опознания вызвал факт, о котором сообщил во время допроса опознанный М., заявив, что в день со-

¹⁷⁴ Эксархопуло А.А. Криминалистическая экспертиза материалов уголовных дел. – М.: ЮРАЙТ, 2021. С. 164.

вершения преступления он перенес операцию на лице по удалению фурункула, поэтому в течение нескольких дней начиная с этой даты не мог обходиться без повязки. Не заметить этой броской приметы потерпевший не мог¹⁷⁵.

Возникла проблема с оценкой доказательственного значения и полученных сведений, и результатов проведенного опознания. Для решения ее надлежало ответить на вопросы:

– действительно ли М., задержанному по подозрению в совершении разбойного нападения, проводилась операция на лице в указанный им день, где и кем из врачей? Для ответа на него следовало направить запрос в лечебное учреждение;

– мог ли М. после сделанной ему операции обходиться без повязки на лице и в течение какого времени? На этот вопрос мог бы ответить специалист в области хирургии, и его следовало пригласить в суд для консультаций;

– какие следы хирургического вмешательства должны были остаться на лице М. после удаления фурункула, в течение какого времени они могли сохраняться на коже? Имеются ли на лице М. такие следы? Для ответа на эти вопросы можно было провести непосредственно в суде освидетельствование с привлечением врача – специалиста в области лицевой хирургии.

3. Оценка знаний, необходимых для решения поставленных вопросов, как знаний специальных, привлечение которых позволит ликвидировать пробелы предварительного расследования, устранить противоречия в собранных доказательствах или развеять сомнения в их достоверности. Решение этой задачи в полной мере зависит от понимания сути специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Как верно заметила Е.Р. Россинская, сама необходимость участия в деле эксперта и специалиста «напрямую зависит от того, какой смысл вкладывается в термин "специальные знания"»¹⁷⁶.

¹⁷⁵ Анализ материалов данного уголовного дела изложен в заключении проф. А.А. Эксархопуло. Подробно см. в монографии: Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. С.164-172.

¹⁷⁶ Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности Российской Федерации». – М., 2002. – С.23.

Оценить потребность в специальных знаниях нетрудно, если исходить из предложенного нами субъективного критерия их разграничения на специальные и неспециальные. Выше мы отмечали, что для сторон, имеющих право привлекать специалистов в производство по делу, специальными должны признаваться любые знания и навыки, которыми стороны сами не владеют. Однако при решении этой, казалось бы, простой задачи допускаются порой непростительные ошибки. В частности, привлеченным сведущим лицам иногда задаются вопросы, не требующие специальных знаний¹⁷⁷.

Случается, что следователи приглашают для оказания помощи специалистов, которые, судя по протоколу проведенного следственного действия, в его производстве либо вообще участия не принимали, либо факт выполнения ими той или иной работы может быть поставлен под сомнение. В практике, например, имел место случай, когда во вводной части протокола осмотра места происшествия следователь указал о привлечении специалиста для производства видеозаписи хода и результатов следственного действия, в заключительной – о том, что к протоколу приложены сделанные специалистом фотоснимки. Однако в приложении не оказалось ни того ни другого.

4. Осознание сторонами и судом невозможности ответить на поставленные вопросы, основываясь лишь на собственных знаниях и умениях, либо признание целесообразности обращения к специалисту в складывающейся ситуации, даже при наличии у них самих необходимых знаний и навыков. И если осознание невозможности ответить на тот или иной вопрос не вызывает особых трудностей, то выбор между использованием своих знаний либо знаний специалиста далеко не всегда прост. И проблема здесь если и возникает, то не столько в возможности получить нужный результат. Надо думать, следователь или судья, владеющие навыками обращения с компьютерной техникой, не хуже специалиста справятся, например, с просмотром содержимого изъятой при обыске флеш-карты. Проблема может возникнуть с признанием доказательственного значения за полученными

¹⁷⁷ Например, произвести измерения отдельных частей тела человека, сфотографировать их и т. п.

результатами применения собственных специальных знаний следователем и судом.

5. Выбор правовой формы привлечения специалиста для решения поставленных вопросов, среди которых закон выделяет: а) оказание помощи при производстве судебных действий или для участия в исследовании материалов уголовного дела; б) получение устной консультации (в том числе в форме допроса специалиста); в) дача заключения и др.

В предыдущем параграфе мы писали, что выбор той или иной формы привлечения специалиста к участию в судебном разбирательстве по уголовному делу напрямую зависит от процессуального статуса и полномочий его участников, наделенных соответствующим правом. Это действительно важно иметь в виду, разрабатывая и предлагая свои рекомендации по принятию соответствующего решения. Между тем статус и полномочия субъекта обращения к сведущим лицам определяют не столько сами правовые формы их участия в судебном разбирательстве по уголовным делам, сколько возможности для их выбора.

Главным критерием, определяющим выбор правовых форм использования специальных знаний и навыков, остается специфика подлежащих решению задач. Они могут различаться, не выходя, однако, за рамки трех решаемых сторонами и судом групп задач: 1) поисковые задачи, направленные на обнаружение новых источников информации; 2) исследовательские, решаемые посредством изучения обнаруженных доказательств; 3) оценочные, позволяющие убедиться в доказательственном значении собранной информации и в ее достоверности.

Задачи первой группы, как правило, решаются посредством привлечения специалистов к судебным действиям – осмотру местности или помещений, следственному эксперименту, освидетельствованию и т. д.; исследовательские могут быть решены в форме дачи специалистами заключений по поставленным им сторонами вопросам. К решению третьей группы задач специалистов целесообразно привлекать в форме исследования материалов уголовного дела, позволяющего дать научную оценку обоснованности средств и методов, использованных для об-

наружения, закрепления или исследования собранных на предварительном следствии или в суде доказательств.

Между тем одних только процессуальных оснований для привлечения сведущих лиц к отправлению правосудия недостаточно, чтобы возникающие вопросы были решены с максимальной определенностью. Для этого перечисленные условия принятия обоснованного решения о привлечении специалистов к решению стоящих перед судебным разбирательством дела задач, требующих специальных знаний или навыков, должны создаваться не только процессуальными, но и комплексом криминалистических приемов, методов и средств. Среди них малоисследованными наукой остаются методы и методики исследования материалов уголовного дела, позволяющие выявить проблемы в познании обстоятельств события преступления, сформулировать вопросы, без решения которых невозможно эти проблемы устранить, выбрать оптимальные средства и методы решения текущих задач, в том числе с привлечением знаний и навыков специалистов.

На важность тщательного исследования материалов уголовных дел неоднократно обращал внимание Верховный Суд в своих постановлениях, подчеркивая значимость их глубокого изучения как условия, определяющего качество всей судебной работы. «Суды иногда поверхностно проверяют материалы предварительного следствия, – говорится, в частности, в постановлении от 22 марта 1966 г. № 31, – и не устанавливают все обстоятельства, имеющие значение для правильного решения дела...»¹⁷⁸.

Спустя год Верховный Суд вновь вернулся к проблеме надлежащего изучения судьями материалов уголовных дел. Объясняя свою озабоченность необходимостью улучшения организации судебных процессов, Пленум в преамбуле к постановлению от 7 февраля 1967 г. отметил, что «отдельные судьи недостаточно ответственно подходят к подготовке процессов, поверхностно изучают дела, вносимые на судебное рассмотрение». Это приводит к тому, что «судьи удовлетво-

¹⁷⁸ О судебной практике по делам о грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда от 22.03.1966 № 31 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1996. – М. : Юрид. лит., 1997. – С. 205.

рительно руководят судебным заседанием, не обеспечивают всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела...»¹⁷⁹. Оценив недостатки работы судов по изучению материалов уголовного дела, Пленум Верховного Суда рекомендовал: «Судьи должны не только сами тщательно изучать дела, вносимые в судебные заседания, но и помогать в этом народным заседателям... Надлежащая подготовка дела к судебному разбирательству, имеющая целью обеспечить его правильное и своевременное разрешение, обязательна по всем делам»¹⁸⁰.

Проблема между тем оставалась до конца не решенной, и спустя еще два года Пленум Верховного Суда вновь вернулся к ней, но уже обратив внимание судов на последствия пренебрежительного отношения к исследованию рассматриваемых ими материалов уголовных дел. В своем очередном постановлении от 19 марта 1969 г. Пленум указал: «Вместе с тем в деятельности судов допускались случаи поверхностного исследования в судебном заседании материалов предварительного следствия, в результате чего имело место как осуждение невиновных, так и освобождение от уголовной ответственности лиц, злостно уклоняющихся» от выполнения судебных решений¹⁸¹. Аналогичные требования сформулированы и в ряде более поздних постановлений Пленума Верховного Суда¹⁸².

Эти требования высшей судебной инстанции России остаются актуальными и сегодня, когда даже оформление материалов уголовных дел редко обходится без использования современных технических средств, в частности компьютерной техники, требующей специальных умений и навыков. А учитывая, что такие материалы, особенно по новым экономическим и техногенным преступлениям, которые современным судьям приходится рассматривать, бывают перенасыщены специальной информацией, требующей разъяснений, анализа и оценки сведущи-

¹⁷⁹ Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения : постановление Пленума Верховного Суда от 07.02.1967 № 35 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1996. – М. : Юрид. лит., 1997. – С. 3–5

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР : постановление Пленума Верховного Суда от 19.03. 1969 № 46 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1996. – М. : Юрид. лит., 1997. – С. 210.

¹⁸² Там же. – С. 247–248, 262 и др.

ми лицами, проблема участия специалистов в судебных разбирательствах в целях анализа собираемых судом материалов, которыми пополняется дело, приобретает всеобъемлющий характер. Однако никаких рекомендаций по этому поводу высшей судебной инстанцией не предложено. Обращая внимание на необходимость тщательнее изучать материалы уголовных дел, поступивших в суд на рассмотрение, Верховный Суд, к сожалению, часто не видел возможностей повышения эффективности и результативности такого их исследования путем привлечения специалистов, ограничиваясь в своих решениях традиционными рекомендациями. И тем не менее некоторые указания Верховного Суда звучали в том числе и как требования привлекать сведущих лиц для оказания содействия сторонам и суду в исследовании отдельных отраженных в материалах уголовных дел доказательств: «Специалист приглашается для участия в судебном разбирательстве в тех случаях, когда суду либо участникам судебного разбирательства при исследовании доказательств могут потребоваться специальные знания и навыки (например, в существе технологического или производственного процесса, специфических особенностях той или иной профессии и т. п.)»¹⁸³.

Поэтому весьма актуально и сегодня звучит предложение о необходимости привлекать сведущих лиц к расследованию преступлений на постоянной основе, сделанное Р.А. Рейссом¹⁸⁴, которое, мы полагаем, вполне заслуживает, чтобы его реализовать не только на предварительном следствии, но и в заседаниях суда по уголовным делам. Далее будет подробно изложена наша позиция по этому вопросу с соответствующей аргументацией.

Принимая решение о привлечении специалиста к участию в судебном заседании, важно, помимо сугубо юридических, также руководствоваться и криминалистическими обоснованиями. Такие обоснования заложены, в частности, в положениях криминалистической теории принятия решений, позволяющей разрабо-

¹⁸³ О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел : постановление Пленума Верховного Суда от 17.09.1975 № 5 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1996. – М. : Юрид. лит., 1997. – С.236.

¹⁸⁴ Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений. – СПб., 1912. – С. 3.

тать оптимальную линию поведения при наличии альтернативных способов действия. Признав, к примеру, необходимым привлечение специалистов-технологов для оценки обоснованности норм расхода сырья на изготовление конкретного вида продукции, участник разбирательства дела в суде, обнаруживший пробел в решении этого вопроса на предварительном следствии, должен решить, провести ли следственный эксперимент с привлечением такого специалиста или назначить технологическую экспертизу. В каждом конкретном случае выбор и принятие оптимального решения будет базироваться на криминалистических критериях, способных обеспечить техническую, организационно-тактическую и методическую стороны выработки и реализации принятого решения, без анализа и учета которых невозможно рассчитывать на достоверность, объективность и научную обоснованность получаемых при этом результатов использования знаний и навыков специалистов или экспертов. Вопрос выработки оптимальных криминалистических решений достаточно разработан в научной литературе¹⁸⁵, поэтому мы не будем останавливаться на его освещении. Ограничимся лишь основными условиями, соблюдение которых позволит выработать криминалистически обоснованные решения о привлечении специалистов к разбирательству дел в суде:

- 1) анализ материалов уголовного дела на всех этапах его судебного рассмотрения;
- 2) постановка задач на основе полученных результатов исследования материалов уголовного дела и формулировка вопросов, требующих участия специалистов в их решении;
- 3) выявление недостаточности или отсутствия доказательственной информации, содержащей ответ на возникший вопрос;
- 4) обоснование научной и технической возможности решения возникшего вопроса (проблемы) с использованием современных достижений науки и техники;

¹⁸⁵ Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. – М. : Юристъ, 1997. – Т. 3. – С. 156–201 ; Новик Ю.И. Научные основы принятия тактических решений при производстве следственных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 1979 ; Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1992. – С. 102–116 ; Криминалистическая теория принятия решений // Криминалистика. Теоретический курс : монография / А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин и др. – Уфа : НИИ ППГ, 2022. – С. 173–189 и др.

5) подбор оптимальных средств достижения поставленных целей и компетентная оценка ненадежности альтернативных способов решения обусловленных этими целями задач;

6) выявление организационных, технических или иных препятствий («дисциплинирующих» факторов) для обращения к сведущим лицам: а) отсутствие надлежащих специалистов или необходимой для решения поставленного вопроса научно-технической базы; б) угроза утраты, повреждения или изменения свойств собранных судом доказательств; в) трудоемкость предстоящей работы специалиста, выполнение которой может повлечь затягивание сроков рассмотрения дела в суде; г) отсутствие или существенное ограничение организационных возможностей привлечения соответствующих специалистов для решения поставленных вопросов и др.

3.3. Проблемы участия специалиста в процессуальных действиях на стадии судебного следствия: характеристика процессуальных действий как сферы применения знаний специалиста

Уголовно-процессуальный закон, действующий с 2001 г., прямо называет специалиста среди участников судебного разбирательства по уголовным делам, что вытекает из содержания ст. 58. Однако выполнение специалистом своих функций допускается, судя по тексту гл. 37 УПК РФ «Судебное следствие», не во всех процессуальных действиях, проводимых судом, а только в трех из более чем десяти регламентированных указанной главой. Если не считать участия педагога в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (ст. 280), то это осмотр помещений и участков местности (ст. 287), следственный эксперимент (ст. 288) и освидетельствование (ст. 290).

Такое избирательное наделение правом приглашать специалистов при проведении перечисленных следственных действий вызывает вопрос: правомерно ли обращаться к специалистам при производстве иных следственных действий, в которых их участие не предусмотрено?

Еще труднее ответить на вопрос о допустимости участия специалистов в производстве тех судебных действий, о которых как о самостоятельных, проводимых в рамках судебного следствия, УПК вообще ничего не говорит, несмотря на их распространенность. В частности, в числе судебных действий не названы ни допрос специалиста, ни дача им заключений по поставленным сторонами вопросам, в отличие от аналогичных процессуальных действий, к производству которых привлекается эксперт (ст. 282–283 УПК РФ). «Между тем, – отмечает А.А. Тарасов, – заключение и показания специалиста – это самостоятельный вид доказательств, обеспечивающий конкуренцию профессиональных мнений в доказывании по уголовным делам»¹⁸⁶. Какими правилами должны руководствоваться суд и стороны, решая получить от специалиста показания, обязательные, кстати, согласно ч. 4 ст. 271 УПК, или в каком порядке надлежит затребовать у специалиста заключение по специальным вопросам, притом что согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ постановку таких вопросов специалисту закон разрешает только сторонам, но не суду. Законодательное ограничение прав суда становится еще более очевидным, когда знакомишься с разъяснением сути заключения эксперта, изложенной в ч. 1 ст. 80 УПК РФ: «1. Заключение эксперта – представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами».

Эта проблема, появление которой всецело лежит на совести законодателя, и сегодня остается нерешенной ни на законодательном уровне, ни на уровне научных рекомендаций, возможно, именно из-за отсутствия какой бы то ни было понятной логики в действиях разработчиков соответствующих положений уголовно-процессуального закона.

Не проясняет неопределенности участия специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам и предложение руководствоваться ст. 80 и 270 УПК, изложенное в ст. 251. Об этих издержках регламентации в УПК порядка привлечения специалиста в судебное заседание мы уже подробно говорили выше.

¹⁸⁶ Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – С. 120.

Вопросы о причинах введения ограничений участия специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам и необходимости их преодоления не являются новыми и возникли после первого упоминания этой категории сведущих лиц в УПК РСФСР 1960 г., согласно первой редакции которого специалист вообще не допускался к участию в суде. Во всяком случае, он не был назван ни среди его участников, ни среди лиц, привлекавшихся к производству процессуальных действий сторонами или судом. И только в 1966 г. на основании ст. 253-1 УПК РСФСР специалист был допущен к судебному разбирательству. Ограниченным оказался, однако, круг процессуальных действий, при производстве которых он принимал участие. Закон называл среди таковых лишь осмотр вещественных доказательств (ст. 291 УПК РСФСР), осмотр помещений и участков местности (ст. 293 УПК РСФСР). Но даже правила участия и решаемые специалистом при производстве этих судебных действий задачи были весьма противоречиво изложены в законе.

Так, согласно ч. 1 ст. 291 УПК РСФСР специалист не участвовал в осмотре вещественных доказательств, оказывая суду помощь в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, как это было предписано ст. 133-1 УПК для действий, проводимых следователем, а только обозревал предметы, вещи, которые ему предъявлялись. «В случае необходимости, – говорится в ч. 1 ст. 291 УПК РСФСР, – вещественные доказательства могут быть предъявлены свидетелям, эксперту и специалисту...».

Ни о каком обнаружении или закреплении признаков и свойств вещественных доказательств как функции специалиста речи в ст. 291 УПК, регламентирующей их судебный осмотр, не идет. Можно, конечно, сослаться на положение ст. 253-1 УПК, отсылающее суд к правилам ст. 133-1, если бы не оговорка, допускающая привлечение специалиста лишь в «случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 133-1 УПК). А поскольку таких случаев, как «содействие в обнаружении, закреплении и т. д. доказательств», предусмотренных для специалиста, привлеченного следователем, ст. 291 УПК не предусматривала, постольку

и участие специалистов в судебном осмотре вещественных доказательств было ограничено лишь обозрением предъявленных им вещественных доказательств.

Правда, здесь же, в ч. 1 ст. 291 УПК РСФСР, было закреплено право специалиста «обращать внимание суда на те или иные обстоятельства, связанные с осмотром». Надо полагать, что под «связанными с осмотром обстоятельствами» законодатель подразумевал то же самое, о чем говорилось в ст. 133-1 как о функции специалиста, участвующего в осмотре вещественного доказательства, проводимого следователем (ч. 3 ст. 133-1 УПК РСФСР): «Специалист обязан: явиться по вызову; участвовать в производстве следственного действия, используя свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств; обращать внимание следователя на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств; давать пояснения по поводу выполняемых им действий».

Очевидно, что речь в данной статье УПК идет не об обстоятельствах обнаружения, закреплении и т. д. доказательств самим специалистом, а о действиях следователя, на которые специалисту и предлагалось обращать внимание. И поэтому распространять данное правило на специалиста, который не участвует в осмотре вещественного доказательства, а лишь визуально воспринимает то, что ему предъявлено судом (ст. 291 УПК РСФСР), можно было с известным допущением, к которому вынуждали издержки правовой регламентации участия специалиста в судебном разбирательстве по уголовному делу. И эти издержки заключались в том, что зафиксированные в ст. 291 УПК функции специалиста при буквальном их толковании не предусматривали выявления им в ходе судебного осмотра вещественного доказательства, например, признаков, свидетельствующих о связи осматриваемого предмета или вещи с событием преступления, или обнаружения иных важных для установления обстоятельств преступления признаков. В ст. 291 УПК РСФСР говорится лишь о праве специалиста обращать внимание суда на обстоятельства, связанные с проводимым им, то есть судом, осмотром, в котором специалист, как следует из текста ст. 291 УПК, не участвовал, а лишь воспринимал то, что ему было предъявлено. Если бы это было не так,

то законодатель сформулировал бы права и обязанности специалиста аналогично тому, как это написано в ст. 133-1 УПК, указав вместо следователя суд. То есть, к примеру, следующим образом: «Специалист обязан: ...обращать внимание суда на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств; давать пояснения по поводу выполняемых им (специалистом) действий». Но законодатель поступил иначе, ограничившись невнятной формулировкой.

Спустя более 30 лет этот недостаток закона отчасти был исправлен. Так, в УПК РФ обязанности специалиста, участвующего в судебном осмотре вещественных доказательств, были конкретизированы, что свидетельствует о позитивном реагировании российского законодателя на допущенные им ранее неточности формулировок. Сохранив правило предъявления вещественных доказательств участникам осмотра, законодатель расширил круг устанавливаемых при таком осмотре обстоятельств дела: «Лица, которым предъявлены вещественные доказательства, вправе обращать внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела» (ст. 284 УПК РФ).

То есть участники осмотра, включая специалиста, призываются к установлению не только обстоятельств, связанных с осмотром, как это было предусмотрено ст. 291 УПК РСФСР, но и любых иных обстоятельств, имеющих значение для дела. А для этого требуется не просто обозревать предъявленное вещественное доказательство, а осматривать его с надлежащей тщательностью, выявляя не только очевидные, визуально воспринимаемые при предъявлении, но и скрытые признаки и свойства, в том числе с использованием специальных знаний и навыков специалистов и экспертов.

Между тем, исправив один недостаток, российский законодатель, разрабатывавший УПК РФ, дал повод критиковать его за другое не менее досадное упущение, а именно за отказ называть специалиста в числе участников осмотра вещественных доказательств. Впрочем, в ст. 284 УПК РФ ни один из участников осмотра вообще не указан, что вызывает вопрос о допустимости привлечения к этому действию не только специалистов, но и других участников судебного заседания. Интересно заметить, что ничего подобного в УПК РСФСР не было.

Однако вряд ли описанному упущению УПК РФ мы стали бы уделять столько внимания, если бы все другие нормы, регламентирующие производство судебных действий, не содержали бы перечень своих участников. Но они перечислены, и среди таких участников назван и специалист (ч. 1 ст. 287, ч. 1 ст. 288, ч. 2 ст. 290). В результате создается впечатление, будто законодатель, прямо предусмотрев возможность привлечения специалиста к производству одних судебных действий и отказавшись назвать его в числе участников других, тем самым установил ограничения в использовании судом знаний и навыков сведущих лиц, привлекаемых к судебному разбирательству по уголовному делу в статусе специалиста.

Таким образом, законодательная практика закрепления прав сторон и суда привлекать специалиста к участию в ограниченном круге судебных действий, сохраняясь и в действующем УПК РФ, вызывает вполне ожидаемые вопросы о правомерности их привлечения на стадии судебного разбирательства к тем действиям, которые такого участия специалиста прямо не предусматривают. Для решения имеющихся на практике вопросов предлагаются различные варианты¹⁸⁷. Чтобы избежать неопределенности, нам представляется целесообразным дополнить уголовно-процессуальный закон положениями, сходными с теми, в которых данная проблема уже решена. Мы предлагаем для этого два способа.

Первый способ состоит в том, чтобы дополнить УПК нормой, определяющей общие правовые основания участия специалистов в судебном разбирательстве по уголовным делам, при наличии которых допускается их привлечение к производству любых судебных действий с определением полномочий и процессуальных функций специалистов, включая консультирование сторон и суда по любым специальным вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства. Наличие таких оснований, а также соответствие специалистов сформулированным в законе требованиям (компетентность, незаинтересованность в деле, независимость и др.) и определяло бы правомерность обращения к ним участников су-

¹⁸⁷ Галинская А.Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве сторонами и их представителями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017.

дебного разбирательства за содействием в решении специальных вопросов, возникающих в процессе производства по делу, причем лучше, если от самого начала и до его окончания. Постоянное присутствие специалиста в судебном заседании, о чем уже говорилось как о перспективной идее, позволило бы максимально полно воспринимать сведущим лицом ход судебного процесса, оперативно реагировать и своевременно решать вопросы, требующие специальных знаний или навыков, помогая сторонам и суду как можно быстрее разобраться с возникающими специальными вопросами. Тем самым специалист своим участием в судебном заседании мог бы позитивно повлиять и на рассмотрение уголовного дела в целом. Такое участие специалистов в работе суда было бы полезно, прежде всего, при исследовании собранных доказательств и в ходе их оценки по рассматриваемому делу. Надо полагать, специалист сможет лучше любого судьи и оценить научную обоснованность методов и средств, использованных для собирания и исследования доказательств, и подтвердить (или опровергнуть) достоверность полученных с их помощью результатов. А значит, с привлечением специалиста в качестве «сведущего участника судебного разбирательства», назначаемого судом по каждому делу на постоянной основе, можно было бы рассчитывать и на повышение качества работы судебных органов в целом.

Мы полагаем, что к выполнению такой функции – функции «сведущего» участника судебных заседаний, было бы целесообразно привлекать лиц, с одной стороны, имеющих профессиональные знания в вопросах, которые решались экспертами и специалистами на предварительном следствии по рассматриваемому делу, с другой стороны, специализирующихся на исследовании именно обстоятельств криминальных событий. В таком сопровождении судебных процессов специалистами, на наш взгляд, должны быть заинтересованы, прежде всего, сами судьи, рассматривающие новые, наиболее сложные, многоэпизодные преступления, отличающиеся особой технической направленностью использованных преступниками способов совершения. В частности, преступления экономические, экологические, связанные с использованием новых технологий и искусственного интеллекта и др.

Мы уже писали, что похожая идея высказывалась учеными, но так и не была реализована. Правда, предложение привлекать сведущих лиц на постоянной основе авторы адресовали не столько суду, сколько судебному следователю. «Настоящий эксперт, – писал, в частности, Р.А. Рейсс, – должен специализироваться в деле исследования преступлений... он должен оказывать судебному следователю непрерывное содействие по каждому мало-мальски сложному делу. Для успеха дела следователь должен систематически посвящать его во все подробности хода следствия. Лучше всего, если эксперт будет призван к производству экспертизы с самого начала предварительного следствия, так как не всегда удастся исправить упущения, вкравшиеся без указаний его опыта на первых порах, пока следы преступления еще горячи. Идя все время параллельно со следствием, эксперт разрабатывает и исследует каждый вопрос, требующий специальной подготовки»¹⁸⁸.

Нам представляется, что идея Р.А. Рейсса заслуживает внимания и вполне может быть интерпретирована применительно к потребностям современного суда, рассматривающего уголовные дела. Реализация ее потребует, надо думать, принятия соответствующих организационных мер. В связи с этим мы предлагаем создавать при органах суда специализированные группы сведущих лиц, действующих на постоянной основе. То есть подобно тому, как были в свое время организованы судебно-экспертные учреждения в России. Первое такое учреждение – Санкт-Петербургская судебно-фотографическая лаборатория – было создано в 1889 г. выдающимся ученым-криминалистом Е.Ф. Буринским при Санкт-Петербургском окружном суде. Позднее, в 1912–1914 гг., аналогичным образом, а именно при соответствующих судебных палатах, были организованы многие кабинеты научно-судебной экспертизы в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Одессе, которые находились в ведении Министерства юстиции¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений. – СПб., 1912. – С. 3.

¹⁸⁹ Подробно о развитии СЭУ см.: Петров В.В., Эксархопуло А.А. Исторический опыт и современные перспективы развития судебно-экспертных учреждений в условиях проведения правовой реформы. // Правоведение. – 2004. – № 4. – С. 139–148.

Второй способ устранения противоречий в современной правовой регламентации участия специалистов в судебных разбирательствах по уголовным делам менее предпочтителен, но мы считаем, что его вполне можно было бы реализовать в качестве дополнительного способа решения проблемы. Для этого требуется либо дополнить состав участников судебных действий, среди которых закон специалиста не упоминает, либо, наоборот, дать в соответствующих статьях УПК перечень лиц, которые не допускаются к такому участию, с объяснением причин. А не просто игнорировать, отказавшись от всякого их упоминания и давая, таким образом, повод для разнообразных трактовок замысла законодателя.

Многие из описанных проблем стали возникать, как уже было сказано, после 2001 г., в связи с введением в действие УПК РФ и по мере накопления практического опыта в реализации его положений об использовании знаний и навыков специалистов в уголовном судопроизводстве. Их обсуждение и сегодня продолжается среди ученых, представителей законодательных органов и практических работников. Предлагаются самые разные решения, в том числе и по изменению действующего законодательства. Например, С.П. Жданов, изучив доктринальные подходы к использованию заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве, пришел к выводу, что при внесении в уголовный и уголовно-процессуальный законы соответствующих изменений и дополнений о взаимосвязи возможности проведения исследований с результатом труда лица, обладающего специальными знаниями, будет оправдан и реализован принцип состязательности сторон в производстве по уголовным делам¹⁹⁰. Однако далеко не всегда достаточно найти приемлемую формулировку закона. Иногда для решения проблем с использованием специальных знаний в разных правовых формах приходится обращаться к достижениям тех отраслей знания, которые предметно занимаются выработкой соответствующих научных рекомендаций, основанных на выборе оптимальных способов действия при наличии альтернативных их вариантов. Обращение к науке приобретает в таких случаях особое значение, способствуя реше-

¹⁹⁰ Жданов С.П. Криминалистическое учение о реализации специальных знаний вне судебной экспертизы : монография. – М. : Проспект, 2023. – С. 51.

нию проблем, связанных с участием специалиста в производстве по делу. Между тем преодоление препятствий, возникающих в связи с использованием научных рекомендаций, возможно только при учете комплекса факторов, среди которых мы считаем необходимым, прежде всего, обратить внимание на следующие:

- особенности складывающейся следственной или судебной ситуации;
- необходимость выбора оптимальной процессуально-правовой формы использования специальных знаний и навыков для решения поставленной задачи;
- выбор сведущего лица для привлечения к производству по делу в статусе специалиста;
- необходимость преодоления организационных и технических трудностей, возникающих при реализации сторонами и судом своего права обращаться за содействием к специалистам, способным решать соответствующие задачи;
- потребность в эффективном взаимодействии суда и сторон со специалистами, привлеченными к участию в судебном разбирательстве по уголовному делу;
- учет законодательных ограничений, препятствующих признанию доказательственного значения за результатами работы специалиста, привлеченного сторонами и судом.

Анализ проблем и определение перспектив их преодоления с учетом влияния перечисленных выше факторов, являясь, на наш взгляд, одной из важных задач криминалистики, следует осуществлять с использованием разрабатываемого ею тактико-технического и методического арсенала. О некоторых возможностях криминалистического обеспечения института специалиста, выполняющего свои функции в судебном заседании, мы уже говорили, описывая, в частности, криминалистические основания принятия решения об обращении к специалистам на стадии судебного разбирательства по уголовным делам. Тем не менее комплексное и всестороннее изучение этих проблем нуждается в самостоятельном исследовании, что выходит за рамки настоящей работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Факты обращения к сведущим лицам за разъяснением вопросов, возникающих в процессе раскрытия преступлений, были известны задолго до законодательного урегулирования процедуры их привлечения в уголовный процесс, впрочем, как и до возникновения самой криминалистической науки. О таких фактах писали многие исследователи истории уголовного судопроизводства, криминалистики и тенденций формирования ее познавательных методов, включая институт специалиста. И хотя исследователи истории криминалистики уделяли внимание в основном историческому развитию судебной экспертизы и методам экспертных исследований, первые упоминания о привлечении сведущих лиц в сферу борьбы с преступностью касались не экспертных исследований, а участия сведущих людей в розыске скрывшихся с места преступления лиц по оставленным ими следам.

До принятия Устава уголовного судопроизводства в 1964 году в российской практике раскрытия и расследования преступлений участие сведущих лиц преимущественно использовалось в личных осмотрах, проводимых следователем. И только с введением в действие УПК РСФСР 1960 г., и особенно после его дополнения в 1966 г. отдельной ст. 133-1, сведущее лицо, получившее свое легитимное название «специалист», приобрело статус самостоятельного участника уголовного процесса – носителя специальных знаний.

2. УПК РФ 2001 года, предоставив любой из сторон право обращаться к специалистам для решения своих задач (ч. 1 ст. 58), расширил не только круг непосредственных потребителей их услуг, но и состав самих специальных познаний. Теперь к их числу следует относить не только знания, воспринимавшиеся как специальные судом, органами дознания или следствием, ранее обладавшими исключительными правами обращаться к сведущим лицам, но и те, которые являются таковыми для обвиняемого, потерпевшего или их представителей. Среди таких знаний теперь могут оказаться любые сведения специального характера, в том числе, из области права, знаниями которого представители сторон уголовного

процесса не обладают, но имеют законное право обращаться за разъяснениями к сведущим лицам, привлекаемым ими в статусе специалистов (стр. 34).

3. Признавая бесплодными дискуссии о сущности специальных знаний, основанные на их разнообразии, мы предлагаем иные критерии разграничения знаний специальных от общеизвестных. На наш взгляд, их следует искать не в источниках и не в самих специальных сведениях или опытности сведущих лиц, а в профессиональной подготовке тех участников уголовного процесса, которых закон наделил правом обращаться за содействием к специалистам и экспертам для решения возникающих специальных вопросов. Из этого следует исходить и при разграничении специальных знаний специалиста и эксперта. И если специальные познания эксперта могут быть любыми, кроме тех, которыми обладают следователи, дознаватели или судьи, наделённые исключительным правом назначать судебную экспертизу, то состав специальных знаний и навыков специалиста значительно шире. Уже потому, что этот состав по УПК РФ 2001 года стал определяться профессиональной подготовкой не только субъектов процессуального доказывания, но и неопределенного круга лиц, представленных в законе сторонами (стр.41-42).

4. После законодательного разделения сведущих лиц на специалистов и экспертов (ст.ст. 80 и 133-1 УПК РСФСР), в правоприменительной практике накопилось немало проблем, среди которых наиболее заметными стали следующие: а) проблема совмещения в одном лице специалистов и экспертов; б) проблема правовой регламентации источников специальных познаний; в) проблема формирования состава участников уголовного процесса, наделённых правом обращаться за содействием к специалисту и некоторые другие.

Мы предлагаем для решения этих проблем два способа – процессуальный и криминалистический. Первый предполагает анализ действующего законодательства, регулирующего участие сведущих лиц на предварительном следствии и в суде, его критическую оценку и выработку рекомендаций по усовершенствованию закона. Второй способ состоит в изучении новейших достижений науки и

техники, которые сведущие лица – специалисты и эксперты – могли бы полезно использовать для решения задач правосудия (стр. 53-56).

5. Проблема добросовестности сведущих лиц и достоверности сообщаемых ими сведений, начиная с принятых в 1922-1923 годах российских УПК, и до ныне действующего УПК РФ 2001 года, решалась одним способом – угрозой привлечения к уголовной ответственности за заведомо ложные показания и заключение (ст. 307 УК РФ).

Иначе, и на наш взгляд более разумно, эта проблема решалась в законах Российской Империи, установивших с начала 18 века обязанность, конкретно, врачей не только «доподлинно розыскать притчину смерти» и оформить результаты проведённого ими исследования трупа в письменном виде, но и подтвердить «присягою» его достоверность.

Мы считаем целесообразным вернуться к этой, сложившейся ещё в Российской Империи, традиции, придав нормативный характер вполне себя оправдавшим мерам морально-этического воздействия на экспертов, дающих заключения и показания. При этом, следует приводить к присяге не только судебных экспертов, но и специалистов, призываемых оказывать сторонам и суду содействие в решении возникающих специальных вопросов (стр.122).

6. Отказ от регламентации в УПК РФ 2001 года перечня источников специальных познаний, включавшего в себя науку, технику, искусство и ремесло, имел позитивные последствия. С одной стороны, это давало основания для признания специальными сведений, которые ранее выходили за обозначенные в перечне рамки. С другой стороны, отсутствие в уголовно-процессуальном законе исчерпывающего перечня источников знаний, характеризовавших ранее только экспертов, позволяло ориентироваться на него любым сведущим лицам, привлекаемым в уголовный процесс (стр.75).

7. Идея о том, что для любого носителя специальных знаний его собственные знания специальными не являются, впервые прозвучавшая ещё на рубеже 19-20 веков в дискуссии о специальном характере юридических знаний, приводит нас к убеждению в необходимости пересмотра давно сформировавшегося и поня-

тия, и сущности специальных познаний в уголовном процессе. Новая дискуссия по этому вопросу сегодня обусловлена тем, что круг специальных познаний представителей сторон обвинения и защиты оказался настолько разнообразным, что не осталось никаких оснований для его ограничения по критериям, выдвигавшимся ранее: специальная подготовка, профессиональное образование, узкий круг обладателей, необщеизвестность и т.д. В отличие от прежних потребителей специальных познаний, а ими были только следователь, дознаватель и суд, стороны, став субъектами привлечения специалистов к решению возникающих у них вопросов, получили возможность приглашать для этих целей носителей любых профессиональных знаний и навыков, которыми сами не владели. Тех же обладателей юридических знаний. Поэтому критерием разграничения специальных и неспециальных знаний должен, на наш взгляд, стать не характер самих знаний, подпадающих под установленный законом перечень, а субъективное отношение любого из участников судопроизводства, к тем или иным знаниям как для него специальным (стр. 80-81).

8. Мы считаем целесообразным внести в статью 58 УПК РФ дополнение в виде её отдельной части, закрепив в ней общие правовые основания обращения к сведущим лицам и общий критерий признания требуемых от них сведений или опытности специальными. Для этого нами предлагается следующая формулировка: *«В случае возникновения у сторон обвинения, защиты или у суда специальных вопросов, которыми они сами профессионально не владеют, судья или соответствующий представитель стороны в уголовном судопроизводстве вправе привлечь специалистов для получения на них ответов»* (стр. 86)

9. Признание субъективного критерия оценки тех или иных знаний, как специальных, лишает противников так называемой «правовой экспертизы» аргументов, препятствовавших её легализации в уголовном процессе, главным из которых всегда оставался тезис о том, что следователь и суд сами обязаны знать право. Нововведения в УПК РФ, касающиеся расширения круга потребителей знаний и навыков специалистов, позволяют сторонам с большей обоснованностью

привлекать специалистов для разрешения любых, в том числе юридических вопросов, как на предварительном следствии, так и в суде (стр. 87).

10. По результатам анализа норм УПК РФ, которыми, казалось бы, должен устанавливаться порядок и вызова, и участия специалиста в суде, мы приходим к выводу о том, что в них соответствующие правила лишь провозглашаются, но не содержат ничего конкретного. Уголовно-процессуальный закон не определяет ни того, как, с использованием каких средств коммуникации специалист должен вызываться в суд, ни того, какие сведения должен содержать этот «вызов»: время и место явки, правовые основания обращения к специалисту, какие задачи ему предстоит решать и т.д. Отсутствие в уголовно-процессуальном законе внятного регулирования порядка вызова специалиста в суд, к следователю или по требованию сторон, становится серьёзным препятствием для выполнения им своих обязанностей (стр. 105-106).

11. УПК РФ необходимо дополнить нормой о вызове специалиста для оказания содействия сторонам и суду, предусмотрев письменную его форму. В таком документе - неважно как он будет называться – повесткой, обращением, постановлением, распоряжением или иначе, надлежит указать фактические и юридические основания обращения к сведущему лицу за содействием, а также спектр вопросов, которые ему предстоит решать в статусе специалиста.

Вместе с тем на законодательном уровне должна быть установлена и ответственность специалиста за неявку или необоснованный отказ от явки по вызовам сторон или суда. В решении этого вопроса можно воспользоваться законотворческим опытом разработчиков Устава уголовного судопроизводства 1864 года, в котором законодатель, указав на обязанность сведущих людей «являться немедленно» по требованию судебного следователя или мирового судьи, в статьях 114, 323 и 328 Устава УС предусмотрел за неявку без уважительных причин наказание сведущих лиц в виде денежного взыскания в сумме до двадцати пяти рублей (стр.106).

Необходимо, кроме того, предусмотреть ещё и ответственность специалиста за иные нарушения принятых им на себя обязательств, в частности, по оказанию помощи сторонам и суду при производстве процессуальных действий (стр.107).

12. При решении проблемы вызова специалиста для участия в судебном разбирательстве уголовного дела особого внимания требует ситуация, когда инициатором привлечения специалиста становится сторона в деле, не наделённая подобно следователю или суду властными полномочиями. Чтобы уравнивать участников производства по делу в правах и соответственно придать директивный характер вызову специалиста стороной, важно не только чётко прописать в законе или ведомственных нормативных актах соответствующую процедуру, но и обеспечить выполнение специалистом обязанности явиться по вызову (стр.107-108).

13. Между тем, проблема с вызовом специалиста для участия в расследовании или судебном разбирательстве уголовного дела сторонами остаётся. И прежде всего из-за отсутствия, к примеру, у стороны защиты властных полномочий для применения к вызываемым ею специалистами мер принуждения. Чтобы уравнивать участников производства по делу в правах и соответственно придать директивный характер вызову специалиста любым участником, наделённым таким правом, было бы целесообразно предоставить сторонам возможность заявлять органу, ведущему производство по делу, соответствующее ходатайство, одновременно обязав этот орган данное ходатайство удовлетворить. Это правило следует закрепить в уголовно-процессуальном законе, сформулировав, например, в виде дополнения к первой части ст. 58 УПК РФ, где дана общая характеристика специалиста, как участника уголовного судопроизводства (стр.107-108).

14. Предлагая закрепить в УПК РФ общие правовые основания обращения к специалистам за содействием в решении специальных вопросов, мы считаем целесообразным дополнить их правилами совмещения функций сведущих лиц, выступающих в роли специалиста или эксперта. Например, в отдельной статье 58-1 УПК РФ, изложив её в следующей редакции:

«Привлечение сведущих лиц к производству по уголовным делам осуществляется как в индивидуальном порядке, так и в форме совмещения специалистов и

экспертов в одном лице, независимо от того, кто из них, и в каком статусе ранее принимал участие в данном деле, за исключением случаев, предусмотренных в части 2 настоящей статьи.

15. Совмещение сведущих лиц, использующих свои специальные познания и навыки в разных правовых формах, допускается при условии, если таким их совмещением не создаётся угрозы утраты или изменения собранных с применением специальных знаний и навыков доказательств, и оно не порождает сомнений в доказательственном значении источников информации, полученных с их помощью (стр.113-114).

16. По результатам анализа действующего УПК РФ, мы приходим к выводу о том, что перечисленных в ст. 58 УПК функций, которыми сегодня определяется правовой статус специалиста, недостаточно, и требуется его расширить. Во-первых, следует дополнить первую часть данной статьи УПК, включив в предложенный здесь перечень, помимо участия в процессуальных действиях ещё и привлечение специалиста для дачи заключения. А также предусмотреть возможность более широкого использования знаний и навыков специалиста при исследовании материалов уголовного дела. Соответственно первую часть ст. 58 УПК РФ мы предлагаем изложить в следующей редакции:

1. Специалист - лицо, обладающее специальными познаниями, привлекаемое:

- к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов;*
- для применения своих специальных знаний и навыков в исследовании материалов уголовного дела;*
- для постановки вопросов эксперту;*
- для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию;*
- для дачи заключения по вопросам, поставленным перед ним сторонами и судом.*

В общей норме о статусе и функциях специалиста, установленных ст. 58 УПК РФ с нашим дополнением и изменениями, необходимо будет также определить обязательные его качества, включая: компетентность, независимость, незаинтересованность в деле, возможно, иные. Например, качества «добросовестных свидетелей», подобно тому, как это было сделано в отношении сведущих людей, привлекаемых согласно УУС 1864 года (ст. 327 УУС).

17. Было бы целесообразно установить общий круг полномочий для всех специалистов, допустив их к участию в любом следственном или судебном действии, и исключив выборочное упоминание о нём в УПК как об участнике ограниченного круга процессуальных действий, как это имеет место сегодня. В частности, в ст.ст. 178, 179, 181, 287, 288, 290, порождающих сомнения в допустимости участия специалистов при производстве других действий, где про специалиста ничего не сказано (стр.116).

18. Процедура привлечения сведущих лиц к производству по уголовному делу, соблюдение которой обеспечивает приобретение сведущим лицом статуса специалиста, должна включать комплекс мер. В частности, помимо обоснования необходимости обращения к специальным познаниям в такой форме, и соблюдения порядка вызова сведущего лица для исполнения им своих обязанностей, процедура предполагает ещё и принятие мер, гарантирующих получение от специалиста достоверных результатов при работе с источниками доказательственной информации. В истории известны две разновидности таких мер: карательные (угроза уголовной ответственности), и превентивные, в том числе носящие морально-этический характер (например, принесение экспертом присяги).

Сегодня отечественным законодателем вторая группа мер явно недооценивается, сохраняясь лишь в форме предупреждения об ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение сведущими лицами своих обязанностей. Предлагая ввести принятие присяги в процедуру привлечения специалиста к участию в судопроизводстве, и учитывая её нравственно-психологический потенциал, мы считаем необходимым подготовить соответствующий текст в виде торжественного обещания (присяги), которая должна будет приниматься сведущим ли-

цом, как обязательное условие получения статуса специалиста или эксперта по уголовному делу. Причём не только на предварительном следствии, но и в суде. Этому тексту, на наш взгляд, было бы целесообразно придать нормативный характер, как это было, например, сделано в ст. 694 и 713 УУС 1864 года.

19. В целях обособления правовых форм использования знаний и навыков специалиста в суде и их отграничения от всего разнообразия форм использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве в целом, мы предлагаем определить само понятие тех правовых форм, которые характерны для участия специалиста именно в судебном разбирательстве уголовных дел. Такое определение могло бы выглядеть так:

«Правовые формы использования знаний и навыков специалиста в судебном разбирательстве уголовных дел представляют собой легализованные законом направления деятельности сведущего лица, имеющего правовой статус специалиста, в процессе осуществления которых специалист реализует свои специальные познания и навыки, участвуя в процессуальных действиях и решая задачи, поставленные перед ним сторонами или судом» (стр.123-124).

20. Мы полагаем, что исследованию материалов уголовного дела вполне можно придать статус самостоятельного процессуального действия. Это целесообразно сделать по двум причинам. Во-первых, действующий УПК предусматривает множество вариантов ознакомления участников производства по делу – сторон обвинения и защиты – с отдельными его материалами и делом в целом, в котором часто содержится информация специального характера, требующая разъяснений сведущих лиц. Во-вторых, законодатель сам признал правомерным привлечение специалиста к исследованию материалов уголовного дела (ч. 1 ст. 58 УПК РФ), хотя и ограничил его познавательные возможности использованием только технических средств. Эти возможности, несомненно, следует расширить (стр.126).

Таким образом, сама идея признания исследования материалов уголовного дела не только легитимной процессуальной деятельностью следствия, суда и сто-

рон, но и в определённой мере сферой применения специальных познаний, вполне заслуживает самой активной поддержки.

21. Несмотря на то, что с принятием УПК в 2001 году многие проблемы участия специалиста в расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел удалось решить, часть из них и сегодня неоднозначно воспринимается и учеными, и практиками, продолжая вызывать у них повышенный интерес. Одной из таких актуальных проблем и сегодня остаётся проблема «экспертной инициативы», имеющей давнюю историю, но которую следует сегодня понимать шире – как допустимость инициативы сведущих лиц, включая специалиста. Под инициативой сведущих лиц – и экспертов и специалистов – мы понимаем их право самостоятельно проводить некоторые следственные или судебные действия, полагая, что многие из такого рода инициативно проводимых процессуальных действий вполне могут и должны быть легализованы.

В частности, ими уже сегодня могли бы стать осмотры мест происшествия, доступ к которым требует специальных навыков. Например, осмотр мест гибели людей в горах, куда подняться без соответствующих навыков альпиниста, или осмотр затонувших объектов без надлежащей квалификации аквалангиста или водолаза был бы весьма затруднителен.

Даже в рамках выполнения задания по подготовке заключения, затребованного сторонами судебного разбирательства, специалисту может потребоваться провести и допрос, и отбор образцов, и осмотр, и следственный эксперимент и иные процессуальные действия с отражением их результатов в готовящемся специалистом Заключении, и использованных специалистом для ответов на поставленные перед ним вопросы.

22. Отмечая целесообразность расширения функций специалиста за счёт исследования материалов уголовных дел, мы считаем возможным легализовать такую практику путём дополнения УПК РФ новым, самостоятельным процессуальным (и следственным, и судебным) действием. Его можно было бы проводить в рамках предусмотренного УПК РФ ознакомления сторон и суда с протоколами, постановлениями и иными материалами уголовного дела, но с привлечением спе-

циалиста, наделённого правом использования любых познавательных методов и средств, а не только технических, названных в ст. 58 УПК РФ. Это следственное действие можно было бы проводить, как для исследования отдельных документов, так и всего их комплекса, допускаемого к ознакомлению сторонами по окончании расследования и судебного рассмотрения дела. Соответственно, мы предлагаем пополнить арсенал следственных и судебных действий «Исследованием материалов уголовного дела», с предоставлением сторонам права самостоятельного проводить в качестве допускаемого законом способа собирания доказательств (п. 2 части 1 ст. 53, часть 3 ст. 86 УПК РФ), и с привлечением к проведению такого исследования специалистов.

23. Помимо процессуальных оснований для привлечения сведущих лиц к отправлению правосудия следует учитывать и криминалистические, которые могут быть обнаружены только с использованием комплекса криминалистических приемов, методов и средств. Среди них малоизученными наукой остаются методы исследования материалов уголовного дела, позволяющие выявить противоречия и ошибки в процессе следствия и судебного разбирательства уголовного дела. Наконец, сформулировать вопросы, без ответа на которые невозможно эти проблемы решить и в итоге выбрать оптимальные средства и методы решения текущих задач, в том числе с привлечением знаний и навыков специалистов.

Поэтому весьма перспективным, на наш взгляд, могло бы стать привлечение сведущих лиц к судебному рассмотрению уголовных дел на постоянной основе. Присутствие сведущих лиц в зале суда и обращение к ним участников разбирательства позволит вовремя сделать правильный выбор нужных познавательных средств, и соответственно принять оптимальное решение, основанное на научно безупречных криминалистических рекомендациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации: офиц. сайт. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации: офиц. сайт. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2025).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации: офиц. сайт. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2025).
4. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 12.11.2024) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») (Зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 № 6931) // «Российская газета» от 30 августа 2005 №191.

Судебная практика

5. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-160/2023.

6. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-208/2023.
7. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-203/2023.
8. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-27/2022.
9. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-328/2022.
10. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-349/2022.
11. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-451/2021.
12. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-412/2020.
13. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-168/2018.
14. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-171/2019.
15. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-10/2024.
16. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-403/2023.
17. Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Уголовное дело № 1-25/2024.
18. Бюллетень Верховного суда РСФСР. – М.: - 1986.-№7.
19. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. // Официальный интернет-портал правовой информации: офиц. сайт. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=2&nd=102010095 (дата обращения: 01.07.2025).

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.02.1967 № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1996. – М.: Юрид. лит., 1997.

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.09.1975 № 5 «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1996. – М.: Юрид. лит., 1997.

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.03. 1969 № 46 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1996. – М.: Юрид. лит., 1997.

23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 (в ред. от 29 июня 2021 г.) (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультатПлюс».

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2025 г.).

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.03.1966 № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1996. – М.: Юрид. лит., 1997.

Учебники, монографии, учебные пособия

26. Аверьянова Т.В. Криминалистика: учебник для вузов. / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; Под ред. Р. С. Белкина. – 3-е изд. – М.: Норма, 2008. – 971 с.

27. Аминев Ф.Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения: монография. / Ф. Г. Аминев. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 272 с.
28. Аминев Ф.Г., Абдуллин Р.Р. Проблемы организационно-правового и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности вне государственных судебно-экспертных организаций и пути их решения: монография. – М.: Проспект, 2025. – 160 с.
29. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. – М., 1964. – 223 с.
30. Арсеньев В.Д., Заблоцкий В.А. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. / В. Д. Арсеньев, В. Г. Заблоцкий. – Красноярск, 1986. – 152 с.
31. Бахин В., Когамов М., Карпов Н. Допрос на предварительном следствии. – Алматы, 1999. – 189 с.
32. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. – М.: Норма, 1999– 486 с.
33. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: БЕК, 1997.– 333 с.
34. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. – М.: Юристъ, 1997. – 464 с.
35. Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. – М.: Юрист, 1997. – 176 с.
36. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – Тула: Автограф, 2000. – 462 с.
37. Гольдман А.М. Правовые основания и формы применения специальных познаний в советском уголовном процессе // Вопросы экспертизы в работе защитника. – Л., 1970. – 465 с.
38. Гончаренко В.И. Научно-технические средства в следственной практике. / В. И. Гончаренко. – Киев, 1984. – 149 с.

39. Громов С.А. Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления (1832 г.) // Пленк И.-Я. Наставление по судебной медицине. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2004. – 554 с.
40. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М.: ЛексЭст, 2002. – 1040 с.
41. Даневский В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа (Москва 1895). – Киев, 2003. – 89 с.
42. Жданов С.П. Криминалистическое учение о реализации специальных знаний вне судебной экспертизы: монография. – М.: Проспект, 2023. – С. 420 с.
43. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза: учебник. – М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. – 318 с.
44. Зотов Д.В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. – 86 с.
45. Ищенко Е.П. Новый век криминалистики: в 2 ч. – М.: Проспект, 2017; Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 312 с.
46. Ищенко Е.П. Специалист в следственных действиях. Уголовно-процессуальные им криминалистические аспекты. – М.: 1990. – 157 с.
47. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т./ под ред. В. Л. Янина – М.: Мысль, 1989. – 508 с.
48. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 368 с.
49. Крылов И.Ф. В мире криминалистики/И.Ф. Крылов; ЛГУ. – 2-е изд. перераб. и доп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 327 с.
50. Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах. /И.Ф. Крылов; ЛГУ. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 197 с.
51. Кудрявцева А.В, Лившиц Ю. Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2003. – № 1. – 211 с.

52. Кудрявцева А.В. Понятие «специальные знания» // Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособие / под ред. Ф.Г. Аминова. – Уфа: УЮИ МВД РФ, 2010. – 97 с.
53. Курс криминалистики: в 3 т. / под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – Т. 1. – 681 с.
54. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. – М.: ЛексЭст, 2001. – С. 222.
55. Лукашевич В.З. Уголовный процесс России. Особенная часть : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. В.З. Лукашевича. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2005. – 446 с.
56. Маньков А.Г. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юридическая литература, 1986. – 511 с.
57. Махов В. Участие специалиста в расследовании преступлений // Социалистическая законность, 1969. – № 5. – 295 с.
58. Мельникова Э.Б. Участие специалиста в следственных действиях. – М., 1964. – 87 с.
59. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. – М.: Юрист, 1995. – 64 с.
60. Памятники русского права. Вып. 8: Законодательные акты Петра I / под ред. [и с предисл.] К. А. Софроненко. – М.: Госюриздат, 1961. – 667 с.
61. Панюшкин В.А. Устав уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальный кодекс России. Ч. 1. Официальные тексты / отв. ред. В.А. Панюшкин. – Воронеж, 1998. – 453 с.
62. Порубов Н.И., Порубов А.Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 302 с.
63. Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений. – СПб., 1912. – С. 3–4. – 178 с.

64. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – М., 2002. – 383 с.
65. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М., 2005. – 282 с.
66. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 735 с.
67. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2010. – 458 с.
68. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы: учебник. – М.: Норма, 2009. – 367 с.
69. Россинская Е.Р. Профессия - эксперт / Е. Р. Россинская. – М.: Юрист, 1999. – 190 с.
70. Селиванова Н.А. Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова и В.А. Снеткова. – М.: Инфра-М, 1997. – 732 с.
71. Семенов Е.А., Васюков В.Ф., Волеводз А.Г. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты: монография / под ред. А.Г. Волеводза. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 137 с.
72. Скорченко П.Т. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. – М., 1999. – 270 с.
73. Следственные действия. Криминалистические рекомендации и образцы документов / под ред. В.А.Образцова. – М.: Юрист, 1999. – 499 с.
74. Сорокотягина Д.А., Сорокотягин И.Н. Теория судебной экспертизы: учебное пособие. – Ростов н/Д.: Феникс, 2009. – 448 с.
75. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 125 с.
76. Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 148 с.

77. Торвальд Ю. Сто лет криминалистики: Пути развития криминалистики / пер. с нем. М. Б. Колдаевой; под ред. и с вступ. статьей д-ра юрид. наук Н. С. Алексеева. – М.: Прогресс, 1974. – 438 с.
78. Торвальд Ю. Криминалистика сегодня: развитие судебной серологии / Ю. Торвальд. – М.: Юрид. лит., 1980. – 200 с.
79. Шопенгауэр А. Афоризмы и истины: [Пер. с нем.] / Артур Шопенгауэр. – М.: ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 1999. – 733 с.
80. Хрусталеv В.Н., Трубицын Р.Ю. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях: Курс лекций: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Судеб. экспертиза" / В. Н. Хрусталеv, Р. Ю. Трубицын; Саратов. юрид. ин-т МВД России. - Саратов: Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2003. – 211 с.
81. Эйсман А.А. Заключение эксперта: Структура и научные обоснования. / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М.: Юрид. лит., 1967. – 152 с.
82. Эксархопуло А.А. Криминалистика: учебник / А. А. Эксархопуло. - СПб.: Лема, 2009. – 902 с.
83. Эксархопуло А.А. Криминалистика: теоретические проблемы и практические решения: учебное пособие / А. А. Эксархопуло; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Башкирский государственный университет". – 2-е изд., изм. и доп. – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2019. – 393 с.
84. Эксархопуло, А.А. Криминалистика. Теоретический курс: Монография / А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин – Уфа: НИИ ППГ, 2022. – 649 с.
85. Эксархопуло А.А. Криминалистическая техника. Схемы и классификации: учебное пособие. – СПб., 1998. – Ч. 1. – 412 с.
86. Эксархопуло А.А. Криминалистическая экспертиза материалов уголовных дел: учебник для вузов / А. А. Эксархопуло. – М: Юрайт, 2021. – 395 с.

87. Эксархопуло А.А. Криминалистика: история и перспективы развития: монография / А. А. Эксархопуло, И. А. Макаренко, Р. И. Зайнуллин. – М.: Юрайт, 2019. – 167 с.
88. Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории / А. А. Эксархопуло; Санкт-Петербург. гос. ун-т. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1992. – 116 с.
89. Эксархопуло А.А. Сборник заключений по результатам анализа материалов уголовных дел / А. А. Эксархопуло ; Министерство науки и высшего образования РФ, Башкирский государственный университет. Дела о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2019-, 2019. – 262 с.
90. Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела / А. А. Эксархопуло. — СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 277 с.
91. Эксархопуло А.А. Криминалистика: теоретический курс: научная монография / [Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И. и др.]. – Уфа: НИИ ППГ, 2022. – 648 с.
92. Эксархопуло А.А. Криминалистика: история и перспективы развития: монография / А. А. Эксархопуло, И. А. Макаренко, Р. И. Зайнуллин. – М.: Издательство Юрайт, 2019. –167 с.
93. Эксархопуло А.А. Проблемы криминалистики: от теории к практике: монография. /Эксархопуло А.А., Макаренко И.А., Зайнуллин Р.И., Халиуллина А.Ф.– Уфа, 2024. – 326 с.

Статьи, тезисы выступлений

94. Абдрахманова Л.Н. Актуальные проблемы правового статуса специалиста как участника судебного разбирательства уголовных дел / Л.Н. Абдрахманова. // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 4(24). – С. 148–153.

95. Абдрахманова Л.Н. Основания принятия решения о привлечении специалиста к участию в судебном разбирательстве по уголовным делам / Л.Н. Абдрахманова. // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 132–138.
96. Абдрахманова Л.Н. Правовое обеспечение осуществления специалистом своих функций в уголовном судопроизводстве / Л.Н. Абдрахманова. // Юрист-Правовед. – 2025. – № 2(113). – С. 84–89.
97. Абдрахманова Л.Н. Сущность и источники специальных познаний специалиста и эксперта в уголовном судопроизводстве / Л.Н. Абдрахманова. // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2025. – № 3. – С.11–18.
98. Бризицкий А., Зажицкий В. Материалы уголовного дела и судебные доказательства // Советская юстиция. – 1977. – № 21, С. 21–23.
99. Ватутина О.Ю. Заключение эксперта и заключение специалиста в суде присяжных: проблемные аспекты оценки // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 марта 2021 г.). – М., 2021. – С. 156–160.
100. Верхотурова С.В., Соболевская С.И. О роли специалиста в уголовном процессе // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 1 (55). – С. 71–81.
101. Винберг А.И. Специалист в процессе предварительного расследования // Социалистическая законность. – 1961. – № 9 – С. 30–34.
102. Галимханов А.Б. К вопросу о назначении и производстве экспертизы по уголовным делам // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 3. – С. 1433–1435.
103. Зиненко Ю.В. К вопросу о проблеме определения тяжести вреда здоровью при расследовании насильственных преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (28). – С. 27–31.
104. Иванова Е.В., Дьяконова О.Г. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 242, 242.1, 242.2 Уго-

ловного кодекса Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (76). – С. 44–45.

105. Клевно В.А., Пузин С.Н. Судебно-медицинская экспертиза вреда здоровью // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2011. – Т. 14, № 4. – С. 51–53.

106. Кокорев Л.Д. Процессуальные проблемы использования достижений НТП в уголовном судопроизводстве // Вопросы уголовного процесса: межвуз. сб. – Саратов, 1977. – Вып. 1 – С. 179–181.

107. Корсаков К.А. Проблема использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве // Криминалистический вестник. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 41–50.

108. Кудрявцева А., Лившиц Ю. Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2003. – № 1. – С. 123–134.

109. Лукошкина С.В. Сравнительный анализ правового статуса лица, обладающего специальными знаниями по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и УПК Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 3. – С. 59–68.

110. Мещеряков В.А., Цурлуй О.Ю., Кудрявцев Ю.С. К вопросу об оценке компетенции судебного эксперта // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 марта 2021 г.). – М., 2021. – С. 420–422.

111. Петров В.В., Эксархопуло А.А. Исторический опыт и современные перспективы развития судебно-экспертных учреждений в условиях проведения правовой реформы // Правоведение. – 2004. – № 4. – С. 139–148.

112. Россинская Е.Р. Теоретические и прикладные проблемы судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 5-10.

113. Селиванов Н.А. Основания и формы применения научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений // Вопросы криминалистики. Вып. 12. – М., 1964.

114. Семенцов В.А. Следственные действия по Уставу уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4. – С. 679–685.

115. Хабова З.С., Фетисов В.А. О судебно-медицинской оценке тяжести вреда здоровью в случаях травм голеностопного сустава // Судебно-медицинская экспертиза. – 2012. – № 55 (4). – С. 14–17.

116. Хорошева А.Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве с участием присяжных заседателей: исторические практики и наше время // Глаголь правосудия. – 2017. – № 2 (14). – С. 65–71.

117. Чигрина Е.В. Причинение тяжкого вреда здоровью: понятие и проблемы квалификации // Экономика. Право. Общество. – 2024. – № 9 (2). – С. 58–63.

118. Шапиро Л.Г. О совершенствовании правовой регламентации института судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 3-й Международной науч.-практ. конф. – М.: Проспект, 2011. – С. 60 – 72.

119. Эйсман А.А. Критерии и формы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании в целях получения судебных доказательств // Вопросы криминалистики. – М., 1962. – Вып. 6–7. – С. 40–52.

120. Эксархопуло А.А. Криминалистика: уроки истории и современное развитие // Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию каф. криминалистики Ин-та права БашГУ / под общ. ред. И.А. Макаренко. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 45–54.

121. Эксархопуло А.А. Правовые основы использования специальных познаний и технических средств в расследовании уголовных дел // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законода-

тельства: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И.Ф. Герасимова. – Екатеринбург, 2003. – С. 525–526.

122. Эксархопуло А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики. – М., 2001. – Вып. 2.

123. Эксархопуло А.А. Сущность специальных познаний в состязательном уголовном процессе // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 3-й Международной науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 января 2011 г.). – М., 2011. – С. 212–213.

124. Эксархопуло А.А. Криминалистика: уроки истории и современное развитие // Криминалистика как наука и учебная дисциплина: история, настоящее и перспективы развития: сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию каф. криминалистики Ин-та права БашГУ / под общ. ред. И.А. Макаренко. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 45-53.

125. Эксархопуло А.А., Петров В.В. Исторический опыт и современные перспективы развития судебно-экспертных учреждений в условиях проведения правовой реформы // Правоведение. – 2004. – № 4 – С.139 - 149.

Диссертации и авторефераты диссертаций

126. Галинская А.Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве сторонами и их представителями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017.

127. Денисов А.Э. Специалист как участник уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

128. Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2021.

129. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008.

130. Исаева О.А. Процессуальный статус специалиста в условиях состязательности уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
131. Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013.
132. Крылов И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии: дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1966.
133. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., [б.г.].
134. Латыпов В.С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: дис. д-ра юрид. наук. – Уфа, 2023.
135. Махов В.Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993.
136. Мацун Е.А. Процессуальное положение специалиста в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2013.
137. Новик Ю.И. Научные основы принятия тактических решений при производстве следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 1979.
138. Новиков А.А. Институт специалиста в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2007.
139. Савицкая И.Г. Формы участия специалиста в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2012.
140. Сорокотягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1992.

141. Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.

142. Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2008.

143. Эртевциан А.Н. Основные вопросы теории и практики криминалистической экспертизы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1961.

Электронные ресурсы

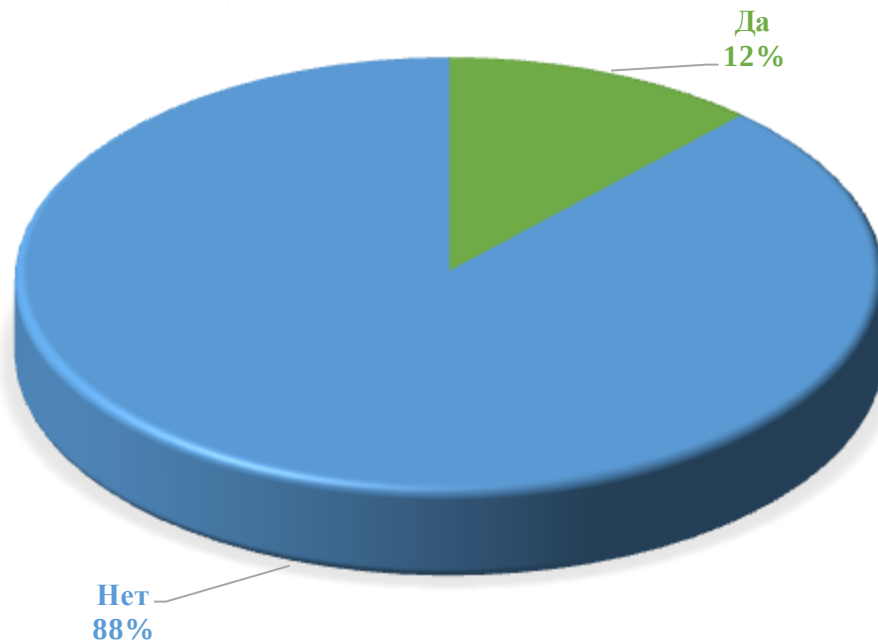
144. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. (распознанный текст. С.356)// Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. сайт – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 01.07.2025).

145. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Электронный ресурс].–URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205273/?ysclid=m3cjasy5zg969285373> (дата обращения: 12.03.2025).

146. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1966. – № 36, ст. 1018). сайт – URL: <https://base.garant.ru/1306636/> (дата обращения: 01.07.2025).

147. Устав уголовного судопроизводства (судебные реформы 1864 г.). сайт – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 01.07.2025).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

СПЕЦИАЛИСТЫ ПРИВЛЕКАЛИСЬ
В СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВОПО ИНИЦИАТИВЕ КАКОЙ СТОРОНЫ
ПРИВЛЕЧЕН СПЕЦИАЛИСТ

Приложение 2.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

по программе исследования на тему

«Специалист в суде по уголовным делам: проблемы и перспективы»

1. Насколько глубоко Вы знакомы с криминалистической техникой?

Имею представление	91,25%
Имею глубокие познания	8,75%
Не знаком	0%

2. Известны ли Вам приемы криминалистической тактики и положения частной криминалистической методики?

Известны поверхностно	63,75%
Известны	36,25%
Не известны	0%

3. Привлекались ли по рассмотренным Вами делам специалисты для участия в судебном разбирательстве?

Да	91,25%
Нет	8,75%

4. По чьей инициативе чаще всего приглашались специалисты для участия в судебном разбирательстве рассмотренных Вами уголовных дел?

По инициативе стороны защиты – обвиняемого, защиты	48,75%
По инициативе суда	25%
По инициативе стороны обвинения – государственный обвинитель, потерпевший	22,5%
Иное	3,75%

По инициативе самих сведущих лиц	0%
----------------------------------	----

5. В какой преимущественно правовой форме специалисты привлекались к судебному разбирательству?

В форме устных консультаций	51,25%
В форме оказания помощи при производстве судебных действий, в том числе для постановки вопросов эксперту	18,75%
В форме дачи письменных заключений	18,75%
В форме исследования материалов уголовных дел	7,5%
Иное	3,75%

6. Как часто суд отказывал сторонам в привлечении специалистов к судебному разбирательству?

Отказывал редко	62,5%
Не отказывал	18,75%
Отказывал часто	18,75%
Отказывал всегда	0%

7. По каким основаниям суд чаще всего отказывал участникам судебного разбирательства в удовлетворении их ходатайств о привлечении специалистов?

Для решения того или иного вопроса специальные знания не требуются	47,5%
Поставленный вопрос не имеет отношения к делу	37,5%
Специалист, предлагаемый стороной, не обладает нужными знаниями	7,5%
иное	7,5%

8. Как оформлялось принятия решения о привлечении специалиста в судебное заседание?

Записи о принятом решении в протоколе судебного заседания	75%
На основании определения суда	17,5%
На основе устного распоряжения	3,75%
Никак	3,75%

9. Для решения каких задач привлекались специалисты в судебное заседание по рассмотренным Вами уголовным делам?

Для ответа на поставленные сторонами и судом специальные вопросы, возникшие в ходе судебного разбирательства, посредством проведения исследований и дачи заключения	27,5%
Для оценки ранее проведенной экспертизы	23,75%
Для дачи показаний по поводу представленного специалистом письменного заключения	23,75%
Для собирания доказательств в порядке оказания технической помощи суду	7,5%
Для постановки вопросов эксперту	7,5%
Для подачи показаний в качестве свидетеля	5%
Иное	5%

10. В каких судебных действиях специалисты принимали участие?

Допросах	51,25%
В назначении экспертизы	17,5%
В осмотрах	13,75%
Следственных экспериментах	10%
В перекрестном допросе и очной ставке	7,5%

11. Привлекались ли по рассмотренным вами делам специалисты для решения юридических вопросов?

Нет	87,5%
Да	8,75%
Иное	3,75%

12. Если Вами привлекались специалисты в области права, то для решения каких вопросов?

Иные вопросы	50%
Для решения уголовно-процессуальных вопросов	25%
Для решения вопросов о квалификации деяния	12,5%
В области коммерческого, банковского, финансового и т.д. права	8,75%
В области гражданского права	3,75%

13. Как Вы относитесь к легализации так называемых «правовых экспертиз»?

Против	45%
За	27,5%
Не знаю	27,5%

14. Считаете ли Вы правомерным привлечение сторонами судебного разбирательства, не обладающими юридическими знаниями, специалистов в области правовых наук, для решения возникающих у них юридических, в том числе криминалистических вопросов?

Нет	63,75%
Да	22,5%
Не знаю	13,75%

15. В решении каких проблем более всего нуждается институт специалиста, привлекаемого к судебному разбирательству уголовных дел?

Законодателю следует более четко разграничить статус специалиста и эксперта, дающих свои письменные заключения, и принять отдельную норму о содержании заключения специалиста	37,5%
Следует подробно регламентировать основания и порядок приобщения заключения специалиста к материалам суда	22,5%
Необходимо в законе установить содержание и порядок приобщения заключения специалиста к материалам суда	15%
Надлежит более четко регламентировать процессуальное оформление привлечения специалиста к судебному разбирательству	12,5%
Должны быть четко, на уровне закона определены основания отказа стороне процесса в ходатайстве о привлечении специалиста	6,25%
Установить правовые последствия немотивированное отказа от привлечения специалиста в суд	2,5%
Необходимо ликвидировать институт специалиста, дающего заключение, как форму использования специальных познаний, дублирующую судебную экспертизу	2,5%
Иное	
Необходимо легализовать участие в судебном заседании сведущих в области права лиц. Установить такое право только для тех участников судопроизводства, которые не являются сведущими в области юридической науки лицами	1,25%

16. Считаете ли Вы, что заключение эксперта является приоритетнее заключения специалиста?

Да	63,75%
Нет	36,25%

Проект текста торжественной присяги при вступлении в должность эксперта

«Я, [Фамилия, Имя, Отчество], вступая в должность эксперта торжественно клянусь:

1. Честно и добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности, руководствуясь исключительно законом, научными знаниями и фактическими обстоятельствами дела.
2. Обеспечивать объективность, полноту и всесторонность проводимых исследований и экспертиз, не допуская влияния личных убеждений, давления или корыстных интересов на свои выводы.
3. Строго соблюдать государственную и иную охраняемую законом тайну, не разглашать данные предварительного расследования и сведения, ставшие мне известными в ходе выполнения функций эксперта или специалиста по уголовным делам.
4. Своевременно и в полном объёме исполнять требования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также иные нормативные акты, регулирующие мою деятельность.
5. Быть беспристрастным и независимым в своих суждениях. В случае возникновения обстоятельств, исключающих моё участие в производстве по делу или ставящих под сомнение мою объективность, немедленно заявить самоотвод.
6. Повышать свой профессиональный уровень и квалификацию для наиболее точного и достоверного содействия установлению истины по делу.

Клянусь свято соблюдать данную мной присягу. В случае её нарушения готов нести ответственность, установленную законодательством Российской Федерации».